ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 4 (44) 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Майоров А. А. К вопросу о внешних факторах возникновения Верховской историко-географической провинции 5

Митрофанов В. П. Источники по истории английского фермерства XVI–XVII вв. 14

Смирнов Ю. Н. Безвозмездная служба по учебной части как «социальный лифт» в дореформенной России: введение должности почетных смотрителей уездных училищ..... 23

Болдырев Д. В. Ключевые аспекты взыскания задолженности в Пензенской губернии во второй половине XIX в. 33

Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю. Революция 1917 г. 100 лет спустя: современные интерпретации..... 42

Федосеева Л. Ю., Гаврилова Т. В. Социальный, национальный, профессиональный и партийный состав художественной интеллигенции Пензенского края в 1920-е гг. 51

Кондрашин В. В., Корнилов Г. Е., Мельников Н. Н., Мозохин О. Б. Реализация танковой программы СССР в условиях борьбы с вредительством в 1930-е гг. 60

Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Власенко Д. В. Образовательная и культурно-просветительская деятельность Русской православной церкви на территории Мордовии в постсоветский период 73

ФИЛОЛОГИЯ

Ситникова Т. В. Литературный компонент в изданиях общего типа на рубеже XIX–XX вв. (на примере царицынского народного литературно-общественного издания «Поволжская дума»)..... 82

Джелалова Л. А. Пословица как объект обиходно-ориентированного общения (на материале русских пословиц) 96

Коноплев Д. Э. Кластеры экономического мышления как фактор формирования экономической картины в журналистском тексте..... 104

Щенникова Н. В., Дидык Ю. А. Фонологическая система русского идиома английского языка: дескриптивно-аналитический подход 113

Болотская М. П., Зуенкова А. О. Вербализация концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле И. Л. Муравьевой (на материале текста романа «Барышня») 122

Горланов Г. Е. Лермонтовский человек в постижении генезиса «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня» 132

ПЕДАГОГИКА

Гагаев А. А., Гагаев П. А. О человеке, вере и воспитании 140

Масленникова Л. В., Окунев Д. В., Майкова С. Э. Идентификация факторов формирования уникальных научных компетенций студентов исследовательских университетов 151

Шевырдяева К. С., Лыгина М. А. Изучение ориентации студентов на ведение здорового образа жизни и сформированности ценностного отношения студентов к здоровью 162

Витун Е. В., Бакурадзе Н. С., Нурматова Т. В. Использование информационно-компьютерных технологий на занятиях по физической культуре в высшем учебном заведении 168

Воропаев М. В., Толкачева Н. В. Проблема структурно-функционального анализа образовательного пространства регионального высшего учебного заведения 180

Бобров В. А., Кириллов Г. М., Парменов А. А. Проблема формирования личности в условиях многофакторного воздействия информационной среды 193

Фролова Н. Х., Миханова О. П. Возможности вики-сайта для обучения иностранному языку: опыт сотрудничества российских вузов 204

РЕЦЕНЗИИ

Митрофанов В. П. Новая монография о средневековом Лондоне 214

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 4 (44) 2017

CONTENTS

HISTORY

Mayorov A. A. Some external aspects of the formation of Verhovskaya historical-geographical province 5

Mitrofanov V. P. Sources on the history of English farming of the XVI–XVII centuries 14

Smirnov Yu. N. Free teaching service as a "social elevator" in pre-reform Russia: the introduction of honorary wardens in district schools 23

Boldyrev D. V. Key aspects of debt collection in Penza region in the second half of the XIX century 33

Karnishina N. G., Karnishin V. Yu. The revolution of 1917. 100 years later: modern interpretation 42

Fedoseeva L. Yu., Gavrilova T. V. Social, national, professional and party composition of the artistic intelligentsia of Penza region in 1920s 51

Kondrashin V. V., Kornilov G. E., Mel'nikov N. N., Mozokhin O. B. The realization of the USSR's tank program in the context of the struggle against sabotage in 1930s 60

Martynenko A. V., Nad'kin T. D., Vlasenko D. V. Educational and cultural activities of the Russian Orthodox Church in the territory of Mordovia in the post-Soviet period 73

PHILOLOGY

Sitnikova T. V. A literary component in publications of general type at the turn of XIX–XX centuries (by the example of tsaritsyn people's literary public periodicle "Povolzhskaya duma") 82

Dzhelalova L. A. The proverb as an object of everyday household communication (by the material of Russian proverbs) 96

Konoplev D. E. Clusters of economic thinking as a formation factor for economic reality in journalistic text 104

Shchennikova N. V., Didyk Yu. A. Phonological system of the Russian idiom of the English language: description and analysis 113

Bolotskaya M. P., Zuenkova A. O. Verbalization of the concepts "life" and "death" in I. L. Muravyova's individual style (on the basis of the novel "Barishnya") 122

Gorlanov G. E. Lermontov's person in understanding the genesis of the "unearthly" in the poem "On the 11th of June 1831" 132

PEDAGOGY

Gagaev A. A., Gagaev P. A. On the man, faith and education..... 140

Maslennikova L. V., Okunev D. V., Maykova S. E. Identification of factors of unique scientific competences development in students of research universities 151

Shevyrdyaeva K. S., Lygina M. A. A study of student's orientation to maintain a healthy lifestyle and the degree of development of students' value attitudes towards health 162

Vitun E. V., Bakuradze N. S., Nurmatova T. V. The use of information and computer technologies at physical education classes at universities..... 168

Voropaev M. V., Tolkacheva N. V. The problem of structural and functional analisys of educational environment of a regional university..... 180

Bobrov V. A., Kirillov G. M., Parmenov A. A. The problem of personal formation under the conditions of multiple influence of information media 193

Frolova N. Kh., Mikhanova O. P. The potential of the wiki-site application in English language teaching: collaboration of the Russian universities 204

CRITICAL REWIEWS

Mitrofanov V. P. A new monograph on medieval London..... 214

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470)
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-1

А. А. Майоров

К ВОПРОСУ О ВНЕШНИХ ФАКТОРАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЕРХОВСКОЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема регионального членения исторической России, выделения внутренних и внешних причин формирования того или иного исторического региона до настоящего времени является весьма актуальной. Предметом рассмотрения настоящей статьи является процесс возникновения на территории бассейна Верхней Оки в IX–X вв. отдельного историко-географического региона. В качестве цели настоящей работы определено выявление значимости в ходе его формирования различных внешних факторов, их взаимосвязь и взаимодействие с внутренними (социальными и географическими) особенностями рассматриваемой территории. Статья является продолжением серии ранее опубликованных работ.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была осуществлена на основе анализа результатов широкого круга исторических исследований, относящихся к разным отраслям исторического знания: археологии, отечественной и всеобщей истории, исторической географии, филологии и т.д. В качестве методологической основы работы выступают как традиционные исторические методы (описательный, сравнительно-исторический), так и методы историко-географические (историко-физико-географический, интегрального историко-географического среза).

Результаты. Результатом рассмотрения изложенного материала является выявление ряда важнейших факторов, повлиявших на возникновение и становление Верхнеокского (Верховского) историко-географического региона: изменения торговых путей вследствие обострения военно-политической обстановки на территории Ближнего Востока, торговая и политическая экспансия Хазарского каганата, активизация расселения различных групп славянского происхождения и т.д.

Выводы. Совокупность выявленных в ходе проведенного исследования внешнеполитических и внешнеэкономических факторов, внутренних процессов, проходивших в территориальных границах исследования, их объединенный эффект позволяют сделать вывод о высокой степени их значимости при формировании в заявленных хронологических рамках Верхнеокского (Верховского) историко-географического региона.

Ключевые слова: географическое положение, расселение славян, торговые пути, Хазария, вятичи, Верхняя Ока.

A. A. Mayorov

SOME EXTERNAL ASPECTS OF THE FORMATION OF VERHOVSKAYA HISTORICAL-GEOGRAPHICAL PROVINCE

Abstract.

Background. The problem of the regional structure of historical Russia, the definition of real internal and external causes of the emergence of various historical re-

gions is very relevant to the present time. In this article, the subject of consideration is the process of the emergence of a special historical and geographical region in the Upper Oka basin in the 9th–10th centuries. The purpose of this work is to identify the importance of various external factors in the course of its formation, their interrelation and interaction with the internal (social and geographical) features of these lands. The article is a continuation of a series of previously published works.

Materials and methods. The realization of research tasks was carried out on the basis of an analysis of the results of a wide range of historical studies relating to various branches of historical knowledge: archeology, national and universal history, historical geography, philology, etc. As a methodological basis of the work are both traditional historical methods (descriptive, comparative-historical), and historical-geographical (historical-physical-geographical, integral historical-geographical cutting) methods.

Results. The result of the review of the above material was the identification of a number of important factors that had an impact on the emergence and development of the historical region in question: the changes in trade routes as a result of the aggravation of the military and political situation in the Middle East, the trade and political expansion of the Khazar Khaganate, the activation of colonization processes carried out by various groups of Slavic origin, etc.

Conclusions. The combination of foreign policy and external economic factors, as well as internal processes that took place within the territorial boundaries of the research, revealed their combined effect, make it possible to draw a conclusion about their high significance in the formation of the historico-geographical region in the declared chronological frames of the Upper Oka (Verkhovskaya historical-geographical province).

Key words: geographical position, Slavic colonization, trade routes, Khazaria, Vyatichi, Upper Oka.

Российское государство в силу своего значительного размера на протяжении всей истории своего существования объединяло территории, первоначально не имевшие единства в геополитическом, природном и этносоциальном отношениях. Масштабы региональных различий варьировались, а они сами постепенно стирались в процессе укрепления политического единства страны. Вместе с тем некоторые регионы смогли длительное время сохранять свою специфику, в результате чего их можно характеризовать как отдельные историко-географические провинции. В настоящее время данное определение последовательно утверждается в отечественной историографии.

Определяющим фактором подтверждения существования исторического региона является степень его субъектности в качестве самостоятельного действующего лица в ходе текущих политических процессов в сочетании с длительностью периода существования в рамках собственных границ. Восточно-европейские регионы, существовавшие на протяжении длительного исторического периода в качестве самостоятельных княжеств (великих княжеств), – Смоленщина, Рязанщина, Новгородщина и др. – уже традиционно именуются «землями» [1, с. 6, 78]. В то же время некоторые исторические княжества (в частности, Черниговское) состояли из ряда менее крупных и не столь самостоятельных частей, которые, тем не менее, на протяжении нескольких веков сохраняли свое территориальное, политико-экономическое своеобразие в сочетании с ясно прослеживаемой культурной и политической преемственностью.

Одним из регионов такого рода являлась Верховская историко-географическая провинция, расположенная в бассейне верхнего течения реки Оки [2]. Эта территория отличалась от других частей страны тем, что имела контрастно выраженные специфические особенности своего географического расположения. Она находилась в месте соприкосновения нескольких важных географических зон. В ее пределах смыкались водоразделы трех крупных рек Восточной Европы: Оки как притока Волги, Дона и Десны как притока Днепра. Более того, там соприкасались лесные и степные природные ландшафты, представлявшие соответственно нечерноземную и черноземную почвенные зоны. Верховская историко-географическая провинция оказалась очень удобным местом для развития перевалочной торговли, для формирования «торгового узла» в точке пересечения торговых путей из Западной Европы в Хазарию и из Северной Европы в Византию. Можно утверждать, что разветвленная окская речная система стала решающим и наиболее значимым географическим фактором возникновения и последующего развития Верховской историко-географической провинции. Именно она стала тем естественным природным фактором, который оказал консолидирующее воздействие на отдельные части этой территории, что впоследствии привело к их объединению в единое целое.

Коммуникативно-транспортная значимость речных путей в средневековой Восточной Европе была очень высока. Эта часть континента, в отличие от ее западных соседей, в большинстве своем не получила римского транспортно-логистического наследия в виде дорог, построенных ушедшей империей. Обширные пространства Восточноевропейской равнины были связаны преимущественно речными торгово-транспортными путями, поскольку сухопутные маршруты были подчас малопригодны из-за их протяженности и трудностей передвижения на местности. Места проживания и хозяйственной деятельности древних славян были жестко привязаны к водным артериям их регионов [3, с. 19, 22].

Как известно, большинство средневековых населенных пунктов и мест обнаружения значимых археологических находок находились на берегах рек. Помимо транспортной функции, как летней, так и зимней, водная система являлась важнейшим сырьевым ресурсом как для удовлетворения прямых жизненных потребностей населения, так и для организации различных домашних промыслов и ремесленных производств. Не подлежит сомнению важность привязанной к речной сети добычи болотного железа, транспортировки сырья, припасов, готовой продукции и многого другого.

Следует указать, что в конце I – начале II тысячелетия н.э. природные условия в бассейне верхней Оки несколько отличались от современной ситуации: степень увлажненности была более высокой, леса занимали большую территорию, качественные характеристики водных объектов были выше. Такие отличия, со своей стороны, подчеркивают значимость речной системы для формирования специфических черт Верховской историко-географической провинции. С учетом того, что реки в прошлом были более полноводными, оценка Верхнеокского региона как места пересечения торговых путей только возрастает.

По нашему мнению, сам факт возникновения Верховской историко-географической провинции стал одним из последствий весьма сложной военно-

политической ситуации, сложившейся на огромной территории, включавшей Европу, Переднюю и Центральную Азию, а также Северную Африку в VII–VIII вв. В тот период многочисленные арабо-византийские войны, последовавшие за захватом арабами Персии, практически полностью разорвали существовавший ранее крупный торговый маршрут из Европы через Аравию и Египет в страны Востока.

Обширные арабские завоевания повлекли за собой ликвидацию долгое время действовавшей целостной системы торговых маршрутов, связывавших Европу с так называемыми «восточными» регионами, которые простирались от Северной Африки до Китая и Индии.

После утверждения арабского контроля над Ближним Востоком, Египтом и Месопотамией оказались прерванными многочисленные маршруты поставки драгоценных металлов, ювелирных изделий и пряностей в Европу. Потребление таких товаров в Европе во многом носило статусный характер. Драгоценные металлы символизировали самостоятельность и значимость относительно молодых варварских европейских королевств. Использование пряностей, различных украшений и предметов роскоши указывало на значимость и влиятельность новой европейской элиты, правившей в этих государствах.

Поднявшиеся на самый верх социальной лестницы представители новой европейской аристократии стремились показать себя преемниками прежних римских правителей. Для этого они пытались копировать прежние образцы потребления и поведения. Высокий уровень потребления и доступности материальных благ в виде особых продуктов, тканей, украшений, качественного оружия и утвари подчеркивал социальную дистанцию европейской знати от основной массы населения. Таким образом, в среде европейской знати существовал стабильный спрос на привезенные с Востока товары [4, с. 8–10].

В силу названных причин в Европе не могло не возникнуть стремление к организации доставки быстро ставших малодоступными восточных товаров. Для этого надо было найти новые торговые пути взамен утраченных. В реалиях того времени было совершенно очевидно, что за исключением различных и совершенно экзотических трансафриканских вариантов альтернативы разведке и прокладыванию евразийских маршрутов через Центральную Азию и Восточную Европу не существовало. Для налаживания торговых контактов между Западом и Востоком достаточно хорошо подходил трансевразийский маршрут, проходивший с запада через бассейн верхнего течения Оки и уходивший далее на юг по Волге и Дону.

Результативность использования названного маршрута уже отмечалась в научной литературе. Известна точка зрения о том, что «для VIII–IX вв. ключевыми путями поступления арабского серебра были Волга и Дон». В том регионе отчетливо просматриваются два широтных торговых пути. Первый вел через Поочье и крупный контрольно-административный центр Хазарского каганата Супруты на Донской торговый путь. Второй шел с Балтики по Западной Двине на север Руси с выходом на Волгу [5, с. 13]. В данном случае современные исследователи лишь дополнительно подтверждают высказанную ранее гипотезу А. В. Назаренко, опиравшуюся на анализ «Раффельштеттенского таможенного устава» (Inquisitio de theloneis Raffelstettensis) и Баварского летописца и предполагавшую факт существования в IX в. тор-

гового пути «из немцев в хазары» и обратно [6, с. 71–112]. Такой торговый путь пролегал из германских земель через Великую Моравию. Там он проходил через города Прага, Козоеды, Микульчицы, Раквице, Старе Место, Нитра, Девин и представлял собой один из участков широтного торгового маршрута, продолжавшегося далее на восток через бассейн Верхней Оки [5, с. 14]. Анализ географических карт позволяет заметить, что в бассейн Верхней Оки выходил также и другой торговый маршрут, проложенный по Западной Двине.

Весьма важным и до конца не проясненным является вопрос о причинах выбора именно донского маршрута. Анализ логистических особенностей Северного Причерноморья указывает на большую экономичность и меньшую протяженность возможного морского пути к устью Дуная и продвижение далее вверх по течению этой реки, вглубь Европейского континента. По всей видимости, именно наличие неких сложнопреодолимых препятствий заставляло торговцев углубляться в степные и лесные просторы Восточноевропейской равнины. В качестве одного из возможных препятствий следует рассматривать недружественный (относительно восточных и хазарских купцов) контроль за дунайским судоходством со стороны каких-то внешних факторов, в качестве которых можно рассматривать ряд кочевых народностей, прошедших по причерноморскому коридору в дунайский бассейн.

Помимо прочего, IX – начало X в. можно рассматривать как время доминирования в северном Причерноморье Хазарского каганата, его борьбы и сотрудничества с Византийской империей. В случаях осложнений хазарско-византийских отношений торговцам могло быть выгоднее и безопасней использовать маршруты, проходившие через территорию Верховской историко-географической провинции.

Вероятным аргументом в пользу использования пути по Дону или Волге через Поочье может быть привлекательность его ориентации именно в северную часть Европы, на балтийское побережье и прилегающие к нему территории. Такой маршрут мог сократить время доставки товара местным потребителям, а также уменьшить «транспортные издержки» в виде торговых пошлин и сборов.

Передвижение торговых караванов по землям верхнего течения Оки осложнялось отсутствием местного населения, которое могло бы выполнять функции обслуживания и охраны этого торгового пути от норманнских набегов. Необходимо отметить, что выходцы из Скандинавии были осведомлены о трансевразийских торговых маршрутах и могли их достигать в том числе в пределах Верхнего Поочья. Достаточно наглядным в этой связи выглядит появление на территории Восточной Европы ряда крупных по тому времени поселений со значительной долей норманнского населения с их характерными археологическими признаками, таких как Темирево, Гнездово, Сарское городище, Шестовица, Старая Ладога и др. [7, с. 51–54].

В постгуннское время территория бассейна Верхней Оки, ранее занятая представителями балтской мощинской культуры, как показывают данные археологических исследований, потеряла значительную долю своего населения. Это было обусловлено целым комплексом причин, среди которых значительное место занимают последствия целенаправленных набегов носителей кочевой степной культуры [8].

Часть балтского населения, по всей видимости, выжила, но общая его численность уже не могла восстановиться. В таких условиях участникам восточной торговли было крайне трудно обеспечить безопасность путей по Дону и Оке (окской водной системе), так как там отсутствовало достаточное количество боеспособного населения, способного противостоять грабительским набегам уже знавших об этих маршрутах норманнов. Симптоматично, что, несмотря на расселение балтов по практически всей территории бассейна Верхней Оки и их относительное культурное единство, говорить о зарождении отдельной историко-географической провинции представляется поспешным, так как в первые века нового тысячелетия не удается отследить наличие внешних и внутренних причин консолидации рассматриваемой территории. Впрочем, и сама мощинская культура известна в первую очередь благодаря данным археологических изысканий.

Реально обеспечить безопасность волжского, донского и окского участков зародившегося впоследствии торгового пути в IX–X вв. мог только Хазарский каганат, представлявший собой сложное мультикультурное и мультирелигиозное государственное образование. Обстановка в каганате благоприятствовала этому: внутри единых этнических групп там вполне уживались различные религиозные системы. Хазары равно принадлежали к четырем религиозным традициям: исламской, христианской, иудейской и языческой. Такая уникальная ситуация позволяла им выступать в качестве абсолютно уникального торгового посредника в межэтнических, межрелигиозных и межгосударственных отношениях до тех пор, пока их услуги были нужны их соседям [9, с. 153, 154].

Расселение славян по окской речной системе не должно было встречать препятствий со стороны хазарских властей. Напротив, хазары могли рассчитывать на включение переселенцев, относимых исследователями к вятичам, радимичам и северам (северянам), в местную хозяйственную деятельность [10, с. 153]. Археологические данные позволяют отследить связь роменской археологической культуры трех этих славянских группировок с предшествовавшей волынцевской и салто-маяцкой культурой, явно распространенной на территориях каганата.

В пределах Верховской историко-географической провинции формировались населенные пункты, в которых проживали представители разных этносов. Показательным примером является Супрутское поселение, расположенное в центре рассматриваемой территории. Это полиэтническое поселение демонстрирует присутствие представителей трех этнокультурных групп – славян, хазар и норманнов [10, с. 158, 159]. Поселение просуществовало до начала X в., когда было разрушено в результате нападения представителей одной из норманнских группировок, возможно, в результате мести за несоблюдение хазарами договоренности о беспрепятственном пропуске по Волге.

В ходе оценки военно-политической роли Супрут в истории Верховской историко-географической провинции может возникнуть предположение о том, что одной из возможных причин падения этого населенного пункта могли быть последствия «призвания» легендарного вятского предводителя Вятко. Приход Вятко с запада можно рассматривать и как попытку новых сил установить контроль над восточной частью пути «из хазар в немцы» и укрепить ее оборонительные возможности. Такое предположение выглядит дос-

товерным еще и потому, что падение Великой Моравии под натиском венгров, ляхов и германцев приходится примерно на то же время. Подобной гипотезе противоречит летописное упоминание вятичей под более ранней датой в качестве плательщиков дани хазарам и участников походов на Константинополь.

Появление в бассейне Верхней Оки славянских группировок во главе с легендарными лидерами Вятко и Радимом, по ряду признаков относимых к представителям великоморавской культурной традиции, должно оцениваться как самостоятельное военно-политическое событие. Это событие стало следствием хозяйственной и торговой притягательности рассматриваемой территории. Славянские отряды двигались по торговому пути «из хазар в немцы» с запада на восток. С одной стороны, они стремились избежать многочисленных военных конфликтов, разворачивавшихся в пределах Великой Моравии и приведших в итоге к падению того государства под натиском венгров, германцев и поляков. С другой стороны, славянские переселенцы пытались обеспечить безопасность вышеназванного торгового маршрута и воспользоваться материальными выгодами от его контроля [11].

Приход славян на верхнеокские земли не создал проблему столкновения военно-политических интересов славянских племен и Хазарского каганата. В письменных источниках и доступных данных археологических исследований отсутствуют упоминания о конфликте между хазарской метрополией и верхнеокскими славянами. Археологические исследования, в свою очередь, также не зафиксировали какие-либо свидетельства о военном противостоянии хазар и славян на Верхней Оке. Такая ситуация указывает на возможность предварительного согласования расселения на территории Верхней Оки группы переселенцев во главе с Вятко с запада «от ляхов».

Военно-политическая ситуация на рубеже I–II тысячелетий оказалась благоприятной для возникновения на стыке хазарских и славянских земель особой геополитической зоны, характеризуемой как хозяйственной, так и этнографической спецификой своего развития. С одной стороны, общая тенденция переселения славянских группировок на восток обусловила приход туда славянских переселенцев. С другой стороны, Хазарское государство сдерживало степных кочевников в их постоянном стремлении переселиться на запад. В таких условиях бассейн Верхней Оки стал восточным форпостом древнеславянского мира. На его границах вошли в соприкосновение различные переселенческие потоки, оказавшиеся сопоставимыми по силе своего взаимного давления друг на друга, и относительно небольшая группа реликтового автохтонного балтского населения.

Экономическая выгода от контроля части трансевразийского торгового пути укрепляла положение местного славянского населения и облегчала его контакты с хазарами. Хазарскому государству, в свою очередь, также был выгоден славянский контроль над этим торговым маршрутом, ибо в противном случае контроль степных кочевников значительно усложнил бы процесс перемещения по нему товаров. Расселение в бассейне Верхней Оки славянских переселенцев, получившее свое летописное воплощение в рассказе о приходе Вятко и Радима, положило начало формированию нового славянского племенного союза, ставшего основой нового этноса. Письменные источники четко обозначили его отличительные черты и донесли до нас его название – «вятичи».

Таким образом, географические особенности верхнеокского региона и специфика военно-политической ситуации внутри и за его пределами оказали решающее влияние на его консолидацию и возникновение здесь особой экономической, политической и этно-культурной зоны, одним из вероятных названий которой следует считать предлагаемое – Верховская историко-географическая провинция. С конца I тысячелетия можно весьма достоверно утверждать о формировании названной провинции в своей первоначальной форме, получившей в исторической литературе неофициальное наименование «Земля вятичей».

Библиографический список

1. **Горский, А. А.** Русские земли в XIII–XIV вв.: пути политического развития / А. А. Горский. – М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1996. – 128 с.
2. **Майоров, А. А.** «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия / А. А. Майоров // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 21, вып. 2 (154). – С. 67–75.
3. **Риер, Г. Я.** Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным) : монография / Г. Я. Риер. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 264 с.
4. Древнейшие государства Восточной Европы. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / отв. ред. Т. Н. Джаксон. – М. : Индрик, 2010. – 496 с.
5. **Щавелев, А. С.** К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей / А. С. Щавелев, А. А. Фетисов // Историческая география. Т. 2 / отв. ред. И. Г. Коновалова. – М., 2014. – С. 7–53.
6. **Назаренко, А. В.** Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А. В. Назаренко. – М. : Языки русской культуры, 2001.
7. **Мельникова, Е. А.** Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / отв. ред. Т. Н. Джаксон. – М. : Индрик, 2010. – С. 43–57.
8. **Майоров, А. А.** К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории верховской историко-географической провинции в VII–VIII веках / А. А. Майоров // Ученые записки Орловского государственного университета : науч. журнал. – 2016. – № 3 (72). – С. 55–62.
9. **Новосельцев, А. П.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. – М. : Наука, 1990. – 264 с.
10. **Григорьев, А. В.** Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. / А. В. Григорьев. – Тула : Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2005. – 207 с.
11. **Майоров, А. А.** Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция / А. А. Майоров // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 4 (30). – С. 71–77.

References

1. Gorskiy A. A. *Russkie zemli v XIII–XIV vv.: puti politicheskogo razvitiya* [Russian lands in XIII–XIV centuries: paths of political development]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr Instituta rossiyskoy istorii RAN, 1996, 128 p.

2. Mayorov A. A. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]. 2016, vol. 21, iss. 2 (154), pp. 67–75.
3. Rier G. Ya. *Agrarnyy mir Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy v srednie veka (po arkheologicheskim dannym): monografiya* [The agrarian world of Eastern and Central Europe in the Middle Ages (according to the archeological data): monograph]. Mogilev: MGU im. A. A. Kuleshova, 2000, 264 p.
4. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2009: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Ancient states of Eastern Europe. 2009: Transcontinental and local routes as a sociocultural phenomenon]. Execut. ed. T. N. Dzhakson. Moscow: Indrik, 2010, 496 p.
5. Shchavelev A. S., Fetisov A. A. *Istoricheskaya geografiya. T. 2.* [Historical geography. Vol. 2]. Moscow, 2014, pp. 7–53.
6. Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vv.* [Ancient Rus on international routes: Interdisciplinary essays on cultural, trade, political connections of IX–XII centuries]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001.
7. Mel'nikova E. A. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2009: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Ancient states of Eastern Europe. 2009: Transcontinental and local routes as a sociocultural phenomenon]. Moscow: Indrik, 2010, pp. 43–57.
8. Mayorov A. A. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta: nauch. zhurnal* [Proceedings of Orel State University: scientific journal]. 2016, no. 3 (72), pp. 55–62.
9. Novosel'tsev A. P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe in the Caucasus]. Moscow: Nauka, 1990, 264 p.
10. Grigor'ev A. V. *Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I – nachale II tys. n.e.* [Slavic population of the Oka and Don rivers in late I – early II millennium A.D.]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», 2005, 207 p.
11. Mayorov A. A. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2016, no. 4 (30), pp. 71–77.

Майоров Анатолий Александрович
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и музейного дела, Орловский государственный институт культуры (Россия, г. Орел, ул. Лескова, 15)

Mayorov Anatoliy Aleksandrovich
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of history and museology, Orel State Institute of Culture (15 Leskova street, Orel, Russia)

E-mail: aamajorov@rambler.ru

УДК 94 (470)
Майоров, А. А.
К вопросу о внешних факторах возникновения Верховской историко-географической провинции / А. А. Майоров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 5–13. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-1

УДК 942 055
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-2

В. П. Митрофанов

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ФЕРМЕРСТВА XVI–XVII вв.

Аннотация.

Актуальность и цели. В отечественной историографии аграрной истории Англии периода позднего Средневековья имеется ряд значительных исследований. Интерес историков к проблеме фермерства начинается со второй половины XX в. Однако анализ источников о фермерских хозяйства XVI–XVII вв. еще не осуществлялся. Целью статьи является исследование сохранившихся письменных источников, освещающих хозяйственную деятельность некоторых английских фермеров указанного периода.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования диалектического метода познания исторических процессов, включающего в себя принципы историзма, объективности и системности, что позволило выявить содержательную сторону вопроса, точки зрения и научные подходы историков в отношении источников по истории английского фермерства XVI – первой половины XVII в.

Результаты. Изучение расходных книг, дневников, трактатов современников и некоторых других нарративных источников показывает, что по своему содержанию они репрезентативны в отображении хозяйственной деятельности отдельных фермерских хозяйств, а также и, частично, их повседневной жизни. Однако они слабо отражают распространение фермерства на территории английского королевства.

Выводы. Источники, хотя и дифференцированы, но в определенной мере позволяют проводить исследование хозяйственной деятельности фермеров ряда регионов и их сравнительный анализ применительно к периоду XVI–XVII вв.

Ключевые слова: источники, фермеры, современные трактаты, дневники, расходные книги, агрономические трактаты.

V. P. Mitrofanov

SOURCES ON THE HISTORY OF ENGLISH FARMING OF THE XVI–XVII CENTURIES

Abstract.

Background. The national historiography of the agrarian history of England the late Middle Ages offers a much significant research. The interest of historians for the problem of farming begins in the second half of the XX century. However, analysis of the sources of the XVI–XVII centuries farmers has no been carried out yet. The aim of the article is to study the surviving written sources covering the economic activities of the same English farmers in the specified period.

Materials and methods. The implementation of research objectives has been achieved through the use of the dialectical method of knowledge of historical processes, including the principles of historicism, objectivity and system that revealed the content side of the issue, views and scientific approaches of historians on the sources of the history of English farming of the XVI – the first half of XVII centuries.

Results. The study of account books, diaries, treatises of contemporaries and some other narrative sources shows that in their content they are sufficiently representative in mapping business activities of individual farms, as well as, in part, of their daily lives. However, they poorly reflect the spread of farming on the territory of the English kingdom.

Conclusions. The Sources, though differentiated, to a certain extent make it possible to carry out a study of economic activities of the farmers in some regions and conduct a comparative analysis in relation to the period of the XVI–XVII centuries.

Key words: sources, farmers, modern treatises, diaries, account books, agronomic treatises.

История английского фермерства периода раннего Нового времени еще недостаточно разработана как в отечественной, так и в англоязычной историографии. Основной причиной этого является состояние письменных источников. В данной статье дается краткая характеристика и систематизация источников, введенных в научный оборот, но еще недостаточно использованных для реконструкции хозяйственной практики английских фермеров данного периода.

К настоящему времени сохранились источники нескольких типов. Наиболее ценными из них являются расходные книги и дневники, раскрывающие практику хозяйственной деятельности фермеров данного периода. По существующей классификации письменных источников расходные книги можно отнести к документальным источникам. Дневники, традиционно считающиеся нарративными источниками, по своему содержанию приближены к документальным источникам. В них фермеры не просто рассказывают читателю о своих хозяйствах, но еще и приводят конкретные сведения именно о своей практике хозяйствования, подкрепляя их конкретным цифровым материалом.

В этом плане большой интерес представляет расходная книга йоркширского джентльмена Генри Беста «Сельская экономика в Йоркшире в 1641, представленная хозяйствованием и книгой подсчетов Генри Беста» (Rural economy in Yorkshire in 1641 being the farming and account books of Henry Best). Этот ценный источник ввели в научный оборот Джордж Эндрюс и Садлер Стрит, опубликовав его в 33 томе публикаций Суртовского общества в 1857 г. [1]. Объем тома составляет 185 страниц. Источник опубликован в оригинальном варианте на новоанглийском языке. Его полное название – «Сельская экономика в Йоркшире в 1641 г., изложенная в книге о ведении сельского хозяйства и подсчетов Генри Беста из Элмсвелла, в восточном Райдинге графства Йоркшир». Значительную часть источника составляют сведения рекомендательного характера о ведении фермерского хозяйства [1, p. 1–148]. Например, «Об обеспечении овчарен перегородками» (For Providing of Folde bars), «О кастрировании ягнят» (Of Geldinge of Lambers) и т.п. Там же имеются сведения рекомендательного характера в отношении оплаты труда наемных работников «Краткие напоминания об оплате рабочим» (Shorte Remembarances for workmen's Wages) [1, p. 140–144].

Во второй части источника приводятся подсчеты расходов фермера за период с 1616 по 1642 г. [1, p. 149–176]. Эта часть меньше по объему и представлена в виде двух приложений («Приложение А» и «Приложение Б»). В «Приложении Б», написанном самими издателями тома, дается история и

экономическая характеристика манора Элсмвелл в контексте существовавших тогда поземельных отношений семейства Бестов, начиная с конца XI в. и до середины XVII в. [1, p. 170]. Имеются также несколько рисунков усадьбы манора и хозяйственной застройки, приводится генеалогия семейства Бестов, начиная с конца XVI в. до первой половины XIX в. В конце тома имеется глоссарий специальных терминов и понятий, встречающихся в тексте источника [1, p. 177–185].

Особенность данного источника в том, что он носит смешанный характер. Наряду с общими положениями о сельском хозяйстве Бест также дает читателю и практические сведения, сопровождая их цифровыми данными о ведении собственного хозяйства. В его расходной книге прослеживается тенденция преемственности агрономических знаний того времени: иногда Бест ссылается на агрономические трактаты других авторов.

Другим однотипным источником является расходная книга йомена Роберта Лодера из Беркшира, отражающая его хозяйственную деятельность с 1611 по 1621 г. Этот источник впервые ввел в научный оборот Дж. Е. Фусселл в 1936 г. в публикациях Кемденского общества [2]. Полное ее название «Хозяйственные подсчеты Роберта Лодера. 1610–1620» (Robert Loder's farm accounts). Книга состоит из двух сотен страниц. В томе имеется обширное введение, в котором автор издания характеризует поместье Лодера и приводит некоторые сведения о размерах отдельных земельных участков, пахотных полей, а также урожайности зерновых культур [2, p. VII–XXXI].

Сведения о годовых расходах (1610–1620 гг.) и доходах фермера от различных сельскохозяйственных культур и других видов хозяйственной практики по годам приводятся автором в основной части. Однако описание практики хозяйствования и советы по его ведению Лодер дает в меньшей мере по сравнению с «книгой подсчетов» Г. Беста. Тем не менее насыщенность источника конкретными данными достаточна для анализа его годовых доходов и расходов за указанный период.

В томе имеется приложение, где дается описание приходских церковных земель на момент их переписки в 1634 г. [2, p. 191–195]. В конце имеется небольшой глоссарий [2, p. 197, 198]. Хорошая индексация тома облегчает поиск исследователю необходимых сведений о хозяйстве фермера.

Аналогичным источником является «Расходная книга кентского поместья 1611–1704» (The Account book of a Kentish Estate 1611–1704), которая показывает хозяйственную активность семьи кентского джентри Николаса Тоука в XVII в. [3]. Она была введена в научный оборот Элеонором Лоджем при участии Оксфордского университета в 1927 г. Источнику предшествует обширное введение автора издания, где он приводит сведения о церковном приходе, в котором располагались земли Тоуков, а также о его семье. Большое внимание в нем уделяется описанию хозяйственной деятельности Н. Тоука.

Источник очень напоминает бухгалтерскую книгу, в которой зафиксированы все расходы фермера. Например, траты на приобретение скота, на удобрения, на закупку древесины, на выплату зарплаты наемным рабочим [3, p. 7, 8, 16, 17, 53–58]. Записи в «Расходной книге…» приводятся по годам и охватывают период с 1616 по 1704 г. За отдельные годы кроме расходов Тоук сообщает и о своих доходах, полученных от продажи скота и зерновых культур [3, p. 55, 123 и т.д.]. Однако в плане конкретизации полученных доходов сведения Тоука уступают аналогичным данным книги Лодера.

В конце источника имеется более десятка приложений, фиксирующих различные аспекты хозяйственной деятельности в маноре в середине XVIII в. Например, в приложении «B» представлены расходы на содержание хмельника, а в приложении «D» приводится перечень арендуемых земель на ферме Свинфорд (Swinford). В конце книги даны небольшой словарь и три карты домена и арендуемой Тоуками земли [3, p. 529–533].

В целом, по сравнению с дневником Лодера, книга Н. Тоука хотя менее детализирована, но у нее больший хронологический охват, что позволяет проследить эволюцию фермерского хозяйства на протяжении столетия. Так же как и дневники Лодера, она содержит точные данные о ценах на сельскохозяйственную продукцию того периода, циклах хозяйственной деятельности, выплатах заработной платы рабочим и др. Таким образом, оба источника содержат обширный материал для компаративного анализа фермерских хозяйств.

Следует отметить еще один источник подобного типа – это дневник фермера из Девоншира У. Хоннивелла, относящийся к периоду конца XVI – начала XVII в. Впервые он был введен в научный оборот в начале XX в. Дж. Снеллом и опубликован в коллективной монографии Джоржем Латимером Апперсоном [4, p. 160–175]. В дневнике отражается период хозяйствования этого фермера с 1596 по 1614 г. Однако конкретные сведения представлены не по всем годам. Кроме того, записи фермера о доходах и расходах лаконичны, а о ведении хозяйства – фрагментарны. Этот источник уступает по информативности описания процесса самой хозяйственной деятельности фермера указанным выше дневникам и расходным книгам, но в целом отражает состояние хозяйства девонширского фермера У. Хоннивелла. Сложность работы с этим источником в том, что зачастую свои расходы и доходы фермер отмечает в зашифрованном виде.

Для изучения фермерства ценным источником являются дневники священников, которые не были фермерами в традиционном смысле этого слова, но эпизодически занимались производством сельскохозяйственных продуктов на рынок. Одним из таких сохранившихся источников, в частности, является ежедневник священника Джайлза Мура (Сассекс). Его текст приводится в монографии Хостеда Кинеса «Сассекс-Церковь и церковный приход св. Джилеса» (Giles Moor’s Day Book // Horsted Keynes, Sussex – The Church and Parish of St. Giles), опубликованной в 1939 г. Ф. Стентоном Ирдлеем [5].

Сам дневник Day Book («Ежедневная книга») состоит из 31 страницы и отмечает знаменательные события в повседневной жизни приходского священника в период с 1656 по 1680 г. [5, p. 85–116]. Кроме того, в дневнике имеются записи о хозяйственной деятельности Дж. Мура. Он содержит интересные сведения о том, что помимо доходов от своего прихода Мур имел доход от продажи сена и содержания бойцовых петухов и даже пытался организовать молочное хозяйство при своем доме.

Некоторые сведения о фермерстве того периода имеются в дневниках священников Уолтера Пауэлла, Адама Мортиндейла и Генри Ньюкома, которые приводятся в этом же издании [5].

Определенный интерес для исследователя представляют также расходные книги некоторых лордов маноров. Их называть фермерами в полном смысле этого слова нельзя, ибо они получали основную прибыль не от хозяй-

ственной деятельности, а от взимания с крестьян феодальной ренты. Фактически они относились к категории так называемых «старых дворян». Видимо поэтому в их расходных книгах имеется совсем немного практических сведений о ведении хозяйства. Однако в них есть немало фактического материала о рыночных ценах на зерновые культуры, домашний скот и некоторые другие сельскохозяйственные продукты. Это представляет большой интерес, так как отражает рыночную конъюнктуру на продовольственном рынке, что, безусловно, было важно для фермерских хозяйств. Подобные сведения имеются в расходных книгах лордов маноров из фамилий Лотеров, Шутвортов [6] и Навортов [7].

Другую группу источников подобного типа составляют трактаты современников по агрономии, в которых имеются теоретические аспекты фермерства**.** Они стали появляться в Англии в первой трети XVI в. Несмотря на то что в эпоху Тюдоров и первых Стюартов было издано свыше ста трактатов подобного рода, в настоящее время лишь немногие из них доступны историкам. Одним из таких ранних трактатов является «Книга земледелия» (The Book of husbandry) писателя и юриста первой половины XVI в. Энтони Фицгерберт. Впервые трактат был издан в 1534 г. и впоследствии неоднократно переиздавался. Лучше всего использовать издание этого трактата в 1882 г. «Диалектическим обществом» под редакцией Уолтера В. Скита [8].

Трактат состоит из редакторского введения и 167 страниц текста, который включает в себя пролог самого автора [8, p. 1–3], оглавление [8, p. 4–8], основную часть [8, p. 9–126], замечания [8, p. 127–148] и глоссарий [8, p. 149–167]. Источник хорошо структурирован: его текст разбит на 172 небольшие главы, которые в свою очередь также разбиты на отдельные части. Каждая глава посвящена какой-либо проблеме. Например, устройство и ремонт плуга, сеяние пшеницы, косьба сена, лечение скота и т.п. Кроме рекомендаций по организации и ведению хозяйства автор трактата обстоятельно описывает обязанности по дому жены фермера, прислуги и других домочадцев. Трактат содержит много практических советов по земледелию и скотоводству, а также конкретные данные о способах хозяйствования, которые применялись англичанами того периода.

Значимым источником для изучения фермерства является своеобразная агрономическая поэма Томаса Тюссера «Пятьсот советов для хорошего земледельца» (или же «Сотни советов хорошему земледельцу»). Написана она была во второй половине XVI в., а издана в Лондоне в 1812 г. Уильямом Мэвором. Кроме основного содержания публикация имеет глоссарий, заметки редактора и некоторый иллюстративный материал. Полный текст издания содержит 338 страниц текста на новоанглийском языке [9].

Так же как и трактат Фицгерберта, поэма Тюссера имеет четкую структуру с разделением на главы. Но если в первом случае они систематизированы по роду занятия, то поэма Тюссера выстроена по хронологическому принципу. Поэма в своей основной части разбита на главы, в каждой из которых описываются фермерские работы по месяцам года. В свою очередь каждая из глав состоит из двух частей: в первой автор приводит общие положения (например, September Abstract («Сентябрьское резюме»)), а во второй дает конкретные советы фермеру-читателю. Фактически источник дает нам полноценный агрономический календарь фермера XVI в. в поэтической форме из-

ложения. Однако эта специфика повествования значительно затрудняет его перевод. К недостаткам (с точки зрения его содержания. – *В. М.*) можно отнести обобщенность излагаемого материала. Поэтому на первый план выходит художественность изложения фактического материала. Тем не менее ценность поэмы Тюссера как своеобразного источника по аграрной истории Англии XVI в. и, в частности, фермерства несомненна.

Опыт, накопленный Тюссером и Фицгербертом, наряду со сведениями, почерпнутыми из работ античных авторов (Колумелла, Плиний и др.), впоследствии был консолидирован в «Четырех книгах земледелия» Барнаби Гуга и Конрада Хересбача. Эта работа была впервые опубликована Джоном Уайтом в Лондоне в 1578 г. Общий объем книги составил 193 страницы [10]. В самом ее начале приводится глоссарий, а также дается краткий библиографический список с указанием античных авторов, труды которых использовались авторами при написании.

По своему содержанию и структуре произведение во многом схоже с трактатом Фицгерберта. В частности, текст также разбит на отдельные разделы с подзаголовками. Соответственно также каждый раздел посвящен тому или иному занятию фермера. В своих советах читателю авторы, как правило, ссылаются на конкретный литературный источник. В «Четырех книгах земледелия» фактически излагается теория по организации фермерского хозяйства. Однако каких-то качественно новых положений Гуг и Хересбач не приводят.

В начале XVII в. вышел в свет агрономический трактат Грэвеса Маркхэма «Английская домашняя хозяйка» (The English Housewife) [11]. Хотя его авторство ставилось историком Дж. Е. Фусселлом под сомнение, но это не умаляет ценности данного произведения. Не менее значимый и интересный материал о фермерстве можно найти в его другом трактате – «Книга земледельца» (The English Husbandman) [12]. Заметим, что в веб-документе данного источника сохранена первоначальная структура текста трактата, который состоит из трех частей – «Вводная часть», «Первая часть» (First part) и «Вторая часть» (Second part) – и тридцати шести глав [13]. В первой части трактата, посвященной обработке земли, автор повествует о способах вспашки, боронования и внесения удобрения на почвы. Во второй – Маркхэм освещает процесс сбора зерновых культур, а также затрагивает некоторые аспекты огородничества. В обеих частях он приводит много практических советов и, что примечательно, дает конкретные цифровые данные. Так, рассказывая об удобрении пахоты, он указывает объем навоза, необходимого для удабривания одного акра почвы. В третьей части трактата автор повествует исключительно о садоводстве и приводит различные сведения об уходе за фруктовыми деревьями и об их прививке.

В двух других работах Маркхэма – «Английская домохозяйка» и «Английский коневод» – также имеются ценные сведения о фермерском хозяйстве [13].

Третий тип источников представляет собой отрывочные сведения из разных графств, содержащиеся в документах официального характера. В них зафиксированы некоторые аспекты повседневности фермеров: цены на различные сельскохозяйственные товары и т.д. Так, например, в сохранившихся документах мирового судьи Норфолка Н. Бэкона за период конца XVI – пер-

вой трети XVII в. содержатся сведения о количестве фермеров, площади их земель под зерновыми культурами и т.п. в данном графстве в 1630 г. [14, p. 6].

Сюда же можно отнести и отдельные нарративные источники, содержащие общие сведения о сельском хозяйстве Англии данного периода. Таковым, например, можно считать трактат Уильяма Гарриссона «Описание Англии» [15]. Хотя зачастую автор идеализирует английскую действительность XVI в., но в целом он дает реальную картину фермерства. Особенно ценны его сведения о фермерстве в книге второй (гл. XX «О садах и фруктовых садах») и в книге третьей (гл. I «О содержании скота для получения прибыли»), где приводятся важные сведения по данным аспектам сельского хозяйства, которые интересны для исследователя фермерства [15, p. 263–271, 305–314].

Для исследователя английского фермерства определенный интерес представляет также трактат Т. Уилсона «Англия в 1600 г.» (The State of England, Anno Domini 1600) [16], ибо в нем имеется перечисление социальных слоев английского общества начала XVII в., что дает возможность судить о том, к какому из них современник относил фермеров. Об этом же кратко повествует и Дж. Норден в трактате «Разговор землемера» (Surveyor's Dialogue) [17].

О хозяйственной активности фермеров иногда упоминается в различных государственных документах и отчасти в источниках юридического характера. Так, например, такого рода сведения встречаются в протоколах разъездных судов (суды ассизы), которые позволяют исследователю получить дополнительные сведения об имущественном положении различных слоев населения Англии того периода, в том числе фермеров [18–22].

Таким образом, источников массового характера об английском фермерстве периода XVI – первой половины XVII в. не сохранилось. Однако сохранившиеся источники, которые уже частично введены в научный оборот, территориально разбросаны и не позволяют исследователю провести сплошное исследование фермерских хозяйств в каком-либо регионе или графстве Англии. В то же время этот недостаток отчасти компенсируется возможностью их компаративного анализа. Материалы расходных книг и дневников все же дают возможность историкам проанализировать хозяйственную и отчасти повседневную жизнь фермеров некоторых регионов английского королевства.

Библиографический список

1. Rural economy in Yorkshire in 1641 being the farming and account books of Henry Best / ed. by G. Andrews ; Surtees Society. Publications. Vol. CLXVIII. – Edinburg : William Blackwood and Sons, 1857. – 185 p.
2. Robert Loder's farm accounts / ed. by G. E. Fussell ; Camden Society. Third series. Vol. LIII. – London, 1936. – 200 p.
3. The Account book of a Kentish Estate 1611–1704 / ed. by Eleonor S. Lodge. – London, 1927. – 200 p.
4. **Snell, F. J.** A Devonshire Yeoman's Diary I / F. J. Snell // Gleanings after time: chapters in social and domestic history / ed. by G. L. Apperson. – London : E. Stock, 1907. – P. 160–175.
5. Giles Moor's Day Book / ed. by F. Stenton Eardley. – London : Macmillan & Co. Ltd, 1939. – 142 p.
6. The house and farm accounts of the Shuttleworths of Gawthorpe Hall, in the county of Lancaster. Part II / ed. by J. Harland ; Chetham Society. Vol. XLI. – London : Off. of Soc., 1856. – 472 p.

7. Naworth estate and household accounts 1648–1660 / ed. by C. Roy Hudleston ; Surtees Society. Publications. Vol. CLXVIII. – London. : Off. of Soc., 1958. – 247 p.
8. **Skeat, W. W.** Fitzherbert, Anthony, Sir, 1470–1538 / W. W. Skeat. – London : Trübner & Co, 1882. – 167 p.
9. **Tusser, Th.** The five hundred points of husbandry / Th. Tusser. – London : The English Dialect Society, 1882. – 167 p.
10. **Heresbach, C.** Foure Booke of Husbandry / C. Heresbach ; trans. by G. Barnabe. – London : Printed for John Wight, 1578. – 192 p.
11. **Markham, G.** The English Housewife / G. Markham ; ed. by Michael R. Best. – Monreal : McGill Quin's University Press, 1994. – 384 p.
12. **Markham, G.** The English Husbandman / G. Markham. – London : Printed by T. S for John Browne, 1613. – 131 p.
13. Project Gutenberg. Information About Linking to our Pages. – URL: https://yandex.ru/search/?lr=49&text=www.gutenberg.org (accessed October 6, 2015).
14. **Bacon, N.** Supplementary Stiffkey Papers (1578–1620) / N. Bacon ; ed. by F. R. Brooks, M. A. First // Royal Historical Society Camden Fifth Series. – 1936. – Vol. 52. – P. 1–55.
15. **Harrison, W.** The Description of England / W. Harrison ; ed. by G. Eldelen. – New York : Cornell University Press, 1968. – 512 p.
16. **Wilson, T.** The State of England, Anno Domini 1600 / T. Wilson ; Camden miscellany. Vol. XVI. Camden Society Publications. Third series. Vol. LII. – London : Offic. of Soc., 1936. – P. I–VII, 1–47.
17. **Norden, J.** Surveyor's Dialogue / J. Norden // Seventeeth Sentury Economic Documents / ed. by J. Thirsk, J. P. Cooper. – London ; Oxford : United Press, 1974. – P. 106–115.
18. Courts of Assize. Calendar of Assize Records. Hertfordshire Indictments. James I / ed. by L. S. Cockburn. – London : H. M. Stat. off., 1975. – 385 p.
19. Courts of Assize. Calendar of Assize Records. Sussex Indictments. Jamse I / ed. by L. S. Cockburn. – London : H. M. Stat. off., 1975. – 215 p.
20. Western Circuits Assize Orders 1629–1648. A Calendar / ed. by J. S. Cockburn ; Camden Society Publications. 4-th series. Vol. XVII. – London, 1976. – 352 p.
21. West Riding sessions records. Vol. II. Orders, 1611–1642 / ed. by Ch. Jakson ; the Yorkshire Arhaeological Society. Record Series. Vol. LIII. – Leeds. : Stat. off. Society, 1915. – 352 p.
22. Assize Records, Kent indictments Charles II 1676–1688 / ed. by J. S. Cockburn. – London : Public Record Office, 1997. – 473 p.

References

1. *Rural economy in Yorkshire in 1641 being the farming and account books of Henry Best* Ed. by G. Andrews; Surtees Society. Publications. Vol. CLXVIII. Edinburg : William Blackwood and Sons, 1857, 185 p.
2. *Robert Loder's farm accounts*. Ed. by G. E. Fussell; Camden Society. Third series. Vol. LIII. London, 1936, 200 p.
3. *The Account book of a Kentish Estate 1611–1704*. Ed. by Eleonor S. Lodge. London, 1927, 200 p.
4. Snell F. J. *Gleanings after time: chapters in social and domestic history*. London: E. Stock, 1907, pp. 160–175.
5. *Giles Moor's Day Book*. Ed. by F. Stenton Eardley. London: Macmillan & Co. Ltd, 1939, 142 p.
6. *The house and farm accounts of the Shuttleworths of Gawthorpe Hall, in the county of Lancaster. Part II*. Ed. by J. Harland; Chetham Society. Vol. XLI. London: Off. of Soc., 1856, 472 p.
7. *Naworth estate and household accounts 1648–1660*. Ed. by C. Roy Hudleston; Surtees Society. Publications. Vol. CLXVIII. London: Off. of Soc., 1958, 247 p.

8. Skeat W. W. *Fitzherbert, Anthony, Sir, 1470–1538*. London: Trübner & Co, 1882, 167 p.
9. Tusser Th. *The five hundred points of husbandry*. London: The English Dialect Society, 1882, 167 p.
10. Heresbach C. *Foure Booke of Husbandry*. Trans. by G. Barnabe. London: Printed for John Wight, 1578, 192 p.
11. Markham G. *The English Housewife*. Monreal: McGill Quin's University Press, 1994, 384 p.
12. Markham G. *The English Husbandman*. London: Printed by T. S for John Browne, 1613, 131 p.
13. *Project Gutenberg. Information About Linking to our Pages*. Available at: https://yandex.ru/search/?lr=49&text=www.gutenberg.org (accessed October 6, 2015).
14. Bacon N. *Royal Historical Society Camden Fifth Series*. 1936, vol. 52, pp. 1–55.
15. Harrison W. *The Description of England*. New York: Cornell University Press, 1968, 512 p.
16. Wilson T. *The State of England, Anno Domini 1600*. Vol. XVI. Camden Society Publications. Third series. Vol. LII. London: Offic. of Soc., 1936, pp. I–VII, 1–47.
17. Norden J. *Seventeeth Sentury Economic Documents*. London; Oxford: United Press, 1974, pp. 106–115.
18. *Courts of Assize. Calendar of Assize Records. Hertfordshire Indictments. James I*. Ed. by L. S. Cockburn. London: H. M. Stat. off., 1975, 385 p.
19. *Courts of Assize. Calendar of Assize Records. Sussex Indictments. Jamse I*. Ed. by L. S. Cockburn. London: H. M. Stat. off., 1975, 215 p.
20. *Western Circuits Assize Orders 1629–1648. A Calendar*. Ed. by J. S. Cockburn; Camden Society Publications. 4-th series. Vol. XVII. London, 1976, 352 p.
21. *West Riding sessions records. Vol. II. Orders, 1611–1642*. Ed. by Ch. Jakson; the Yorkshire Arhaeological Society. Record Series. Vol. LIII. Leeds.: Stat. off. Society, 1915, 352 p.
22. *Assize Records Kent indictments Charles II 1676–1688*. Ed. by J. S. Cockburn. London: Public Record Office, 1997, 473 p.

Митрофанов Владимир Петрович
доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Mitrofanov Vladimir Petrovich
Doctor of historical science, professor, sub-department of general history and social science, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 942 055

Митрофанов, В. П.

Источники по истории английского фермерства XVI–XVII вв. / В. П. Митрофанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 14–22. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-2

УДК 37.014
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-3

Ю. Н. Смирнов

БЕЗВОЗМЕЗДНАЯ СЛУЖБА ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ КАК «СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ» В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: ВВЕДЕНИЕ ДОЛЖНОСТИ ПОЧЕТНЫХ СМОТРИТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ УЧИЛИЩ

Аннотация.

Актуальность и цели. Получение образования, а также служба в учебных заведениях или по ученой части предоставляли в Российской империи возможности для повышения социального статуса. Данный вид службы мог выполняться не только в качестве основного вида деятельности, но и на добровольной безвозмездной основе, как это было с должностью почетного смотрителя уездных училищ. Слабая изученность такого рода общественной активности делает актуальным обращение к ней. Цель данной – рассмотреть деятельность ставропольского уездного лекаря И.И. Смирницкого в качестве почетного смотрителя, а также его участие в строительстве нового здания для этого училища в 1821 г.

Материалы и методы. Источниками данного исследования служат архивные материалы Санкт-Петербурга и Казани, а также законодательные и другие опубликованные источники. Теоретической основой стала концепция модернизации, в рамках которой школьные реформы рассматриваются как культурные и социальные механизмы преобразования России.

Результаты. В статье раскрыты способы морального и статусного поощрения активных представителей образованного общества, проявивших себя в сфере народного просвещения как благотворители и добровольные служители школьного ведомства. Стимулом их активности, как показано, выступало награждение орденами и медалями, продвижение по карьерной лестнице и в состав высшего дворянского сословия. Престиж должности почетных смотрителей уездных училищ в течение первой половины и середины XIX в. постоянно рос.

Выводы. Полученные в статье результаты показывают успешное развитие школы в русской провинции благодаря взаимодействию власти и общественности. Государство последовательно и успешно поощряло действия местного общества, в том числе провинциального, направленные на поддержку начинаний «просвещенного абсолютизма».

Ключевые слова: Россия в первой половине XIX в., Среднее Поволжье, просвещение, модернизация, власть и общество.

Yu. N. Smirnov

FREE TEACHING SERVICE AS A “SOCIAL ELEVATOR” IN PRE-REFORM RUSSIA: THE INTRODUCTION OF HONORARY WARDENS IN DISTRICT SCHOOLS

Abstract.

Background. Receiving education as well as the service in educational or academic institutions provided opportunities to improve the social status in the Russian Empire. This type of service could be carried out not only as the basic activity, but

also on a voluntary gratuitous basis as it was with a post of the honorary inspector of district schools. It is relevant to study such a public activity. This article is aimed to consider the Stavropol district doctor I. I. Smirnitsky as the honorary inspector and his participation in constructing the new building for this school in 1821.

Materials and methods. Documents of St. Petersburg and Kazan archives, the legislative and other published sources are materials for our research. The concept of modernization within which school reforms are considered as cultural and social mechanisms of transformation of Russia became a theoretical basis of this article.

Results. The article reveals the ways of moral and status promotion of active representatives of the educated society, who manifested themselves in the sphere of public education as philanthropists and voluntary attendants of the school department. The incentive for their activity, as shown, was the awarding of orders and medals, promotion on the career ladder and in the structure of the nobility. The prestige of honorary inspectors of district schools during the first half and middle of the 19th century constantly was growing up.

Conclusions. The results obtained in the article show the successful development of the education in the Russian province, thanks to the interaction of the authorities and the public. The state consistently and successfully encouraged the actions of local society in the province aimed at supporting undertakings of the "enlightened absolutism".

Key words: Russia in the first half of the19th century, the Middle Volga region, education, modernization, power and society.

В модернизационных процессах, шедших на протяжении XIX в. в России, важную роль играл социокультурный фактор [1, с. 4]. При наличии значительных сословных перегородок в дореформенный период имелся набор различных возможностей изменения социального статуса в вертикальном направлении. Самым заметным «социальным лифтом» являлась военная и гражданская государственная служба, продвижение по которой определялось петровской «Табелью о рангах», прежде всего по принципам выслуги и заслуг. Однако реально сказывались и другие условия, в том числе носящие преимущественно культурный характер, например полученное образование.

В современной историографии подчеркивается, что получение среднего и высшего образования было одним из основных источников пополнения дворянства. Российская интеллигенция на ранних этапах своего становления была разнородной, часто разночинной по происхождению, но до середины XIX в. по фактической принадлежности являлась дворянской, поскольку, как правило, имела классные чины «Табели о рангах». Речь при этом не идет только о получении образования для попадания в состав офицеров или чиновников-управленцев. Служба в области народного просвещения сама по себе была достаточно широким каналом пополнения дворянства выходцами из других сословий [2, с. 449, 455].

В этой связи активность на ниве просвещения могла объединять дворян, горожан, разночинцев, демонстрируя тесную связь развития народного образования и постепенного становления гражданского общества. Связь данных процессов признают ряд современных исследователей (Н. А. Невоструев [3, с. 186, 187], Б. Н. Миронов [4, с. 1022] и др.).

Из должностей по учебному ведомству, предоставлявших возможность как реализации своих просветительских намерений, так и подъема по социальной лестнице, менее других изучены почетные смотрители училищ. В со-

временной историографии в отдельных публикациях поднимался вопрос об их важной роли и личном вкладе в развитие школьного дела некоторых городов [5] и губерний Российской империи [6].

Однако в основном о почетных смотрителях лишь упоминается при повествовании о благотворительности [7, с. 7] и финансовой поддержке училищ [8, с. 64]. Как правило, их как потомственных дворян отделяют от основной массы учительства, вышедшего преимущественно из духовенства, податных сословий, разночинцев [9, с. 5].

Выявленные нами документы Казанского учебного округа из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге и Национального архива Республики Татарстан в Казани позволяют рассмотреть этот пост также с точки зрения «социального лифта». Правда, он был не столь заметным, очевидным и массовым как обычные учительские должности в образовательных учреждениях дореформенной России.

В России конца XVIII – первой четверти XIX в. в рамках политики «просвещенного абсолютизма» были проведены преобразования, которые обеспечили создание и развитие системы учебных заведений в масштабе государства [10, с. 901]. Они вполне соответствовали идеям Просвещения, имея не только педагогическую, но и социальную модернизационную направленность. Первый опыт дала школьная реформа Екатерины II, проводившаяся в 1782–1801 гг. и показавшая как возможности для развития народного образования, так и имеющиеся недостатки [11].

Власть продолжала искать действенные рычаги для достижения целей образовательной политики, а всему обществу требовалось более глубокое осознание самой необходимости училищ и знаний. С самого начала правления Александра I император и его окружение приступили к разработке новых мероприятий в области народного образования, что привело к созданию Министерства народного просвещения и учебных округов, принятию нового устава учебных заведений 1804 г. Этот устав узаконил образовательные учреждения четырех уровней: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты. Уездные училища получили некоторое казенное обеспечение, но при этом постройка для них зданий и ряд прочих расходов государством не финансировались [12, с. 106, 107].

Только с участием, моральным и материальным, представителей местного общества становилось возможным открытие уездных училищ. Впрочем, император на это и возлагал надежды, официально заявив: «Мы удостоверены, что и все Наши верноподданные примут деятельное участие в сих заведениях, для пользы общей и каждого учреждаемых» [13, с. 13]. История создания начальных школ, т.е. приходских (их государство не финансировало вовсе) и уездных училищ, является наиболее показательной в плане изучения взаимодействия общества и власти в области образования первых десятилетий XIX в., поскольку без усилий с обеих сторон указанные учебные заведения просто не могли тогда появиться и работать.

В Российской империи в 1808 г. в самом большом по территории Казанском учебном округе, включавшем Поволжье и Кавказ, Урал и Сибирь, насчитывалось всего лишь 59 учебных заведений Министерства народного просвещения с 3254 учащимися. К 1824 г. в этом округе насчитывалось 142 учебных заведения с 6416 учащимися. Таким образом, число учебных

заведений в ведении указанного министерства за 1808–1824 гг. выросло по Казанскому округу в два с половиной раза, а количество учащихся в них увеличилось в два раза [14, с. 223, 224].

В числе школ, открытых в царствование Александра I, внимание, благодаря использованным в данном исследовании документам, привлекло уездное училище в г. Ставрополе (ныне Тольятти) на Волге. Оно начало действовать в 1816 г. Заметный толчок в своем развитии оно получило с приходом И. И. Смирницкого, которому в первую очередь посвящена данная статья, затрагивающая вопрос о введении должности почетного смотрителя в российских учебных заведениях.

Осознавая необходимость общественного участия в школьном деле, верховная власть и ведомство народного просвещения всячески поощряли благотворительность на пользу просвещения, которые не оставлялись без внимания, тщательно фиксировались, докладывались начальству вплоть до министра, а то и до императора. Кроме чувства внутреннего удовлетворения собственным благим поступком лицо, его совершившее, должно было иметь возможность получить известность и определенные знаки отличия. С этой целью министр народного просвещения А. К. Разумовский предложил избирать из числа местных помещиков лиц, «наиболее благорасположенных к наукам и могущих по достатку и щедрости своей споспешествовать выгодам училища», а также «при достаточном своем состоянии имеющих и личные достоинства» [15, л. 1, 2]. Они и становились почетными смотрителями тех или иных училищ. Александр I утвердил данное представление министра своим указом 26 августа 1811 г. [13, с. 666].

Появление в училищах почетных смотрителей облегчало решение ряда проблем, в том числе финансового свойства. Они помогали обратить на училища общественное внимание, жертвовали свои средства и привлекали пожертвования других лиц, чтобы снабдить эти заведения необходимыми пособиями, обеспечить условия для работы штатных смотрителей и учителей. Примеры тому являли уже первые после выхода упомянутого указа случаи соискания этой должности. Уже в начале 1812 г. министр народного просвещения утвердил в должности почетного смотрителя трех псковских помещиков. Один из них сделал единовременный взнос в пользу уездного училища в 100 руб. и обязался выплачивать по 200 руб. ежегодно. Другой взял на себя расходы по найму и строительству помещения для нового училища, по покупке учебных книг и выплате жалованья учителям. Третий отдал под училище уже отстроенный для себя в городе дом со всеми пристройками и огородом, добавив к тому разовый взнос в 200 руб. и обещание принять на себя полное содержание 5 учеников «недостаточного состояния». Первые претенденты на должности почетных смотрителей в Харьковском учебном округе отличились или крупным пожертвованием в 2000 руб., или обязательством самому выстроить для училища двухэтажный дом, или активным сбором среди дворян и горожан средств на покупку здания под новую школу [15, л. 28, 30, 32 и об.].

Об утверждении в должности почетных смотрителей и их благодеяниях сообщалось в печати. Однако и те дворяне, которые не претендовали на эту должность, и благотворители недворянского звания также попадали на страницы периодических изданий, которые по распоряжению министра про-

свещения оповещали читателей о различных актах благотворительности. При этом размеры пожертвований не имели значения. Важен был сам образец патриотического и добродетельного поведения.

Повсеместно дворянские и городские общества в русской провинции откликались на примеры, которые приводили ему в правительственных распоряжениях и периодической печати. Играло роль и прямое воздействие гражданских и учебных властей. В этой обстановке А. П. Владимирский, директор Казанского университета, который считал введение должности почетного смотрителя во всех уездных училищах своего округа «благовидною целию», обратился к директору училищ Симбирской губернии, в состав которой входил Ставрополь, чтобы тот склонил занять эту должность уездного лекаря Смирницкого [16, л. 1].

7 июня 1820 г. Владимирский сообщал о готовности Смирницкого «принять сие звание» и обязанность «споспешествовать усовершенствованию Ставропольского уездного училища». Директор университета нашел четыре причины, почему выбор пал именно на этого человека: образованность, добропорядочность, состоятельность, казенная экономия. Во-первых, университетский совет ранее предлагал Смирницкому занять должность штатного смотрителя этого училища, «следовательно, ученые его способности достаточны». Во-вторых, лекарь был лично известен директору университета «по христианскому образу мыслей и по делам христианским». В-третьих, в Ставропольском уезде находилось имение его жены Натальи Васильевны, урожденной Милькович, а потому он и сам мог считаться местным помещиком, что было обязательным требованием к почетным смотрителям. В-четвертых, заведуя медицинским делом всего уезда, Смирницкий «большего частию пребывает в городе», а потому мог непосредственно заниматься делами училища, в котором до сих пор не имелось штатного смотрителя, при этом, откровенно писал Владимирский, платить «жалованье ему не надобно» [16, л. 1, 2].

С причислением Смирницкого к «благородному» сословию была допущена натяжка. В полученном из Врачебной управы формулярном списке говорилось, что Иван Иванович Смирницкий, 27 лет от роду, происходил «из духовного звания». Он первоначально обучался в Курской семинарии «греческому, латинскому и французскому языкам, также философии». За две недели до вступления в Москву французов его зачислили казенным воспитанником в Московское Медико-хирургическое отделение (17 августа 1812 г.). Через 4 года он был определен 18 августа 1816 г. лекарем в Ставрополь (18 августа 1816 г.) [16, л. 5 об.].

Характеристика ему от медицинского начальства давалась весьма лестная: «Способностей очень хороших, к службе усерден, поведения доброго и в публике немаловажным пользуется доверием» [16, л. 12]. Видимо, личные достоинства помогли бывшему семинаристу Смирницкому, только начавшему службу, породниться с дворянами Мильковичами, людьми по местным меркам влиятельными и состоятельными. Достаточно упомянуть, что в доме его тещи Екатерины Федоровны останавливался по приезде в Ставрополь в 1824 г. император Александр I.

Занявшись делами школы, Смирницкий прежде всего организовал и частично оплатил строительство нового здания для училища в Ставрополе,

которое было оценено примерно в 10 000 руб. [17, л. 10 об.]. В 1821 г. в нем работал один учитель и занимались 27 школьников [18, л. 24].

Штатного смотрителя в школе по-прежнему не было. Судя по всему, его обязанности, как заранее и предполагал Владимирский, приходилось выполнять самому Смирницкому. Однако труды и благодеяния почетного смотрителя не остались без награды. В 1822 г. ставропольский лекарь был удостоен ордена святой Анны 3-й степени [17, л. 10 об.].

Надо заметить, что попытки ранжировать орденские награды почетным смотрителям по размеру взноса, а значит, косвенно, по уровню землевладения дворянских семей или их знатности, не поддерживались верховной властью. Это наглядно было продемонстрировано при открытии уездного училища в 1825 г. в Самаре, ближайшем к Ставрополю городе Симбирской губернии. Там богатый землевладелец Аристарх Азарьевич Путилов вложил в строительство школы 25 400 руб., что заметно превышало затраты на устройство учебного заведения в Ставрополе [17, л. 6].

М. Л. Магницкий, известный своим консерватизмом попечитель Казанского учебного округа в 1819–1826 гг. [19, с. 63, 64], и министр народного просвещения А. С. Шишков сравнивали пожертвование Путилова с близкими по времени и месту вкладами Смирницкого и надворного советника Биндемана, также награжденного орденом Анны 3-й степени. Последний потратил 12 000 руб. на дом со службами для уездного училища в Нижнем Ломове Пензенской губернии [20, с. 109]. Соответственно они просили наградить Путилова орденами или Анны 2-й степени, или Владимира 4-й степени, считавшимися выше той награды, что получили ставропольский и нижнеломовский почетные смотрители. Однако император Николай I пожаловал самарского помещика той же Анной 3-й степени, которой были удостоены и Смирницкий, и Биндеман [5, с. 88].

Получение ордена свидетельствовало о признании за выходцем из духовного сословия Смирницким дворянского статуса. Наверное, молодой способный медик выслужил бы потомственное дворянство и по основному роду занятий, однако добровольная служба по учебной части, несомненно, способствовала более быстрой карьере и повышению социального статуса Смирницкого. С другой стороны, его старания шли на пользу делу народного просвещения в городе и уезде. В 1828 г. во время очередного осмотра школы в Ставрополе, проведенного директором училищ Сибирской губернии, в ней уже, кроме почетного смотрителя Смирницкого, были штатный смотритель, три учителя, священник-законоучитель. Налицо имелось 50 школьников в трех классах: приготовительном, 1-м и 2-м [21, л. 110, 112 об.].

Сам Смирницкий в 1828 г. имел чин коллежского асессора. Он относился к 8-му классу «Табели о рангах», соответствуя армейскому майору [21, л. 112].

Со временем совмещение основных лекарских и добровольных просветительских обязанностей стало вызывать затруднения, а карьерные выгоды, вытекавшие из должности почетного смотрителя уездного училища, видимо, были исчерпаны. В 36-летнем возрасте Смирницкий от должности почетного смотрителя отказался. Однако она перешла в 1829 г. не в «чужие руки», а к его шурину штабс-капитану Н. В. Мильковичу, ставропольскому уездному судье, который назвал предложение принять ее весьма «лестным» для се-

бя. Подобное отношение к этой должности, ставшее семейной традицией, продемонстрировал сын лекаря Смирницкого Николай. В формулярном списке отца в 1820 г. было упомянуто, что ему от роду 5 месяцев, а уже в его собственном формулярном списке за 1858 г. говорится о назначении 5 апреля коллежского асессора Н. И. Смирницкого почетным смотрителем Бузулукского уездного училища. К этому времени в его биографии уже была учеба в Казанском университете, военная служба, которую он закончил в чине прапорщика, различные должности в административных и судебных органах. В графе о происхождении без всяких оговорок проставлено «из дворян» [22, л. 41 об. – 46].

Сведения о Смирницком-младшем, в пореформенные годы ставшем преуспевающим московском адвокатом, и его современниках – почетных смотрителях дают основания полагать, что престиж этой должности в 1850-е гг. возрос, она занималась лицами высокого социального и образовательного уровня. Если эта должность и продолжала играть роль в ускорении карьеры, то для лиц, имевших и иные благоприятные возможности для прохождения служебной лестницы. Так, почетными смотрителями других уездных училищ Самарской губернии, в которую отошли с 1851 г. и Ставрополь, и Бузулук, в это время являлись крупный помещик и воспитанник Царскосельского лицея Б. П. Обухов, в будущем самарский и псковский губернатор, сенатор и тайный советник (Самарское училище) [23, с. 143]; представитель знаменитого и богатого дворянского рода А. И. Неплюев (Ставропольское училище) [22, л. 126]; выходец также из старинной и богатой семьи Н. Ф. Алашеев, в свое время обучавшийся в Казанском университете (Бугульминское училище) [22, л. 132]. Несомненно, эти люди принадлежали к «той части российского общества, которая находилась в поиске выбора оптимальной модели развития позднеимперской России в условиях перемен во всех сферах жизни», включая культурно-образовательную [24, с. 8].

Полученные в настоящем исследовании результаты показывают успешное развитие школы в русской провинции первой половины XIX в. и ее значение не только для роста общего уровня образованности или подготовки будущих чиновников, военных, инженеров, других специалистов. Деятельность Ставропольского и иных уездных училищ вписывается в общую картину осуществления образовательной реформы императора Александра I как более универсального инструмента модернизации, нежели просто набора мер по повышению грамотности и решению кадровых вопросов. Государственная власть в России поощряла действия местного общества, направленные на поддержку просветительских начинаний, в том числе путем повышения социального статуса наиболее активных его представителей.

Библиографический список

1. **Карнишина, Н. Г.** Модель страны как фактор успешности/неуспешности модернизационного процесса в России / Н. Г. Карнишина // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология) : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2016. – С. 3–9.
2. **Миронов, Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. – СПб., 2014. – Т. 1. – 896 с.

3. **Невоструев, Н. А.** Образование и развитие элементов гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX в. : дис. … д-ра ист. наук / Невоструев Н. А. – Ижевск, 2006. – 447 с.
4. **Mironov, B. N.** Do Russians Need Cliotherapia? / B. N. Mironov // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2016. – № 41-1 (3). – С. 1003–1052.
5. **Артамонова, Л. М.** Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I / Л. М. Артамонова // Родина. – 2011. – № 7. – С. 86–88.
6. **Degtyarev, S. I.** Honorary wardens of the district schools of Chernigov and Poltava provinces at the beginning of the XIX century: competence, social status / S. I. Degtyarev // Журнал Министерства народного просвещения. – 2015. – № 4 (6). – С. 152–158.
7. **Громова, Н. Ф.** Из истории начальных учебных заведений Крыма в первой половине XIX века: учащиеся и учителя приходских и уездных училищ / Н. Ф. Громова // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 10 (15). – С. 4–9.
8. **Петрянкина, А. П.** Проблемы финансирования и материального обеспечения городских училищ Чувашского края в конце XVIII – начале XX веков / А. П. Петрянкина // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 61–67.
9. **Арсентьева, А. В.** Учительство городских училищ Чувашского края: личности, судьбы, повседневная жизнь / А. В. Арсентьева // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 5. – С. 3–15.
10. **Artamonova, L. M.** Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society / L. M. Artamonova // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2016. – № 41-1 (3). – С. 899–907.
11. **Артамонова, Л. М.** Самая просвещенная реформа / Л. М. Артамонова // Родина. – 2010. – № 2. – С. 45–49.
12. История Самары: от воеводского управления до Губернской думы. Книга первая / Л. М. Артамонова, Е. П. Баринова, Э. Л. Дубман, Н. Н. Кабытова, П. С. Кабытов, М. И. Леонов, П. И. Савельев, Ю. Н. Смирнов, В. А. Тюрин. – Самара : Самарский научный центр РАН, 2011. – 236 с.
13. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : в 15 т. – СПб., 1864. – Т. 1.
14. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). – Самара, 2007. – 327 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Д. 159.
16. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 1101.
17. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1859.
18. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1508.
19. **Климкина, Э. В.** Религиозное воспитание в России последних лет царствования Александра I / Э. В. Климкина // Культура и история в компаративном измерении : материалы I Всерос. науч.-методолог. семинара. – Самара, 2012. – С. 61–66.
20. **Артамонова, Л. М.** Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) / Л. М. Артамонова // Российская история. – 2013. – № 2. – С. 101–113.
21. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2477.
22. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7396.
23. **Артамонова, Л. М.** Провинциальное учительство и его занятия наукой в 1850–1860-е гг. (по архивным и опубликованным материалам Самарской губернии) / Л. М. Артамонова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2015. – № 7 (129). – С. 140–148.
24. **Карнишин, В. Ю.** Проблемы российского образования в публицистике М. Н. Каткова / В. Ю. Карнишин // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 2 (2). – С. 5–11.

References

1. Karnishina N. G. *Gosudarstvo, pravo, obshchestvo: problemy vzaimodeystviya (politologiya, yuridicheskie nauki, istoriya, religiovedenie, sotsiologiya): sb. st. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [State, law, society: problems of interaction (political science, juridical sciences, history, religious studies, sociology): proceedings of III International scientific and practical conference]. Penza, 2016, pp. 3–9.
2. Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: from traditions to the modern: in 3 volumes]. Saint-Petersburg, 2014, vol. 1, 896 p.
3. Nevostruev N. A. *Obrazovanie i razvitie elementov grazhdanskogo obshchestva na Urale vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: dis. d-ra ist. nauk* [Education and development of civil society elements in the Ural in the second half of XIX – early XX centuries: dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Izhevsk, 2006, 447 p.
4. Mironov B. N. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Bygone years. Russia historical journal]. 2016, no. 41-1 (3), pp. 1003–1052.
5. Artamonova L. M. *Rodina* [The Motherland]. 2011, no. 7, pp. 86–88.
6. Degtyarev S. I. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 2015, no. 4 (6), pp. 152–158.
7. Gromova N. F. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'* [Tavria scientific observer]. 2016, no. 10 (15), pp. 4–9.
8. Petryankina A. P. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvashia University]. 2010, no. 1, pp. 61–67.
9. Arsent'eva A. V. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvashia University]. 2006, no. 5, pp. 3–15.
10. Artamonova L. M. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Bygone years. Russian historical journal]. 2016, no. 41-1 (3), pp. 899–907.
11. Artamonova L. M. *Rodina* [The Motherland]. 2010, no. 2, pp. 45–49.
12. Artamonova L. M., Barinova E. P., Dubman E. L., Kabytova N. N., Kabytov P. S., Leonov M. I., Savel'ev P. I., Smirnov Yu. N., Tyurin V. A. *Istoriya Samary: ot voevodskogo upravleniya do Gubernskoy dumy. Kniga pervaya* [The history of Samara: from voivode governing to provincial duma. Book one]. Samara: Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2011, 236 p.
13. *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya: v 15 t.* [Collection of ordinances of the Ministry of Public Education: in 15 volumes] Saint-Petersburg, 1864, vol. 1.
14. *Povolzh'e – «vnutrennyaya okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territoriy (konets XVI – nachalo XX vv.)* [Volga region – "internal outskirts" of Russia: state and society in development of new territories (late XVI – early XX centuries)]. Samara, 2007, 327 p.
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 732. Op. 1. D. 159.
16. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT)* [National Archive of the Republic of Tatarstan (NA RT)]. F. 92. Op. 1. D. 1101.
17. *NA RT*. F. 92. Op. 1. D. 1859.
18. *NA RT*. F. 92. Op. 1. D. 1508.
19. Klimkina E. V. *Kul'tura i istoriya v komparativnom izmerenii: materialy I Vseros. nauch.-metodolog. seminara* [Culture and history in comparative dimension: proceedings of I All-Russian scientific and methodological seminar]. Samara, 2012, pp. 61–66.
20. Artamonova L. M. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2013, no. 2, pp. 101–113.
21. *NA RT*. F. 92. Op. 1. D. 2477.
22. *NA RT*. F. 92. Op. 1. D. 7396.

23. Artamonova L. M. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology]. 2015, no. 7 (129), pp. 140–148.
24. Karnishin V. Yu. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2013, no. 2 (2), pp. 5–11.

Смирнов Юрий Николаевич
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34)

E-mail: smirnov195503@yandex.ru

Smirnov Yuriy Nikolaevich
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of general history, international relations and documentation science, Samara National Research University (34 Moskovskoe highway, Samara, Russia)

УДК 37.014
Смирнов, Ю. Н.

Безвозмездная служба по учебной части как «социальный лифт» в дореформенной России: введение должности почетных смотрителей уездных училищ / Ю. Н. Смирнов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 23–32. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-3

УДК 94 (47) “1864/190”
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-4

Д. В. Болдырев

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗЫСКАНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Принятие судебной реформы 1864 г. стало цементирующей основой становления и развития гражданского общества в России, основным фактором, обеспечивающим взаимодействие личности и власти. Государством были созданы не только механизмы по защите интересов населения, такие как адвокатура или суд присяжных, но и инструменты для призыва лиц к ответственности в принудительном порядке. Для таких целей вводилась специальная должность судебного пристава, целью которого было исполнение судебных решений, деятельность которого в основном была направлена на взыскание задолженности. Недостаточный уровень изучения данного вопроса делает его актуальным для ретроспективного анализа и изучения опыта взыскания в масштабах страны. Цель работы – изучение структурных аспектов и анализ процесса взыскания задолженности как базового элемента механизма принудительного исполнения решения суда.

Материалы и методы. В основе исследования лежат неопубликованные малоизученные документы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Пензенской области, Государственного архива Саратовской области (материалы исполнительного производства, документы делопроизводства судебных приставов, переписка с органами полиции и местной власти), материалы периодической печати. Методологический потенциал работы составляют метод историзма, который позволяет нам изучить поставленную проблему в контексте определенного периода времени, диалектический метод способствует рассмотрению поставленной цели по материалам Пензенской губернии, определяя специфику процесса взыскания и его элементы.

Результаты. Изучена практика и дискуссионные аспекты взыскания в Пензенской губернии пореформенного периода. Проанализирована логика механизма взыскания на примере деятельности судебных приставов.

Выводы. Изучение процесса взыскания позволяет нам прийти к выводу о том, что оно не было четко регламентировано, что выражалось в отсутствии четко выраженной практической деятельности непосредственно судебного пристава. Опосредованное участие иных лиц государственной власти в исполнительном производстве лишало данный механизм автономии и собственной логики развития, что в свою очередь подрывало авторитет судебного пристава. Его практическая деятельность по взысканию задолженности имела неоднозначный характер, так как ключевой движущей силой данного процесса были стороны исполнения и степень их заинтересованности в реализации и аресте имущества, что позволяет нам делать вывод о вариативности процесса взыскания, что мешало его унификации на территории России.

Ключевые слова: судебный пристав, процесс взыскания, повестка, тяжущиеся, арест имущества, публичные торги по реализации имущества, торговый лист.

D. V. Boldyrev

KEY ASPECTS OF DEBT COLLECTION IN PENZA REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract.

Background. The adoption of the judicial reform of 1864 was the cementing basis of the formation and development of civil society in Russia, the main factor in ensuring the interaction of personality and power. The government established mechanisms not only to protect the interests of the population, such as the legal profession or the jury, but also the tools for recruitment of persons to responsibility for enforcement. For such purposes, introduced a special position of the bailiff, whose goal was the enforcement of judgments, whose activities were mainly aimed at recovery of debts. Insufficient study of this question makes it relevant for retrospective analysis and study of the experience of recovery across the country. The aim of this work is the study of the structural aspects and analysis of the debt collection process as a basic element of the mechanism of forced execution of court decisions.

Materials and methods. The basis of the study lay unpublished little-studied documents of the Russian state historical archive, State archive of the Penza region, the State archive of the Saratov region (the materials of the enforcement proceedings, documents of the office of bailiffs, correspondence with the police and local authorities), periodicals. Methodological potential of the work are the method of historicism, which allows us to study the given problem and the context of a specific period of time, the dialectical method has contributed to the consideration of the goals on materials of the Penza province, defining the specifics of the foreclosure process and its elements.

Results. Practice studied and controversial aspects of the collection in the Penza province in the postreform period. Analyzed the logic of the mechanism of foreclosure on the example of the activity of bailiffs.

Conclusions. The study of the process of recovery allows us to conclude that it was not clearly defined, which was reflected in the lack of a clear practical activities directly bailiff. The indirect participation of other persons the state authorities in enforcement proceedings deprived this mechanism of autonomy and its own logic of development, which in turn undermined the authority of a bailiff. Practice in debt recovery has been mixed, as the key driving force of this process was side execution and the degree of their interest in the implementation and the seizure of property, which allows us to infer the variability of the foreclosure process that prevented its unification on the territory of Russia.

Key words: the bailiff, the collection process, subpoena, litigants, arrest of property, the public auction for property sale, commercial sheet.

Судебная реформа 1864 г. обеспечила истоки становления института судебных приставов и развитие его на историческом пространстве России. Он создавался специально для принудительного взыскания задолженности и исполнения поручений и решений суда. Эта обязанность возлагалась на приставов лично, поэтому им запрещалось обращаться напрямую к полицейским урядникам с поручениями, непосредственно не относящимися к исполнительной деятельности. Тем не менее нам известны случаи, при которых взаимодействие полиции и приставов имело определенный смысл, в частности когда в первые годы реализации судебной реформы 1864 г. отдельные функции приставов исполнялись именно полицией.

На момент проведения в жизнь судебной реформы 1864 г. у государства не было четкого представления о том, какие механизмы необходимо избрать, чтобы институт исполнительного производства работал максимально эффективно. Поэтому в первую очередь деятельность судебных приставов как принципиально нового этапа в развитии судебной системы страховалась полицией путем подчинения последних непосредственно чинам судебных ведомств.

Механизм взыскания не был выстроен в соответствии с потребностями времени и возможностями самой образованной исполнительной системы, поэтому некоторые пробелы в деятельности пристава преодолевались на муниципальном уровне в процессе исполнения. В Пензенской губернии имелись подобные примеры, а именно в 1876 г. в случае отсутствия возможности доставки повестки по необходимому адресу судебный пристав мог оправдаться собственным «действительным незнанием» расположения того или иного объекта [1]. Например, в июне 1879 г. судебный пристав Пензенского окружного суда Усков в процессе исполнения определения суда о применении обеспечительной меры (наложения ареста на имение губернского секретаря И. Зимнинского) не смог точно определить конкретное место расположения данного имущества. Вследствие этого пристав получил конкретные указания по выяснению точного не только географического расположения недвижимости, но и построек, там находящихся [2, д. 5. л. 19–19 об.].

Доставка повесток судебными приставами осуществлялась немедленно, а вторые экземпляры повесток возвращались в канцелярию суда не позднее одного дня со дня вручения последней. Направление повестки через судебного пристава создавало для суда необходимые временные условия для рассмотрения дел и гарантировало доставку последней в необходимые сроки и точно по адресу.

В целях преодоления множественности действий судебного пристава по доставлению повесток и осуществлению исполнительных действий пензенскими приставами прописывались конкретные намерения по исполнению. Так, судебный пристав Пензенского окружного суда М. Андреев в январе 1898 г. в повестке предупреждал купца Г. В. Соколова, что при вручении ему повестки о взыскании суммы долга в размере 500 руб. одновременно будет наложен арест на дом [2, д. 25. л. 14]. Так как одной из целей судебного пристава по исполнению решения суда было получение вознаграждения за собственные действия, то непосредственно в повестке он указывал конкретный размер оплаты собственных действий. Так, в феврале 1910 г. действовал судебный пристав Пензенского окружного суда по Чембарскому уезду Арсентьев, который в повестке требовал от должника возместить ему расходы на ведения дела в размере 220 руб. 80 коп., предоставив должнику Дмитриеву в течение двух месяцев исполнить долговые обязательства перед непосредственной описью и последующей продажей имения. Особенностью данного случая является высокая стоимость ведения дела при фактически нереализованном имуществе должника. Таким образом, судебный пристав защищал себя от возможной неоплаты ему вознаграждения, а для должника создавал условия для добровольного погашения долга [2, д. 29. л. 5 об.].

В отличие от современного механизма вручения повесток в России, который, как правило, строго персонифицирован, в рассматриваемый нами пе-

риод судебный пристав мог вручать повестку вместе с приложением самому ответчику, а если не обнаруживал последнего, то мог отдать повестку «домашним его или заведовавшему имением его, либо домом, или тому из соседей, которые согласились бы доставить повестку и давали бы в этом расписку» [3]. Второй экземпляр повестки пристав немедленно доставлял в суд, при котором состоял. Так, 3 ноября 1887 г. судебный пристав Пензенского окружного суда Андреев вручил повестку мещанину, живущему в имении должника купца Чекалина, о чем сделал соответствующую запись [2, д. 13. л. 4].

Отметим, что вручение повестки лицам, не имеющим отношения к обязательствам должника, подрывало авторитет судебного пристава и затягивало процесс взыскания. Повестка, с одной стороны, помимо своей информативности была отправным механизмом к началу процедуры принудительного взыскания, так как содержала сведения о намерениях пристава в отношении должника, с другой стороны, давала последний шанс должнику исполнить свои обязательства добровольно.

Однако на практике в Пензенской губернии существовали повестки разного характера. Мы можем выделить три типа, а именно ознакомительные, предупреждающие, побуждающие должника к ответным действиям по оплате долга [2, д. 34. л. 4].

Повестка была базовым коммуникативным средством между тяжущимися и судом. Плата за исполнительные действия вносилась в Пензенский окружной суд и сопровождала конкретные исковые и прочие дела, но порой не была привязана к конкретному судебному приставу, что к середине 1870-х стало ключевой бюрократической проблемой, ставшей непосредственным препятствием к оперативному исполнению решения суда и снижала эффективность деятельности самого пристава.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о должниках, проживающих в других губерниях, при условии, что но на момент ведения исполнительных действий деньги за доставку повесток уже внесены в окружной суд в г. Пензе и чаще всего далее не перечислялись [4]. Таким образом, эти лица фактически лишались возможности доставления им повестки, а само дело могло долгое время находится в суде без внимания. Данная проблема стала актуальной после открытия Пензенского окружного суда в 1871 г. и была преодолена только к середине 1880-х гг., когда доставкой повесток стали заниматься судебные рассыльные. Возможно поэтому практически в конце каждого года у судебного пристава оставался не один десяток не исполненных дел, которые он включал в ежегодный отчет о своей деятельности, а в кассе Пензенского окружного суда имелись нераспределенные должным образом излишки внесенных денежных средств.

При обращении взыскания на недвижимое имущество судебный пристав сообщал нотариусу сведения об обременении данного имущества правами третьих лиц и о том, не находилось ли имущество в чьем-либо владении. Эти сведения пристав предоставлял вместе с описью в то судебное место, при котором он планировал производить публичные торги.

Фактически большое влияние на судебного пристава мог оказывать сам взыскатель. С одной стороны, он не вмешивался в непосредственно исполнительные действия процессуального характера, а с другой стороны, судебный пристав практически должен был выполнять заявленные требования истца.

В августе 1889 г. П. А. Краснов при взыскании с баронессы Л. П. Фон-Вимпорен просил судебного пристава об аресте не только недвижимости в виде земельного участка при с. Телегино Пензенского уезда, но и имеющегося на данном имении урожая хлеба, а также капитала владельца [2, д. 16. л. 1]. Также предполагалось наложение ареста на хлеб молотый или в зернах. Будущий урожай хлеба мог быть описан непосредственно в поле, т.е. еще до его уборки. Такая мера предохраняла истца от возможного сокрытия хлеба по разным соседним амбарам и имениям.

Порой подобные просьбы от заинтересованных лиц поступали судебному приставу еще до того, как он должен был известить ответчика о предстоящем в отношении него суде или исполнении судебного решения. Такие обеспечительные меры способствовали преодолению порчи или сокрытия имущества должником. В октябре 1913 г. на основании выданного Пензенским окружным судом исполнительного листа поверенному крестьянки Н. П. Илюниной заявитель конкретизировал подлежащее аресту движимое имущество, даже выходящее за рамки размера задолженности в 2000 руб. [5, д. 84. л. 17]. Несмотря на решение суда произвести арест движимого имущества, позиция взыскателя определялась целями изъять конкретное имущество в виде лошадей, бочек, упряжек, одежды и прочего [5, д. 84. л. 15]. Интерес представляет обращение взыскания на движимое имущество, находящееся в границах определенной территории. Так, в 1914 г. по иску К. Л. Тераевича к И. А. Кочеткову о возвращении 2000 руб. на основании исполнительного листа Пензенского окружного суда было решено провести арест имущества должника в виде «хлеба, скота, лошадей, домашней обстановки и прочей движимости, находящейся в его доме, квартире» при станции Проказна московско-казанской железной дороги [2, д. 43. л. 2].

Так, в марте 1908 г. на основании исполнительного листа Пензенского окружного суда по иску пензенского отделения государственного банка к должнику И. С. Демину было предписано арестовать рожь в количестве 9800 пудов, расположенную в Пензенской губернии Саранского уезда близ деревень Семелейка и Николаевка, на сумму долга 5200 руб., хотя на тот период времени оценка имущества проведена не была [2, д. 27. л. 2]. При этом должники старались реализовать имущество, которое в будущем будет у них изъято или арестовано по решению суда, как в вышеупомянутом случае, при котором при изъятии ржи было обнаружено, что должник продал 2000 пудов, при этом банк требовал от судебного пристава разыскать денежные средства от реализации данного имущества.

Данный пример наглядно демонстрирует отсутствие реальной возможности к сохранности данного имущества или принятию иных мер для полноценного исполнения решения суда. Вышеописанная ситуация делала процесс исполнения уязвимым и не только ставила под сомнение рациональность действий судебного пристава, но и снижала эффективность исполнения в целом.

Отметим, что судом не всегда определялись территориальные рамки для проведения исполнительных действий, что в целом провоцировало ситуации, когда взыскание могло по ошибке обращаться на имущество, не принадлежащее должнику и расположенное вдали от его места жительства.

Процесс исполнения решения суда был медлителен и осложнялся различными факторами: территорией исполнения, наличием судебного пристава,

загруженностью делами и другими аспектами. Однако одной из ключевых побуждающих судебного пристава к деятельности причин была оплата его действий тяжущимися, которые уже при обращении к судебному приставу делали на этом акцент только для того, чтобы тот приступил к исполнительным действиям как можно быстрее. Так, в 1879 г. коллежский регистратор А. Мотовилов просил судебного пристава Городищенского уезда Пензенской губернии о скорейшем назначении повторных торгов арестованного имения в с. Аристовка, объясняя это тем, что ответчик «сокращает стоимость арестованного имущества». При этом А. Мотовилов сразу же прилагал денежные средства в размере 20 руб. на расходы судебного пристава на организацию торгов и на подачу объявления в печать, что позволяло приставу практически безотлагательно отреагировать на подобного рода просьбы [2, д. 5. л. 21 об.].

Факт оплаты расходов судебного пристава определял приоритет в исполнении, что, на наш взгляд, провоцировало хаотичный подход судебного пристава к выполнению своих служебных обязанностей, тем самым снижая эффективность его деятельности.

Важное место в процессе взыскания занимала организация публичных торгов по продаже арестованного имущества. По общему правилу продажа означалась подачей объявления приставом, где указывались предмет, место, день и час продажи, имя владельца имущества и сумма для торгов.

В наказе Пензенского окружного суда 1874 г. впервые устанавливался порядок процессуальных действий для пензенских приставов на случай объявления торга, при котором пристав должен был вести соответствующий протокол торга, где должны быть отмечены обязательные к заполнению реквизиты: дата, место и время проведения торгов; имущество, подлежащее продаже; лица, участвующие в проведении торгов; порядок проведения торга [6].

В случае, если торг не состоялся, в протоколе делалась соответствующая запись о причинах этого. В протоколе в обязательном порядке ставились подписи пристава, проводившего торг, и присутствовавшего при торге члена суда. Информирование населения о торгах происходило путем подачи соответствующего объявления в периодическую печать [7–12].

В специальном разделе «Торги», «Продажа» или «Объявления» и т.п. указывалась информация о приставе, который будет проводить торг, его место жительства, а также конкретные статьи, на основании которых будут производиться торги, приблизительная стоимость имущества и информация о том, чье имущество публично продавалось.

В наказе Пензенского окружного суда 1909 г. появилась четкая формулировка о том, что судебный пристав мог не приступать к выполнению своих прямых обязанностей, если его действия не оплачены тяжущимися [13, с. 67]. Таким образом, в Пензенской губернии реализовывалась политика государства, направленная на сокращение судебных расходов за счет казны.

Тяжущиеся, заинтересованные в более быстром исходе дела, старались пересылать денежные средства судебному приставу одновременно с поступающими от них заявлениями. В Пензенской губернии тяжущиеся старались слать деньги почтовым переводом вместе со своими просьбами. Это облегчало работу пристава по исполнению и создавало благоприятные условия для получения ими впоследствии вознаграждения [5, д. 86. л. 8].

Обратной стороной авансирования действий судебного пристава было условное обозначение оплаты со стороны тяжущихся. Так, в апреле 1913 г. поверенный должника И. В. Андреева требовал от судебного пристава Пензенского окружного суда Н. Кратистова произвести опись имения должника, расположенного в Городищенском уезде при с. Чертеим в Засурской даче и при деревне Карауловке, также дом в г. Пензе на углу Троицкой и Нагорной улиц, при этом обещал оплатить действия пристава только после вручения должнику повестки и назначения дня описи [2, д. 28. л. 7]. Подобная постановка вопроса о взаимодействии взыскателей и пристава позволяет нам сделать вывод об одном из ключевых критериев, обеспечивающих эффективность взыскания, так как оплата деятельности судебного пристава способствовала неотложности действий последнего и его заинтересованности в процессе взыскания. Например, в вышеописанном случае повестка о намерении описать имущество должника в счет задолженности была составлена Н. Кратистовым в день поступления заявления от взыскателя 10 августа 1913 г.

Отметим, что особую актуальность в процессе взыскания приобрели действия пристава при наложении ареста на денежные средства должника, расположенные в банках и иных кредитных организациях. Так, 13 февраля 1913 г. к судебному приставу Пензенского окружного суда М. И. Андрееву обращался взыскатель И. Крейнес и просил наложить арест на сумму долга 11 947 руб. 23 коп. А. В. Андронова, на денежные средства, находящееся в Пензенском губернском акцизном управлении. Так как взыскателем на момент предъявления претензий к должнику было оплачено 2 руб. на повестки, это позволило в тот же день выписать повестку должнику [2, д. 33. л. 2].

Таким образом, в Пензенской губернии складывался принцип немедленного исполнения судебного решения, что в свою очередь позволяло преодолевать медлительность процесса взыскания. Однако данная практика складывалась стихийно и характеризует лишь отдельные случаи, при которых взыскатели на ранних этапах исполнительного производства оплачивали действия судебного пристава. Наличие или отсутствие оплаты действий пристава или на ведение дела позволяет нам обозначить масштабную проблему эффективности взыскания в Пензенской губернии, а также демонстрирует дисбаланс в степени использования потенциала пензенских приставов на практике.

Лица, заинтересованные в ускоренном порядке объявления торгов, сами предоставляли судебному приставу денежные средства на его организацию. 3 марта 1913 г. судебному приставу Пензенского окружного суда М. И. Андрееву поступило 17 руб. 20 коп. для назначения торгов на имущество должника А. А. Илюнина [5, д. 86. л. 27]. Такая практика способствовала поэтапному развитию исполнительного производства в Пензенской губернии, так как в обратном случае, когда торги проводились за счет будущей вырученной суммы от продажи имущества, пристав должен был получить вознаграждение и судебные издержки из той же суммы. В итоге складывалась ситуация, при которой долг не списывался с ответчика полностью и сбор в пользу судебного пристава числился на ответчике в качестве задолженности.

В наказе Пензенского окружного суда 1909 г. прогрессивная норма, обязывающая потенциальных покупателей вносить какую-либо стоимость от цены продаваемого имущества, отсутствует [13]. Традиционный порядок организации публичных торгов в Пензенской губернии способствовал, на наш

взгляд, его консервации и служил дополнительным доказательством того, что унифицировать систему исполнительного производства из центра было крайне трудно.

Торг имел строгую последовательность. Покупатель должен был вносить не менее пятой части предложенной им последней цены. Остальную же сумму он обязан был внести не позднее двенадцати часов следующего дня наличными деньгами. Покупатель получал имущество только при полной его оплате. Определялся нижний порог стоимости имущества, что в свою очередь гарантировало части кредиторов частичную выплату со стороны ответчика его долгов. В Пензенской губернии такая практика способствовала более эффективной организации проведения торгов [2, д. 21а. л. 45 об.].

Однако, несмотря на регламент организации торга, соблюдался он не всегда. Так, в 1884 г. судебным приставом в Инсарском уезде Пензенской губернии при реализации имения купца Н. М. Заикина стоимостью 44 000 руб. в пользу взыскателя поручика Н. Уманова в счет погашения долга было принято 2534 руб. 93 коп., при том что 103 руб. 89 коп. были истребованы приставом на ведение дела, при этом размер принятой суммы составил только 6 % вместо необходимых 25 %, для того чтобы недвижимость осталась за покупателем [2, д. 9. л. 6, 9, 9 об.].

Таким образом, на наш взгляд, преодолевалась возможность назначения повторного торга, а судебный пристав получал возможность истребовать за свои действия вознаграждение, которое отсутствовало бы в случае несостоятельности торга. Данный бюрократический пробел характеризует деятельность пензенских приставов как половинчатую, не соответствующую целям взыскания, но при этом удовлетворяющую субъективную потребность судебного пристава в получении вознаграждения в будущем.

Таким образом, анализируя процесс взыскания задолженности, отметим, что он носил многоаспектный характер. По замыслу судебной реформы 1864 г. обязанности по взысканию возлагались на специально учрежденную должность – судебного пристава. Однако на практике мы сталкиваемся со случаями замещения данного лица чинами полиции или местными органами власти.

Таким образом, бюрократизация процесса исполнения судебного решения препятствовала эффективному и безотлагательному взысканию по нескольким причинам. Во-первых, малочисленность судебных приставов не обеспечивала Пензенскую губернию в необходимом количестве кадров, что замедляло процесс взыскания из-за большой нагрузки, во-вторых, несмотря на то что пристав должен быть мобилен в процессе исполнения, из-за большого объема канцелярской работы он не мог должным образом исполнять свои обязанности по взысканию имущества в виде его ареста или его реализации, поэтому в приоритетном порядке исполнялись решения суда при условии оплаты действий судебного пристава, в-третьих, участие в исполнительном производстве чинов полиции и местной власти понижал авторитет судебного пристава и препятствовал автономии его действий.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 23.
2. ГАПО. Ф. 42. Оп. 3.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. – СПб., 1867. – С. 335.

4. Государственный архив Саратовской области. Ф. 7. Оп. 3. Д. 45. Л. 65.
5. ГАПО. Ф. 42. Оп. 6.
6. Особый наказ Пензенского окружного суда. – Пенза, 1874. – С. 30.
7. Торги // Пензенские губернские ведомости. – 1874. – 13 апреля.
8. Объявления // Саратовские ведомости. – 1874. – 20 апреля.
9. Торги // Симбирские губернские ведомости. – 1874. – 27 апреля.
10. Объявления о торгах // Пензенские губернские ведомости. – 1890. – 24 апреля.
11. Продажа // Пензенские губернские ведомости. – 1906. – 26 апреля.
12. Продажа // Пензенские губернские ведомости. – 1913. – 12 июня.
13. Особый наказ Пензенского окружного суда. – Пенза, 1909. – С. 67.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza region (GAPO)]. F. 23. Op. 3. D. 3. L. 23.
2. *GAPO*. F. 42. Op. 3.
3. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda* [Court statutes of the 20th of November 1864]. Saint-Petersburg, 1867, p. 335.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti* [State Archive of Saratov Region]. F. 7. Op. 3. D. 45. L. 65.
5. *GAPO*. F. 42. Op. 6.
6. *Osobyy nakaz Penzenskogo okruzhnogo suda* [Special ordinance of Penza district court]. Penza, 1874, p. 30.
7. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial bulletin]. 1874, 13 Apr.
8. *Saratovskie vedomosti* [Saratov bulletin]. 1874, 20 Apr.
9. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial bulletin]. 1874, 27 Apr.
10. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial bulletin]. 1890, 24 Apr.
11. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial bulletin]. 1906, 26 Apr.
12. Penzenskie gubernskie vedomosti [Penza provincial bulletin]. 1913, 12 Jun.
13. *Osobyy nakaz Penzenskogo okruzhnogo suda* [Special ordinance of Penza district court]. Penza, 1909, p. 67.

Болдырев Денис Вячеславович
соискатель, кафедра истории России, краеведения и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Boldyrev Denis Vyacheslavovich
Applicant, sub-department of Russian history, local history and methodology of teaching history, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: mr-boldyrev@ya.ru

УДК 94 (47) “1864/190”

Болдырев, Д. В.

Ключевые аспекты взыскания задолженности в Пензенской губернии во второй половине XIX в. / Д. В. Болдырев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 33–41. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-4

УДК 930.01
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-5

Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. 100 ЛЕТ СПУСТЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование историографии революции 1917 г. позволяет выявить специфику изучения особенностей причин и динамики развития событий в стране в условиях трансформаций начала XX в. Осмысление выводов и наблюдений российских историков создает основу для выявления лакун в историографии проблемы и позволяет сформулировать перспективы дальнейшего изучения феномена революции. В статье обобщены тенденции российской историографии последних десятилетий с учетом содержания монографий и статей ведущих специалистов.

Материалы и методы. Использованы материалы новейших исследований российских историков, работы которых определяют векторы дальнейшего изучения событий революции. Автор привлекает методы классификации и типологизации, позволяющие выделить сходство и отличия в исследовании проблемы. Историко-генетический метод предполагает осмысление происхождение явлений в историографии.

Результаты. Автор полагает необходимым обратить внимание на комплексность изучения революции 1917 г. как на основе выявленного и опубликованного архивного материала, так и с учетом расширения дискуссионного пространства в течение последних десятилетий.

Выводы. Перспективы дальнейших исследований могут быть предложены на основе выявления взаимосвязей между массовыми предпочтениями и идеологическими конструкциями лидеров политических партий 1917 г., выявления общих и отличительных черт в традиционной культуре многонациональных регионов страны с учетом специфики традиционного сознания.

Ключевые слова: революция 1917 г., историография, массовое сознание, традиции, политические партии, источники, конъюнктура, политизация.

N. G. Karnishina, V. Yu. Karnishin

THE REVOLUTION OF 1917. 100 YEARS LATER: MODERN INTERPRETATION

Abstract.

Background. A study of the historiography of the 1917 revolution allows us to reveal the specifics of the study of the features of the causes and dynamics of developments in the country in the conditions of transformations of the early 20th century. Comprehension of the conclusions and observations of Russian historians creates a basis for identifying gaps in the historiography of the problem and allows us to formulate the prospects for further study of the phenomenon of revolution. The article summarizes the trends in Russian historiography of recent decades, taking into account the content of monographs and articles by leading specialists.

Materials and methods. The materials of the latest research of Russian historians are used, the work of which determines the vectors for further study of the events of the revolution. The author draws on the methods of classification and typologization, allowing to highlight the similarities and differences in the study of the prob-

lem. The historical-genetic method assumes a comprehension of the origin of phenomena in historiography.

Results. The author considers it necessary to pay attention to the comprehensiveness of studying the 1917 revolution both on the basis of the identified and published archival material, and taking into account the expansion of the discussion space during the last decades.

Conclusions. Prospects for further research can be proposed on the basis of revealing the interrelations between the mass preferences and ideological constructs of the leaders of political parties of 1917, the identification of common and distinctive features in the traditional culture of the multinational regions of the country, taking into account the specifics of traditional consciousness.

Key words: revolution of 1917, historiography, mass consciousness, traditions, political parties, sources, conjuncture, politicization.

Общественный интерес к осмыслению феномена революции 1917 г. вполне объясним рядом обстоятельств. Изменения в современной геополитике, сопровождавшиеся цепью так называемых «цветных революций», обусловили повышенный интерес к обсуждению проблем соотношения государственного суверенитета и внешнеполитического фактора в контексте их влияния на содержание динамики перемен в различных странах. В этой связи не ослабевает интерес к влиянию модернизационных процессов на содержание различных аспектов развития стран и регионов. Нельзя недооценивать значимость проблемы, связанной со способностью властных структур реагировать на вызовы, определяемые совокупностью факторов – диспропорциями в социально-экономическом развитии, степенью адаптации социальных групп к новым реалиям. В этой связи уяснение ментальных особенностей многонациональных и многоконфессиональных общностей, их влияние на правовую и политическую культуру по-прежнему вызывает пристальный интерес с точки зрения осмысления феномена революции 1917 г., юбилей которой стал знаковым событием в общественной жизни современной России.

Создание Организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 г., во главе с академиком РАН А. В. Торкуновым отразило востребованность общества в постижении уроков событий памятного года не только для нашей страны, но и для мирового сообщества. Заслуживает внимания вывод комиссии о том, что «главный урок революции – это важность и приоритетность внимания к человеку, к его культурному, политическому, ценностному и духовно-психологическому развитию человека как главной референтной единице, отправной точке мировой цивилизации» [1].

На протяжении последних двух десятилетий историками России внесен существенный вклад в системное изучение феномена революции 1917 г. [2–11]. Между тем, на наш взгляд, предстоит внимательно проанализировать степень воздействия важных выводов и заключений, основанных на введении в научный оборот документов из фондов российских и зарубежных архивов, на массовое сознание россиян, их предпочтения и культуру. Между тем заслуживают внимания материалы социологического опроса, проведенного Всероссийским центром по изучению общественного мнения в 2017 г. Одна из особенностей предпочтений респондентов в том, что на протяжении

2005–2017 гг. выросли симпатии к Николаю II (с 42 до 60 %), В. И. Ленину (50–53 %), Ф. Э. Дзержинскому (44–57 %), А. В. Колчаку (20–35 %) [12, с. 24].

Предварительно можно отметить, что на восприятие событий и исторических личностей оказывают влияние несколько обстоятельств. Снижение тиражей научных журналов, монографий, наряду с особенностями ценообразования, не могут не отражаться на историческом воспитании. При этом еще предстоит использовать возможности интернет-пространства в плоскости размещения электронных версий печатных изданий на основе соблюдения норм авторского права. Приходится констатировать и упрощенность объяснений феномена революции, что стало нормой при подготовке проектов в масс-медиа и создании сериалов, претендующих на историческую объективность. Заполнение полок книжных магазинов изданиями авторов, нередко не имеющих исторического образования, но претендующих на сомнительные открытия путем компиляций и конструирование мифов, далеких от объективности, – очевидный факт.

Ю. А. Петровым справедливо обращалось внимание на роль конспирологического подхода, «вроде бы претендующего на новизну», а на самом деле являющегося «весьма архаичным и по характеру используемых авторами источников, и по пониманию исторических процессов» [12, с. 67]. А. В. Шубин весьма обстоятельно рассмотрел трактовки сторонников конспирологического подхода, акцентирующих внимание на значимость «заговоров», «масонского фактора», «руки берлина или Лондона» в событиях 1917 г. Напомним, что подобные «открытия» были в поле зрения нескольких поколений историков. Уместно напомнить о том, что социальный взрыв 1917 г. стал следствием «комплекса целого комплекса социально-экономических и социально-политических причин, которые в итоге вызвали революцию 1917 г.» [13, с. 99].

Думается, что реанимация мифов 1917 г. имеет определенный успех части соотечественников. Объяснение тому усматривается нами не только в качестве исторического образования, но и в предпочтениях, связанных с чтением. Опрос 1,2 тыс. респондентов в старше 18 лет, проведенный в ноябре 2017 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения, показал, что 60 % опрошенных любят читать, а 37 % не выбирают этот вид досуга. Вместе с тем социологи делают вывод о том, что «возможно, МИ и кино не в состоянии удовлетворить растущий интерес к истории России или же граждане обращаются к книгам, постепенно отстраняясь от телевизора, в котором в последнее время все больше негатива и насилия» [14].

Изучению революции 1917 г. способствовала существенная работа по изданию разнообразных корпусов источников, отложившихся в фондах центральных, республиканских, региональных и зарубежных архивов. Несомненно особое значение проекта «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие», который позволил воссоздать широкую палитру воззрений представителей всех направлений российской многопартийности, эволюцию их тактических установок в контексте общественно-политического развития страны. Столетие начала Первой мировой войны ознаменовалось изданием разнообразных по содержанию документов, многие из которых были либо недоступны, либо малоизвестны. Четырехтомник «Первая мировая война в оценке современников: власть и общество.

1914–1918» [15–18] не имеет аналогов в российской археографии: в нем представлена широкая палитра документов, которые позволяют составить представление о содержании многочисленных составляющих внутренней и внешней политики страны. Свидетельства современников, отраженные в публицистике, воссоздают среду, для которой выкристаллизовывались новые ценности, которые предстояло осмыслить.

Обращение к материалам Особого совещания Совета министров периода войны [19–22] принципиально важно для анализа методов разработки и принятия решений в экстремальных условиях войны, что расширяет представления о дискуссиях вокруг роли государства в экстремальных условиях войны. Уникален проект «Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи» [23], в котором представлены документы, представляющие воззрения современников на состояние развития общества и государства, архивные документы тех лет. Важна и та часть сборника, в которой представлены публикации современных историков. К изданиям документов из региональных архивов необходимо отнести фундаментальные по содержанию и качеству публикуемых источников проекты, посвященных положению Пензенской и Самарской губерний в годы Первой мировой войны и накануне революции. Речь идет о доступности для исследователей и читателей документов, которые воссоздают различные сферы жизни провинциального социума в годы испытаний войной [24–26].

Необходимым и весьма значимым компонентом историографии революции 1917 г. являются исследования В. П. Булдакова и Т. Г. Леонтьевой. Отвечая на вопрос, почему «за императора, стоявшего во главе отнюдь не ослабленной в военном отношении армии, не вступился никто» [31], авторы подчеркивают, что «патерналистская система, ставшая неуправляемой, выделяет из себя яд взаимного недоверия». Практически вся российская общественность была убеждена в «измене царской фамилии и потому свержение императора напоминало успешный бунт на корабле, когда негодного капитала изолируют его помощники» [27]. В. П. Булдаков в своих фундаментальных работах тщательно исследовал природу бунта и его стихии, констатируя, что «уличные революционеры» Февраля действовали совершенно независимо от партийно-политических деятелей. Таким образом, развитие революции совершенно в иных формах, далеких от схем политиков и доктринеров, определило усиление тех начал, на которые пока еще мало кто обращал внимание [28, с. 44].

Размышляя о причинах революции, В. П. Булдаков констатирует, что в России достаточно рельефно проявлялись неспособность самодержавной системы предложить внятные идеологические вызовы, архаичность управленческих практик, пассивное упование императора на «волю Божью», что и предопределило внутреннюю готовность к отречению [29, с. 40–44]. Незрелость российской многопартийности, отразившаяся в смеси утопий, сектантства и доктринерства (при недостаточно четком оформлении прагматичных интересов социальных групп), не могла не влиять на динамику политического процесса 1917 г. [29, с. 49]. Осмысление перипетий динамики событий в стране после Февраля автор считает уместным с учетом того обстоятельства, что политика обычно подменялась серией эмоциональных реакций и укоренившихся настроений на действия сменяющихся правителей, что предопределило формирование размытого понятия «общественность» [29, с. 52].

Отчужденность от норм римского права в свою очередь означала, что категория формального закона в правосознании была подменена максимами справедливости и правды [29, с. 53]. Наличие мифологичности в массовом сознании (ожидание народа спасения от тягости войны) была блестяще исполнена В. И. Лениным и его сторонниками. Их апелляция к трудящимся с призывом поддерживать большевиков, обладавших четкой программой действий, носящей некий аналог сакральности, сыграла важную роль в том в выборе, который был сделан в 1917 г.

В историографическом дискурсе нельзя не уделить внимание оценочным суждениям об изучении многопартийности, на что обращалось внимание в многочисленных публикациях В. В. Шелохаева. В своих недавних публикациях им отмечены некоторые системные особенности многопартийности в контексте нарастания общенационального кризиса 1917 г.: ее неустойчивость и хрупкость, неукорененность в массовом сознании ценностей правового государства. Справедливо указывается на недостаточное изучение механизма прямой и обратной связи между центральными и периферийными структурами партий. В. В. Шелохаев напоминает о том, что на протяжении последних десятилетий не проводились международные научные конференции, посвященные облику национальных партий в начале XX в. [30, с. 40]. Заметим, что влияние на историческую науку политики особо проявилось в исследованиях украинских историков, что заметно суживает дискуссионное поле и замыкает суждения и выводы коллег их соседней страны в идеологические схемы, отличающиеся политической заданностью и предопределенностью. Среди выводов и наблюдений В. В. Шелохаева целесообразно отметить значимость более вдумчивого исследования проблемы морально-нравственной ответственности лидеров партий и рядовых членов за выбор путей и средств достижения политических целей, восприятия моделей развития страны представителями различных социальных страт [30, с. 41].

Рассматривая новейшие историографические тенденции в изучении революции 1917 г., необходимо констатировать заметные сдвиги во введении в научный оборот новых массивов документов, ставших предметом исследований новых поколений российских историков. Вместе с тем следует обратить внимание на прерывание сотрудничества с рядом историков из соседних стран, политизацию оценочных суждений и наблюдений, что суживает системный анализ общенационального кризиса. Весьма перспективными представляются новые исследовательские тенденции – роль массового сознания и девиантного поведения в процессах революционного переустройства, феномен правовой культуры и его соотнесение с традиционным сознанием, роль мифологии в мотивации решений и действий политиков и народа.

Библиографический список

1. Заключительное заседание оргкомитета по 100-летию Российской революции. – URL: http://www.mgimo.ru
2. **Петров, Ю. А.** Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции / Ю. А. Петров // Российская история. – 2017. – № 2. – С. 3–16.
3. **Петров, Ю. А.** Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции / Ю. А. Петров // Экономическая история. – 2017. – № 2 (37). – С. 9–26.

4. **Будник, Г. А.** Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России / Г. А. Будник // Вестник Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина. – 2008. – Вып. 1. – С. 1–5.
5. **Фельдман, М. А.** Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии) / М. А. Фельдман // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 112–120.
6. **Ерофеев, Н. Д.** Современная отечественная историография русской революции 1917 года / Н. Д. Ерофеев // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2. – С. 92–108.
7. **Соболев, Г. Л.** Русская революция 1917 г.: взгляд историка из 2012 года / Г. Л. Соболев // Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии : межвуз. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 16 ноября 2012 г.). – СПб. : СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. – С. 31–37.
8. **Соболев, Г. Л.** О ленинградской школе историков Российской революции 1917 г. / Г. Л. Соболев // Новейшая история России. – 2013. – № 1. – С. 142–147.
9. **Шепелева, В. Б.** Из историографии революционного процесса 1917 г. / В. Б. Шепелева // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – Т. 12, № 6. – С. 187–192.
10. **Томсинов, В. А.** Революция 1917 года: история и современность / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета им. М. В. Ломоносова. Сер. 11, Право. – 2017. – № 2. – С. 4–32.
11. **Согрин, В. В.** Русская революция 1917 года: перипетии мировой истории / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2017. – № 2. – С. 3–28.
12. Революция 1917 г. Перемены vs стабильность. – М., 2017. – 24 с. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-11_oct100.pdf
13. **Шубин, А. В.** Конспирологи о причинах Февральской революции / А. В. Шубин // Историческая экспертиза. – 2014. – № 1. – С. 75–99.
14. ВЦИОМ: читать книги любят 60 % граждан. – URL: http://www.mgimo.ru
15. Первая мировая война в оценке современников: власть и общество. 1914–1918 : в 4 т. Т. 1. Эволюция взглядов / под ред. В. Журавлева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2014. – 636 с.
16. Первая мировая война в оценке современников: власть и общество. 1914–1918 : в 4 т. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / под ред. В. Журавлева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2014. – 656 с.
17. Первая мировая война в оценке современников: власть и общество. 1914–1918 : в 4 т. Т. 3. Либеральные взгляды на войну: через катастрофу к возрождению / под ред. В. Журавлева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2014. – 548 с.
18. Первая мировая война в оценке современников: власть и общество. 1914–1918 : в 4 т. Т. 4. Демократия «страны нарушенного равновесия» / под ред. В. Журавлева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2014. – 596 с.
19. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. – 700 с.
20. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915 год. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. – 715 с.
21. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. – 760 с.
22. Особые журналы Совета министров российской империи. 1917 год. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2009. – 309 с.
23. Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / сост.: А. В. Репников, Е. Н. Рудая, А. А. Иванов. – М., 2014. – 414 с.
24. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага, 2014.
25. **Кондрашин, В. В.** Российская деревня в условиях Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 г. / В. В. Кондрашин // Русское крестьянство и

Первая мировая война / под ред. П. П. Марченя. – М. : Изд-во Ипполитова, 2016. – С. 221–229.
26. Самарская губерния в период Первой мировой войны : сб. документов. – Самара, 2014.
27. **Булдаков, В. П.** Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. / В. П. Булдаков. – М. : Новый хронограф, 2015. – 720 с.
28. **Булдаков, В. П.** 1917 год: революция и погром / В. П. Булдаков // Политическая концептология. – 2015. – № 3. – С. 108–150.
29. **Булдаков, В. П.** Революция 1917 года: мифы, которые мы выбираем / В. П. Булдаков // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. – 2017. – № 1. – С. 39–62.
30. **Шелохаев, В. В.** Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) / В. В. Шелохаев // Российская история. – 2017. – № 2. – С. 32–41.

References

1. *Zaklyuchitel'noe zasedanie orgkomiteta po 100-letiyu Rossiyskoy revolyutsii* [Final meeting of the organizing committee on the 100th anniversary of the Russian revolution]. Available at: http://www.mgimo.ru
2. Petrov Yu. A. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2017, no. 2, pp. 3–16.
3. Petrov Yu. A. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history]. 2017, no. 2 (37), pp. 9–26.
4. Budnik G. A. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta im. V. I. Lenina* [Bulletin of Ivanovo Power Engineering University]. 2008, iss. 1, pp. 1–5.
5. Fel'dman M. A. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and the present]. 2012, no. 5, pp. 112–120.
6. Erofeev N. D. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and contemporary history]. 2009, no. 2, pp. 92–108.
7. Sobolev G. L. *Russkaya revolyutsiya 1917 g.: problemy istorii i istoriografii: mezhvuz. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 16 noyabrya 2012 g.)* [The Russian revolution of 1917: problems of history and historiography: an interuniversity scientific conference (Saint-Petersburg, 16th November 2012)]. Saint-Petersburg: SPbGETU «LETI», 2013, pp. 31–37.
8. Sobolev G. L. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Contemporary history of Russia]. 2013, no. 1, pp. 142–147.
9. Shepeleva V. B. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of Samara Scientific Center of RAS]. 2010, vol. 12, no. 6, pp. 187–192.
10. Tomsinov V. A. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. M. V. Lomonosova. Ser. 11, Pravo* [Bulletin of Lomonosov State University of Moscow. Series 11, Law]. 2017, no. 2, pp. 4–32.
11. Sogrin V. V. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and contemporary history]. 2017, no. 2, pp. 3–28.
12. *Revolyutsiya 1917 g. Peremeny vs stabil'nost'* [The revolution of 1917. Changes vs. stability]. Moscow, 2017, 24 p. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-11_oct100.pdf
13. Shubin A. V. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical examination]. 2014, no. 1, pp. 75–99.
14. *VTsIOM: chitat' knigi lyubyat 60 % grazhdan* [Russian Public Opinion Research Center: 60% of citizens like reading books]. Available at: http://www.mgimo.ru
15. *Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i obshchestvo. 1914–1918: v 4 t. T. 1. Evolyutsiya vzglyadov* [The First World War in the reviews by the contemporaries: the authority and society. 1914–1918: in 4 volumes. Vol. 1. Evolution of views]. Ed. by V. Zhuravlev. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2014, 636 p.
16. *Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i obshchestvo. 1914–1918: v 4 t. T. 2. Konservatory: velikie razocharovaniya i velikie uroki* [The First World War

in the reviews by the contemporaries: the authority and society. 1914–1918: in 4 volumes. Vol. 2. Conservatives: great disappointments and great lessons]. Ed. by V. Zhuravlev. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2014, 656 p.
17. *Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i obshchestvo. 1914–1918: v 4 t. T. 3. Liberal'nye vzglyady na voynu: cherez katastrofu k vozrozhdeniyu* [The First World War in the reviews by the contemporaries: the authority and society. 1914–1918: in 4 volumes. Vol. 3. Liberal views on the war: through the catastrophe to the rebirth]. Ed. by V. Zhuravlev. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2014, 548 p.
18. *Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i obshchestvo. 1914–1918: v 4 t. T. 4. Demokratiya «strany narushennogo ravnovesiya»* [The First World War in the reviews by the contemporaries: the authority and society. 1914–1918: in 4 volumes. Vol. 4. Democracy of "countries with disturbed balance"]. Ed. by V. Zhuravlev. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2014, 596 p.
19. *Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1914 god* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1914]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006, 700 s.
20. *Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1915 god* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1915]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2008, 715 p.
21. *Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1916 god* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1916]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2008, 760 p.
22. *Osobye zhurnaly Soveta ministrov rossiyskoy imperii. 1917 god* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1917]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2009, 309 p.
23. *Svet i teni Velikoy voyny. Pervaya mirovaya v dokumentakh epokhi* [The light and shadow of the Great War. WWI in documents of the period]. Comp. by A. V. Repnikov, E. N. Rudaya, A. A. Ivanov. Moscow, 2014, 414 p.
24. *Penzenskaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914 – mart 1918: v 2 kn.* [Penza province during the First World War. 1914 – March 1918: in 2 books]. Comp. by V. V. Kondrashin. Praga, 2014.
25. Kondrashin V. V. *Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya voyna* [Russian peasantry and the First World War]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2016, pp. 221–229.
26. *Samarskaya guberniya v period Pervoy mirovoy voyny: sb. dokumentov* [Samara province during the First World War: collected documents]. Samara, 2014.
27. Buldakov V. P. *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu: Rossiya, 1914–1917 gg.* [The war that gave birth to the revolution: Russia, 1914–1917]. Moscow: Novyy khronograf, 2015, 720 p.
28. Buldakov V. P. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology]. 2015, no. 3, pp. 108–150.
29. Buldakov V. P. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2017, no. 1, pp. 39–62.
30. Shelokhaev V. V. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2017, no. 2, pp. 32–41.

Карнишина Наталья Геннадьевна
доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Karnishina Natal'ya Gennad'evna
Doctor of historical sciences, professor, sub-department of history of Russia, state and law, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Карнишин Валерий Юрьевич
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valeriy Yur'evich
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of history of Russia, state and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 930.01
Карнишина, Н. Г.
Революция 1917 г. 100 лет спустя: современные интерпретации / Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 42–50. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-5

УДК 980
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-6

Л. Ю. Федосеева, Т. В. Гаврилова

СОЦИАЛЬНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В 1920-е гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. С 90-х гг. XX в. положение интеллигенции в обществе кардинально изменилось. Из «прослойки» она превратилась в активную созидательную силу, играющую значительную роль в экономике, политике, культуре. Особое место в ее рядах занимает художественная интеллигенция, поскольку именно она обладает уникальными средствами влияния на массы, которыми ни научная, ни техническая интеллигенция не обладает, – силой художественного образа, силой слова, обращенного к массе. Этим определяется ее роль в современном обществе. В первые же десятилетия советской власти государство особенно нуждалось в ней как в проводнике новой идеологии, поэтому планомерно формировало верную режиму интеллигенцию. Цель настоящей работы – изучить социальный, национальный, профессиональный состав, уровень образования художественной интеллигенции Пензенского края в контексте общероссийских тенденций.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Пензенской области: протоколов заседаний Правления союза работников искусств, книги личного состава Пензенского губернского отделения профессионального союза работников искусств, анкет членов Пензенского губсоюза «Рабис» и др. Методология статьи базируется на традиционных для исторических исследований принципах объективности, историзма, ценностного подхода. Используются методы сравнения, анализа, обобщения. Особое значение для решения исследовательских задач имеет концепция социального конструкционизма, или теории конструирования новой социальной реальности, в рамках которой художественная интеллигенция предстает в ранге объекта и одновременно инструмента государственной политики по формированию новой культурной идентичности, ориентирующей социум на восприятие ценностей модернизма. Высокую познавательную ценность для данного исследования имеет теория модернизации, представленная в историко-культурологическом ключе, ратующем за приоритет духовных процессов.

Результаты. Исследован социальный, национальный, профессиональный, партийный состав, уровень образования художественной интеллигенции Пензенского края в контексте общероссийских тенденций.

Выводы. Полученные в результате исследования данные объясняют политику государства в отношении художественной интеллигенции в первые десятилетия советской власти, позволяют проследить причинно-следственные связи в процессе формирования творческой интеллигенции новой формации, а также обусловленность процесса экономическим состоянием и аграрной спецификой Пензенского региона в рассматриваемый период. Крайняя узость социальной прослойки, ответственной за воспроизводство идеологической модели, примиряющей крестьянскую цивилизацию с идеалами современного общества, и мощное влияние традиционализма отодвигали задачу объединения расколотого общества на весьма отдаленную перспективу, что препятствовало успеху индустриализации.

Ключевые слова: художественная интеллигенция; социальный, национальный, профессиональный и партийный состав.

L. Yu. Fedoseeva, T. V. Gavrilova

SOCIAL, NATIONAL, PROFESSIONAL AND PARTY COMPOSITION OF THE ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF PENZA REGION IN 1920s

Abstract.

Background. Since the 1990-ies the position of the intelligentsia in society has changed radically. From the «stratum» it turned into an active creative force, playing a significant role in the economy, politics, and culture. A special place in its ranks is occupied by the artistic intelligentsia, since it has unique means of influencing the masses, which neither the scientific nor the technical intelligentsia possesses – the power of the artistic image, the power of the word turned to the masses. This determines its role in modern society. In the first decades of Soviet power, the state particularly needed it as a conductor of a new ideology, and so it systematically formed an intelligentsia loyal to the regime. This article is aimed at studying the social, national, professional composition, the level of education of the artistic intelligentsia of the Penza region in the context of all-Russian trends.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved through the use of documents kept in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Penza Region: the minutes of the Art Workers Union Management meetings, urban population censuses of 1923 and 1926, the Personnel Books of the Penza Art Workers Union Provincial Branch, questionnaires of the Penza Provincial Art Workers Union members and other documents. The methodology of the article is based on the principles of objectivity, historicism, and value approach that are traditional for historical research. Methods of comparison, analysis, generalization are used. The concept of social constructionism or the theory of constructing a new social reality, in which frameworks the artistic intelligentsia appears in the rank of an object and at the same time an instrument of state policy for the formation of a new cultural identity that guides the society towards the perception of the values of modernism, have a special importance for solving research problems. The theory of modernization presented in the historical and cultural focus that stands for the priority of spiritual processes have a high cognitive value for this study.

Results. Social, national, professional and party composition of the Penza artistic intelligentsia, the level of its education in the context of all-Russian trends have been studied.

Conclusions. The data obtained as a result of the research explains the state policy towards the artistic intelligentsia in the first decades of the Soviet power. It also allows to trace the causes and effects in the process of the creative intelligentsia formation and conditionality of the process by the economic condition and agrarian specificity of the Penza region in the period under review. The extreme narrowness of the social layer responsible for the reproduction of the ideological model that reconciles peasant civilization with the ideals of modern society, and the powerful influence of traditionalism moved the task of uniting the split society to a very remote perspective, that interrupted the success of industrialization.

Key words: artistic intelligentsia, social, national, professional and party composition.

Изучение положения художественной интеллигенции в советском обществе 20–30-х гг. XX в., ее роли в культурных преобразованиях этого периода невозможно без обращения к вопросу об изменениях, произошедших в ее социальной и профессиональной структуре в первые постреволюционные десятилетия. Перспективы формирования новой социальной прослойки в эту эпоху связывались с определенной потребностью в создании проводника универсальной государственной идеологии, в выстраивании каналов коммуникации власти и народа, нацеливающих на централизацию управления. Особую остроту моменту добавляло сопряжение противоположных векторов развития идеологической модели: для крестьянства это реализация возможности возвращения к древним идеалам, для рабочих – ограниченная модернизация с необходимостью ослабления капитализма и укрепления собственного положения, для интеллигенции – создание совершенного и однородного общества высшей Правды [1, с. 397]. Вместе с тем тотальное вытеснение и замещение любых моделей помимо марксизма вряд ли можно считать самоцелью и предпосылкой для складывания системы политического контроля в советском государстве. Это не только способ противостояния «социальной истерии» и сохранения единства страны [2, с. 22, 25], скорее, утилитарное прочтение модной идеологии можно интерпретировать как уникальную форму организации социума, «застрявшего» между двумя основными цивилизациями – традиционной и либеральной [1, с. 396]. В этом случае к особенностям советской модернизации следует отнести ее дуализм, опору не только на индустриализацию и урбанизацию, но и на воспроизводство культурной основы, ориентированной на коллективизм, неприятие рыночных ценностей, на идеал всесторонне развитого, гармоничного человека [3, с. 17].

Социальное предназначение творческой интеллигенции в этом контексте прочитывается как эмоционально-мобилизующее начало в системе ресурсов индустриализации, а также как необходимое условие для развития массового образования и науки, основы общества будущего. Усложняет задачу тот факт, что, выступая «ответом» на «вызовы» Запада, российская модернизация будет носить неорганически-мобилизационный характер, проецирующий ситуацию социокультурного раскола на прозападные элиты и народ, тяготеющий к традиционному образу жизни [4, с. 242].

В практическом воплощении формирование «инструмента» модернизации виделось как политика последовательной подготовки кадров новой, рабоче-крестьянской интеллигенции. Главная роль в этом деле принадлежала высшей и средней специальной школе. Основные направления ее работы были определены на партийном совещании по вопросам народного образования, созванном по инициативе ЦК РКП(б) в конце декабря – начале января 1921 г. Направленность риторики свидетельствовала о необходимости концентрации усилий на политическом воспитании студентов и подготовке большого количества специалистов из рядов пролетариата и, в особенности, из партийных рабочих.

Этому способствовала и ликвидация автономии высшей школы, оформленная в сентябре 1921 г. специальным положением «О высших учебных заведениях РСФСР»: Советское государство получило возможность направлять ее учебную и воспитательную деятельность. Реорганизация высшей школы открыла широкий доступ в ее аудитории трудящимся. Для них открывались рабочие факультеты, готовившие их к поступлению в вузы.

В то же время большое внимание уделялось привлечению к делу строительства социализма старых специалистов. Это объяснялось тривиальным отсутствием классово ориентированной рабоче-крестьянской интеллигенции, необходимостью сохранения интеллектуального багажа, обеспечивавшего технологический прогресс. Специалисты в области промышленности и сельского хозяйства имели все основания найти применение собственным знаниям в структурах советской экономики. В этой системе координат не оставалось места лишь для гуманитарных и обществоведческих наук: носителям либеральной идеологии в своем Отечестве была уготована участь по меньшей мере изгнанников. Во многом это определялось шаткостью позиций марксизма в крестьянской стране: отправляя «философские пароходы», власти пытались решить проблему унификации и монополизации идеологической модели. Нехватка воспитателей для народа остро переживалась лидером большевизма: «…почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [5, с. 52].

Что же представляла собой интеллигенция раннесоветской эпохи? Городские переписи населения в 1923 и 1926 г. не позволяют определить общую численность художественной интеллигенции в стране и в отдельных ее регионах: демографические исследования попросту не содержали такой графы. Графа «лица свободных профессий» объединяла не только художественную интеллигенцию, но и инженеров, врачей, учителей и т.д., имевших частную практику. Входили в нее и священнослужители различных культов [6, с. 58].

Известно лишь, что собственно интеллигенция как совокупный носитель интеллектуального багажа цивилизации в целом, в городах Европейской России составляла лишь 5,8 % самодеятельного населения и удельный вес художников, музыкантов, артистов в ее составе был невелик. Так, в Пензенской губернии процент лиц свободных профессий по переписи 1923 г. был значительно ниже среднего показателя по Европейской России – 1,6 % [6, с. 58].

Уже в начале 1920-х гг. заметным явлением повседневной жизни творческой интеллигенции становится ее организация в профессиональные союзы. Сегодня делопроизводственная документация подобных объединений выступает достоверным свидетельством о качественном составе изучаемой социальной группы. Согласно протоколам заседаний Правления союза, на 1 января 1925 г. в организации состояло режиссеров 3 %, актеров – 25 %, музыкантов – 23 %, работников эстрады и цирка – 3,4 %, художников – 5,3 %, фотографов – 0,9 %, художественного персонала кинопредприятий – 0,5 %, обслуживающего персонала – 1 %, технического персонала – 2,6 %, композиторов, драматургов, сценаристов – 0,4 %, преподавателей и научных работников по искусству – 7,5 %, кружководов клубов – 1,5 %, прочих – 10 % [7, л. 15].

На начало 1927 г. соотношение профессий внутри союза несколько изменилось: на 1 % снизился численный актерский состав, на 1,4 % – режиссерский, на 3 % уменьшилась численность музыкантов, на 0,3 % – композиторов, драматургов, сценаристов. В то же время произошло некоторое увеличение численности работников цирка и эстрады (до 5 %), художников (до 5,6 %), фотографов (до 1,4 %). В сторону уменьшения незначительно варьировалась

численность остальных, перечисленных выше, категорий работников творческих организаций [7, л. 12].

В числе причин этих изменений – организационно-технические, в частности перераспределение профессий между группами творческих работников. Так, если в 1925 г. дирижеры входили в группу режиссеров, то в 1927 г. их причислили к музыкантам. Кроме того, в 1927 г. из союза вышла часть драматургов и сценаристов, пожелавших войти в союз на правах секции «Союза драматических писателей». Эта реорганизация также сказалась на численности членов Всерабиса [7, л. 16].

О сильном партийном «ядре» в художественных организациях губернии говорить не приходится: даже в руководящих союзных органах губернии членов партии было значительно меньше, чем по промышленным союзам – всего 38,3 %, в уездных отделениях и того меньше – 13,8 %. В целом же в профсоюзе работников искусств Пензенской губернии партийная прослойка составляла 22,1 %. Данные по членам комсомола выглядят еще более бледными: 6,5 % по союзу в целом. Практически аналогичными были показатели в руководящих органах союза: 7,1 и 6,5 % в губернских и уездных отделениях соответственно [7, л. 30]. С большой долей вероятности можно предположить, что причины кроются не только в политической немотивированности творческих работников, но и в демографических показателях. Авторы не располагают статистическими данными о возрастном составе пензенской художественной интеллигенции, однако изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что лиц комсомольского возраста в ее рядах было меньше, чем иных.

Оценивая степень тяготения художественной интеллигенции к участию в политической жизни, к партии и комсомолу, следует иметь в виду, что приведенные выше показатели включают не только собственно интеллигенцию, но и прочих членов профсоюза работников искусств. Изучение их анкет приводит к выводу о том, что членами партии и комсомола являлись в основном технические, хозяйственные работники с низким уровнем образования [8, л. 1, 2, 11, 12, 17, 27, 30, 31].

Одной из причин такого положения являлось неприятие художественной интеллигенцией вмешательства политики в творчество, традиции свободы и независимости, в силу которых интеллигенция в подавляющем большинстве позиционировала себя вне политики и в очередь на вступление в партию и комсомол не выстраивалась. В то же время руководящие партийные органы искусственно поддерживали строго заданный социальный состав партийных рядов, устанавливая квоты для приема рабочих, крестьян, интеллигенции. И приоритет молодое рабоче-крестьянское государство отдавало первым двум категориям населения, тем более что интеллигенция в начале 20-х гг. XX в. еще только определялась со своей политической позицией, ее социальное мировоззрение было в значительной степени неустойчивым.

Изучая вопрос о численности творческих работников Пензенского края, авторы обратились к книге личного состава Пензенского губернского отделения профессионального союза работников искусств. Ее данные показывают, что в 1924 г. организация насчитывала около 600 членов. Следует учитывать, что отдельной статистики по художественному и обслуживающему персоналу творческих предприятий в профсоюзе не велось, поэтому в ука-

занное выше число входили и билетерши, и кассиры, и сторожа этих предприятий [8, л. 42]. Но даже с учетом этого факта организацию можно назвать весьма внушительной.

1920-е гг. характеризуются отсутствием стабильности кадрового состава зрелищных предприятий. Это было связано и с безработицей, которая заставляла творческих работников переезжать из города в город в поисках работы, и погоня за более высокими заработками (этим отличались наиболее востребованные артисты, режиссеры и др., не задерживавшиеся, как правило, в одном театре более чем на два сезона). Документы свидетельствуют, что ежегодно кадровый состав профсоюза «Рабис» в Пензенском крае менялся не менее чем на треть [8, л. 54].

Социальный статус представителей художественной интеллигенции Пензенского губернского профессионального союза работников искусств представлен в материалах анкет. В начале первого десятилетия Советской власти 10 % из них являлись выходцами из дворян (больше всего дворянок было в числе актеров). В артистической среде можно было встретить и представителей духовенства (особенно на оперной сцене).

Основная же масса артистов происходила из мещан и крестьян: 50 и 40 % соответственно. Причем творческие амплуа выходцев из крестьян были связаны преимущественно с музыкальным искусством и пением в хоре [9, л. 23, 30, 44, 50, 65, 70, 73, 98].

В национальном составе доминировали представители русской национальности, но многонациональный характер Средне-Волжского региона в целом и Пензенского края в частности проявился и в составе профсоюза работников искусств: в нем были армяне, немцы, евреи, татары, литовцы, греки и даже чехи, поляки, швейцарцы [8, л. 1, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 15].

Национальный состав творческой интеллигенции Пензенского края в целом соответствовал общероссийским показателям. Удельный вес представителей русской национальности в общей массе республиканской художественной интеллигенции составлял 76 %. Евреев насчитывалось 11,3 %, прочих – 12, 7 % [7, л. 30].

Поскольку власть представляла (и вполне обоснованно) художественную интеллигенцию силой, способной проводить в массы идеологические и политические установки, формировать новую духовно-нравственную культуру общества, она должна была позаботиться о воспитании в духе идеалов социализма самой интеллигенции, и в этом отношении власть будет проводить целенаправленную работу.

Однако успех политического воспитания масс зависел и от уровня образования интеллигенции, особенно провинциальной. Пензенская губерния, традиционно занимавшая одно из последних мест в стране по грамотности населения, не могла похвастаться наличием высококвалифицированных специалистов и в области искусств. Актеры в большинстве своем имели среднее общее образование, некоторые – низшее. Наличие высшего образования было редким исключением. Из 110 актеров его имели только пятеро [8, л. 5].

Большинство пензенских артистов – 80 % – не имели специального актерского образования. Исключительным явлением были актеры с дипломами Ленинградской консерватории, Харьковского театрального училища, Ленинградского театрального училища и музыкальной драматической школы в Екатеринославле [8, л. 2, 3, 7, 9].

Численность музыкантов превосходила численность артистов и составляла примерно 130 человек. Объясняется это простым соотношением числа зрелищных предприятий и числа предприятий народного питания. Если артисты были востребованы только в театрах, реже – в кино (озвучивание немого кино), еще реже – в рабочих клубах (редкий клуб мог позволить себе роскошь платного квалифицированного руководителя драматического кружка), то у музыкантов сфера приложения труда была значительно шире за счет многочисленных заведений народного питания, куда их часто приглашали развлекать публику.

Из приведенного числа музыкантов только шестеро имели высшее образование, примерно столько же – низшее, остальные – среднее. Большинство музыкантов, так же как и актеры, были самоучками. Специальное образование имели единицы.

В числе учебных заведений, давших профессиональное образование редким пензенским музыкантам, Пензенский музыкальный техникум, Московская филармония [8, л. 7] и Московская консерватория. Естественно, это были специалисты высокой квалификации, в основном дирижеры местных оркестров: А. С. Турищев [2, л. 8] и С. Ф. Баторин (зав. музыкальным техникумом) [8, л. 12]. В этом ряду был даже выпускник Дрезденской консерватории [8, л. 18]. Библиотекой в Пензенском музыкальном техникуме заведовал выпускник Академии искусств.

Изобразительное искусство в Пензенском крае представляли художники-преподаватели Художественного техникума и театральные художники-декораторы. В 1924 г. в союзе работников искусств их было 15 человек. 13 из них имели среднее специальное образование, полученное в Пензенском художественном училище. Выпускниками Академии художеств были Иван Силович Горюшкин-Сорокопудов, в то время преподаватель Художественного техникума, и Николай Филиппович Петров, заведовавший техникумом. Один из художников окончил Московское художественное училище [8, л. 10].

Таким образом, анализируя качественный состав низовых отрядов раннесоветской интеллигенции, следует отметить крайнюю узость социальной прослойки, ответственной за воспроизводство и трансляцию идеологической модели, примиряющей крестьянскую цивилизацию с идеалами современного общества. Этот фактор в дополнение к мощному влиянию традиционализма отодвигал на весьма отдаленную перспективу решение задачи объединения расколотого общества, что объективно препятствовало успеху индустриализации. Осознание этого факта правящей элитой проявилось в политической стратегии культурной революции, направленной на повышение общей грамотности населения и массированное формирование интеллигенции, новой по своему социальному составу и подконтрольной монопольно властвующей партии, организованной и объединенной в иерархические структуры массовой когорты проповедников коммунистической идеологии.

Библиографический список

1. **Ахиезер, А. С.** Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : в 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – 2-е изд. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – 805 с.
2. **Володина, Н. А.** Предпосылки формирования советской системы политического контроля / Н. А. Володина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 19–26.

3. **Федотова, В. Г.** Типология модернизаций и способов их изучения / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.
4. **Федотова, В. Г.** Модернизация «другой» Европы / В. Г. Федотова. – М. : ИФ РАН, 1997. – 255 с.
5. **Ленин, В. И.** Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1970. – Т. 45. – 729 с.
6. **Жиромская, В. Б.** Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры / В. Б. Жиромская. – М. : Наука, 1988. – 169 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5508. Оп. 1. Д. 840.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 38.
9. ГАПО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 8.

References

1. Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii): v 2 t. T. 1. Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: historical expreince critics (socio-cultural dynamics of Russia: in 2 volumes. Vol. 1. From the past to the future)]. 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1997, 805 p.
2. Volodina N. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 4 (28), pp. 19–26.
3. Fedotova V. G. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 2000, no. 4, pp. 3–27.
4. Fedotova V. G. *Modernizatsiya «drugoy» Evropy* [Modernization of “another” Europe]. Moscow: IF RAN, 1997, 255 p.
5. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete collection of works: in 55 volumes]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1970, vol. 45, 729 p.
6. Zhiromskaya V. B. *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: Problemy sotsial'noy struktury* [The Soviet town in 1921–1925: Problems of social structure]. Moscow: Nauka, 1988, 169 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R-5508. Op. 1. D. 840.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. R-398. Op. 1. D. 38.
9. *GAPO*. F. R-398. Op. 1. D. 8.

Федосеева Людмила Юрьевна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: fedoseeva-penza@yandex.ru

Fedoseeva Lyudmila Yur'evna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of history and social sciences, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Гаврилова Татьяна Викторовна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gatatiana@yandex.ru

Gavrilova Tat'yana Viktorovna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of history and social sciences, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 980
Федосеева, Л. Ю.
Социальный, национальный, профессиональный и партийный состав художественной интеллигенции Пензенского края в 1920-е гг. / Л. Ю. Федосеева, Т. В. Гаврилова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 51–59. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-6

УДК 94(470.5)«1929/1937»
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-7

В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, Н. Н. Мельников, О. Б. Мозохин

РЕАЛИЗАЦИЯ ТАНКОВОЙ ПРОГРАММЫ СССР В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С ВРЕДИТЕЛЬСТВОМ В 1930-е гг.[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Долгие годы тема советской военной промышленности и история вредительства были недоступны для исследователей. Этому способствовали два фактора: идеологический диктат и закрытость архивных документов для свободного доступа. Поэтому история танкостроения в целом и роль вредительства в его развитии в частности остались практически не изучены историками. Радикально ситуация изменилась в 1990-е гг., когда оба эти фактора перестали существовать, а перед исследователями открылось широкое поле для деятельности. Цель работы – изучение истории создания и развития танкового производства в СССР в 1929–1937 гг. в условиях борьбы с вредительством.

Материалы и методы. В основу решения исследовательских задач положены ранее не публиковавшиеся документы Архива Президента РФ и материалы опубликованного сборника документов серии «Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937)». Проблемно-хронологический метод обеспечивает выявление истоков зарождения тех или иных тенденций и противоречий в процессе реализации программы танкового производства, которая раскрывается в исторической последовательности на общеисторическом фоне. Принципы объективности, диалектического понимания процесса исторического развития, признание причинно-следственной закономерности событий и явлений, важной роли субъективного фактора в истории и комплексного подхода к рассматриваемой теме дают возможность объективного изучения проблем становления военно-оборонного комплекса в целом и отечественного танкостроения в частности.

Результаты. В 1930-е гг. промышленность Советского Союза, опираясь прежде всего на иностранный опыт, начала активно развивать собственную танкостроительную программу. Однако у советского военного и гражданского руководства изначально возникли неверные представления о перспективах дальнейшего развития бронетехники, возможностях отечественного промышленного производства и потенциале инженерно-конструкторских кадров адекватно реализовать постоянно расширяющуюся танкостроительную программу. Довольно быстро заводы, получившие задание разработать новую модель танка, организовать или увеличить выпуск серийных или опытных машин и комплектующих к ним, оказались не способны выполнить установленный план.

Выводы. Советское руководство стремилось получить на вооружение тот объем бронетехники, который по объективным причинам не могла произвести отечественная промышленность. Вместо признания проблемы и принятия соответствующих решений власть начинает искать «вредителей», которые объявляются истинными виновниками срыва программы развития отечественной бронетехники в рамках перевооружения Красной армии.

Ключевые слова: танки, танковая промышленность, броня, танковые двигатели, вредительство.

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 16-01-00308а «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации».

V. V. Kondrashin, G. E. Kornilov, N. N. Mel'nikov, O. B. Mozokhin

THE REALIZATION OF THE USSR'S TANK PROGRAM IN THE CONTEXT OF THE STRUGGLE AGAINST SABOTAGE IN 1930s

Abstract.

Background. For many years theme of the Soviet military industry and history of sabotage were largely unavailable for researchers. This was facilitated by two factors: an ideological dictate, which prohibited study of these topics for ideological reasons, and closure of archives for researchers. Therefore, history of tank building as a whole, and the role of sabotage in its development in particular, remained practically not studied by historians. The situation changed in the 1990s, when both these factors eliminated, and researchers got a broad field for activity. The purpose of this work is history of development of tank production in 1929–1937 in the conditions of struggle against sabotage. The authors reveal main problems of development of national tank production.

Materials and methods. The authors solve the tasks on the base of previously unpublished documents of President Archive and the collection of documents "The development of defense industrial complex of the USSR (1927–1937)". Methodology of the study. The problem-chronological method provides identification of origins of various trends and contradictions in the process of implementing the program of tank production, which is revealed on a general historical background. The principle of objectivity, as well as dialectical understanding of the process of historical development, recognition of the cause-and-effect pattern of events and phenomena, important role of subjective factor in history make it possible to study problems of Soviet military-defense complex as a whole and domestic tank production in particular.

Results. In the 1930s industry of the Soviet Union, relying primarily on foreign experience, began actively to develop its own tank-building program. However, the Soviet military and civil leadership initially had misconceptions about prospects for further development of armored vehicles and about possibilities of domestic industrial production and potential of engineering and design personnel for implementation of an ever-expanding tank-building program. Very soon it is became clear that plants, which received task to develop a new model of tank, to organize or to increase production of serial tanks or prototypes as well as components for them, were unable to fulfill the plan.

Conclusions. The Soviet leadership wanted to get into armament the volume of armored vehicles that domestic industry could not produce. Instead of recognizing the problem and taking appropriate decisions, the Soviet authorities began to look for "saboteurs", which were declared the true culprits of disruption of development program for domestic armored vehicles in the framework of rearmament of Red Army.

Key words: tanks, tank industry, armor, tank engines, sabotage.

В 1990-е гг. архивы и ранее засекреченные документы стали доступны для широкого круга исследователей, что послужило началом публикации множества работ научно-популярного характера, посвященных созданию и применению советских танков и самоходных установок [1–6]. Эти работы богаты фактическим материалом, однако их авторы, как правило, пренебрегают ссылками на архивные документы. Это не позволяет считать их данные

полностью репрезентативными. Более того, обозначенные работы, как правило, избегают подробного освещения проблем организации производственного процесса. Для них это второстепенный, незначимый сюжет. Поэтому на сегодняшний день ощущается потребность в расширении публикаций научного характера, что во многом облегчается процессом издания сборников документов по различной тематике, в том числе и по истории военной промышленности [7, 8].

25 февраля 1930 г. Политбюро приняло постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности», где ущерб от мнимого вредительства был признан очень серьезным: «Вредительство не только подрывало базу снабжения Красной армии, но и наносило непосредственный ущерб совершенствованию военной техники, тормозило перевооружение РККА и ухудшало качество военных запасов. Необходимы героические усилия, для того чтобы наверстать упущенное». Своим постановлением Политбюро констатировало, что все меры, принятые для преодоления последствий деятельности «шпионской организации», оказались несостоятельными [7, с. 426–431]. Это означало в том числе, что к началу 1930-х гг. возможности отечественных конструкторов и промышленности не позволяли надеяться на скорейшую разработку и серийное производство современных образцов бронетехники. Выход был найден в закупке боевых машин за границей.

На заседании Политбюро от 20 января 1930 г. было решено направить в западные страны комиссию «в составе т. Осинского, Халепского и Будняка», которая должна была «произвести закупку за границей на сумму до 500 тыс. руб. отдельных экземпляров быстроходных тракторов, тягачей и моторов разных систем и ознакомиться с организацией их производства» [7, с. 418, 419]. В итоге за рубеж в 1929–1931 гг. было совершено несколько поездок, в том числе под руководством И. А. Халепского в Соединенные Штаты (где он уже неоднократно бывал по вопросам автомобиле- и тракторостроения), начальника инженерно-конструкторского бюро по танкам С. А. Гинзбурга в Великобританию и др. [6, с. 127, 135]. Результатом этих путешествий стал процесс разработки и принятия на вооружение новых моделей советских танков. В течение 1931–1933 гг. советская промышленность начала освоение серийного производства нескольких видов броневых машин, частично или полностью основанных на импортных образцах.

Самым массовым танком 1930-х гг. в СССР стал Т-26, полностью копировавший английский танк «Виккерс шеститонный» (или Vickers Mk. E), разработанный английской фирмой «Виккерс-Армстронг» в 1928–1929 гг. 28 мая 1930 г. между фирмой и советской стороной был подписан контракт на поставку в СССР 15 танков Mk. E. Танки закупались с полным комплектом технической документации и возможностью организации их серийного производства в Советском Союзе. 13 февраля 1931 г. Реввоенсовет СССР, заслушав доклад И. Халепского, постановил принять шеститонный танк «Виккерс» на вооружение Красной армии как «основной танк сопровождения общевойсковых частей и соединений, а также танковых частей Резерва Главного Командования» [2, с. 6, 7, 9].

Первоначально танк начал выпускать ленинградский завод «Большевик», который в течение 1931 г. должен был перейти с танка Т-18 на новую

программу [7, с. 545]. Впоследствии сборочное и моторное производство было организовано на заводе № 174 им. Ворошилова, созданном в 1932–1933 гг. на основе танкового производства завода «Большевик» [4, с. 73]. Машина Т-26 стала самым массовым советским танком и в разных модификациях выпускалась вплоть до 1941 г. Всего было выпущено более 11,2 тыс. танков [5, с. 108].

Кроме Т-26 закупочная комиссия приобрела у компании Виккерс два танка-амфибии, конструкция которых впоследствии легла в основу аналогичных советских моделей. В середине 1932 г. серийное производство отечественного плавающего танка под индексом Т-37 началось в Москве на заводе № 2 Всесоюзного автотракторного объединения (впоследствии завод № 37 им. Орджоникидзе) [6, с. 150–156]. Не позднее сентября 1933 г. производство плавающего танка начало разворачиваться на Горьковском автомобильном заводе (ГАЗ) [8, с. 294–322].

Танк БТ был полностью заимствован у американского конструктора Дж. Кристи [7, с. 503–507]. Примечательно, что вооруженные силы США отказались принимать на вооружение машину Кристи, посчитав, что этот танк не имеет перспективы. Но военному руководству СССР машина очень понравилась, и Харьковский паровозостроительный завод № 183 (ХПЗ) освоил выпуск быстроходного колесно-гусеничного танка серии БТ, который изготавливался вплоть до 1939 г. и стал вторым по массовости советским танком (после Т-26), выпущенным до начала Великой Отечественной войны, – более 8 тыс. машин [5, с. 111].

Всего в течение 1930-х гг. в серийном производстве было освоено несколько модификаций БТ: БТ-2, БТ-5, БТ-7, БТ-7А и БТ-7М. Все эти модели обладали схожими характеристиками и отличались в основном конструкцией башни и установленным вооружением. Исключение – БТ-7М, который в 1939 г. получил новый дизельный двигатель В-2. Машина конструктора У. Кристи обладала двумя особенностями, которые затем использовались на всех модификациях БТ. Во-первых, это индивидуальная пружинная подвеска. Двойные борта корпуса с наружными съемными листами защищали упругие элементы подвески от повреждений. С одной стороны, это гарантировало относительно высокую скорость и плавность хода, но с другой – резко сокращало внутреннее пространство танка. Во-вторых, тип движителя (способа передвижения) машины. За счет съемных гусениц танк мог перемещаться как на колесах, так и на гусеницах. Скорость движения на колесном ходу составляла 70 км/ч, на гусеничном ходу – 40 км/ч [4, с. 98].

Осенью 1932 г. в Ленинграде на заводе «Красный Путиловец» (с 1934 г. – Кировский завод) началось освоение серийного производства танка качественного усиления – Т-28. В течение первой половины года проводились испытания опытного образца пробегом. Новый серийный танк разрабатывался в опытно-конструкторском отделе ленинградского завода им. Ворошилова. В августе–сентябре были кардинальным образом переработаны чертежи прототипа. Но, не дожидаясь изготовления опытного образца, в конце октября 1932 г. танк приняли на вооружение. А 14 ноября создатели новой машины за успешное конструирование были удостоены ордена Ленина [1, с. 15]. Следовательно, новая машина была принята к серийному производству без детальной проработки опытного образца и даже до его изготовления.

Параллельно с созданием танка Т-28 активно проводились работы по тяжелой многобашенной машине, которые вылились в создание танка особого назначения Т-35. В основу модели были положены проект немецкого конструктора Э. Гротте – ТГ (конструктор разрабатывал этот танк специально для СССР), результаты испытаний на казанском полигоне немецкого прототипа «Гросстрактор» (этот был немецкий прототип для немецкой армии) и материалы комиссии И. А. Халепского. Танк начали проектировать на заводе «Большевик» в 1931 г. В целом проект был закончен уже опытно-конструкторским машиностроительным отделом вновь созданного завода № 174 в 1933 г. и передан для серийного производства на ХПЗ [3, с. 15–18].

С 1931 г. началось формирование комплекса машиностроительных и металлургических предприятий, включенных в танкостроительный процесс. Для обеспечения потребности в броне в 1931 г. началась подготовка бронепрокатных баз на Ижорском, Кулебакском, Мариупольском заводах и Подольском крекингзаводе. Масштабы работ были таковы, что уже к концу 1932 г. металлургические предприятия должны были выпускать 62,5 тыс. т брони для 40 тыс. танков всех типов. (Необходимо сразу же оговориться, что такой объем производства никогда не был достигнут. Тем более его невозможно было нарастить в начале 1930-х гг., когда индустриализация была в самом разгаре.) На этом этапе ставка была сделана на углеродистую цементированную броню. К концу 1931 г. обозначились серьезные трудности. Ижорский завод смог подготовить производство на 3,5–4 тыс. т готовых броневых изделий вместо 6 тыс. т по плану. Остальные заводы с поставленной задачей фактически не справились и продолжали работы по подготовке мощностей для броневого проката. Фактически провалили подготовку производства броневых корпусов для Т-26 и БТ Ижорский завод и таганрогский завод «Красный котельщик». Так и не было подготовлено решение по созданию моторной базы для танков БТ, что ставило под вопрос всю программы быстроходного танка. Поэтому Наркомат по военным и морским делам поставил перед правительством вопрос о закупке 500 моторов для танка БТ за границей.

Текущая подготовка мощностей по сборке танков тоже находилась в очень тяжелом положении. ХПЗ снизил для себя план по БТ с 25 до 6 танков в 1931 г. Но и их он не мог сделать, поскольку работы по инструментальному и термическому цеху были готовы только на 50 %, механическому цеху не хватало мостовых кранов и 140 станков. Кроме того, была провалена подготовка сборки танков, которая планировалась на Первом автомобильном заводе (АМО), Ярославском автомобильном заводе и Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) [7, с. 575–578]. Заранее обозначим, что на первых двух предприятиях танковое производство так и не появилось.

Следовательно, осуществление танкостроительной программы шло в очень тяжелых условиях. Производителям остро не хватало финансирования и обеспечения оборудованием и материалами. В июне 1932 г. К. Е. Ворошилов сообщал И. В. Сталину, что в части развития танкостроения дела идут «с большой “натугой”». Основными тормозами работы были броня и «целый ряд отдельных деталей механообработки». По его словам, «пока дела все еще неважны» [7, с. 682, 683].

Осенью 1932 г. были подведены первые итоги развития танковой промышленности. На 1 сентября ХПЗ смог изготовить только 76 танков БТ вме-

сто 900 по первоначальному плану и 482 по впоследствии заниженной программе. Качество всех выпускаемых машин при этом оставалось крайне низким, поэтому все они шли только в учебные части. Аналогичным образом ситуация развивалась на ленинградском заводе им. Ворошилова, который выпустил только 362 танка Т-26 вместо 1660 машин по первоначальной программе и 1200 – по сниженной. При этом 19 танков из них сданы как учебные (т.е. низкого качества) и 22 – без башен. Во многом танковое производство на заводе сдерживали поставщики комплектующих («Красный Путиловец», «Красный Октябрь» и завод № 7 ВОАО), которые тоже выполняли свою программу с колоссальными издержками.

Серьезный провал в освоении сборки танков к концу года невольно позволил нивелировать недостатки бронепроизводства. Еще на этапе начала 1932 г. выпуск броневого проката отставал даже от сборочного производства, но к середине года ситуация выправилась. Хотя только два из четырех металлургических заводов освоили выпуск брони, но и они продолжали работать значительно ниже установленных планов: на 1 сентября броневая программа была выполнена Ижорским заводом на 38 %, Мариупольским – на 25 %. В течение 1932 г. металлургические заводы освоили новый тип брони, поскольку прежний углеродистый цементированный вариант, во-первых, требовал дефицитных импортных ферросплавных присадок (никеля и молибдена), а во-вторых, оказался слишком сложным в производстве, «давая… почти 100-процентный брак». Ижорский завод перешел на хромо-кремнисто-марганцовистую сталь марки «ПИ», а Мариупольский – на двухслойную марганцовистую марку «МИ». Но проблема качества не была решена полностью. В середине 1933 г. брак по броневым частям танковых корпусов был на уровне 45–50 % [8, с. 137, 138].

Вместе с проблемой организации броневого и корпусного производства остро стоял вопрос обеспечения выпуска двигателей для танка БТ. Танк Т-26 был менее требователен к мощности мотора, поскольку его основная задача в бою – поддержка пехоты. Поэтому ему не нужно было развивать высоких скоростей. В течение 1931–1933 гг. на танк ставились двигатели в 90 лошадиных сил, которые в достаточном количестве выпускал ленинградский завод им. Ворошилова. Совершенно по-другому обстояли дела с быстроходным танком БТ, от которого требовалась высокая маневренность и быстрота передвижения. Эти показатели должны были обеспечиваться мощным 400-сильным мотором. В 1932 г. план выпуска БТ еще обеспечивался двигателями «Либерти», закупленными в США, и советскими моторами М-5 (тот же «Либерти», но произведенный в СССР по лицензии), переданными из авиации и требующими ремонта. Силами ленинградского завода «Красный Октябрь» и Авиаремтрестом было отремонтировано около 500 моторов М-5. Но для них отсутствовали запасные части (а сам двигатель оставался все же авиационным и для нужд танкостроения без переделок не подходил), поэтому ремонт осуществлялся за счет демонтажа требуемых узлов и деталей с других моторов. В перспективе танк должен был получить созданный специально для него дизель-мотор, но такой двигатель еще не был даже разработан[1].

[1] Танковый дизельный двигатель будет принят на вооружение только в 1939 г. под маркой В-2, когда уже встанет вопрос о снятии с производства танка БТ.

Уже в 1933 г. советское руководство планировало перевести все отечественные танки на дизельные двигатели [8, с. 146, 147]. Следовательно, для танков БТ все еще не была создана моторная база, как и отсутствовало понимание того, где и какие двигатели можно производить [7, с. 718, 719].

Но не только броня и двигатели вызывали опасения для успешного осуществления танкостроительной программы. Действующие два подшипниковых завода (ГПЗ № 1 и 2) могли обеспечить только 10–15 % потребности танкового производства. Остальной объем страна вынуждена была закупать заграницей. Точно также, в основном за счет импорта, решался вопрос поставок электрооборудования: стартеров, генераторов и электромоторов для вращения танковых башен, вентиляторов, стробоскопов и прочего оборудования [7, с. 719–721].

16 июля 1933 г. нарком по военным и морским делам СССР и председатель Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилов крайне оптимистично оценивал количество выпущенных танков: «По количеству боевых машин, фактически состоящих на вооружении, Красная армия стоит на первом месте: РККА к 1 мая имеет 5600 танков, из них вполне современных около 4800 танков, тогда как 6 главнейших капиталистических государств, вместе взятых, имеют не более 3–4 тыс. современных танков». Но необходимо оговориться, что в сумму советских танков, перечисленных К. Е. Ворошиловым, входили почти 2,5 тыс. танкеток Т-27 и, например, только 12 танков Т-28 и 2 танка Т-35 (их производство только начиналось).

Вместе с победными реляциями в первой части своего доклада, касающимися прежде всего количественной составляющей танкового парка РККА и достижений советской промышленности, далее К. Е. Ворошилов указывает на основные негативные черты развития отечественного танкостроения в частности и всей военной промышленности в целом. 620 танков БТ из 710 изготовленных не имели пушечного вооружения, поскольку требуемое количество пушек еще не было изготовлено. С 1932 г. так и не был решен вопрос создания собственной моторной базы для БТ. На эти танки продолжали устанавливать американские «Либерти». Также осталась проблема зависимости от импорта подшипников и электрооборудования. К этому нужно добавить недостаточную обеспеченность запасными частями (25–30 % от плана) при низком качестве и надежности отдельных узлов и агрегатов [8, с. 135–140].

Ровно в том же русле ситуация развивалась весь следующий год. К октябрю 1934 г. все сборочные заводы продолжали работать с резким отставанием от установленного плана. ГАЗ и СТЗ продолжали находиться в процессе освоения танкового производства, их различала только степень готовности этого направления. ГАЗ с 1932 г. практически ничего не сделал для освоения выпуска Т-37. Сталинградский завод все же вел подготовку производства Т-26, но и его состояние оценивалось как неудовлетворительное. Поэтому новые танкосборочные заводы, на появление которых так надеялось советское руководство, продолжали находиться в самом начале освоения своего производства.

По-настоящему тяжелое положение продолжало существовать в деле снабжения сборочных производств основными материалами и агрегатами. Подольский крекинг-завод и Мариупольский завод вновь должны были пе-

рейти на новую марку брони – на сталь марки «ИЗ» – для поставки на завод № 37 и ХПЗ соответственно. Потенциально новая броня должна была резко улучшить качество танковых корпусов. Но организация производства новой марки стали требовала переорганизации всего технологического процесса и резкого снижения выпуска основной продукции, поэтому заводы стремились всячески отодвинуть запуск этой новации. Но даже без этого оба корпусных предприятия, как и третье – Ижорский завод – резко отставали от графика производства.

Из года в год воспроизводилась ситуация с нехваткой двигателей для танка БТ. Моторы М-5 советская промышленность перестала производить. Имелся только их запас в количестве 500–600 штук, но и его не хватало для покрытия всей программы. Поэтому в течение 1934 г. для установки в быстроходный танк дорабатывали другой авиационный мотор – М-17. Но и он не мог спасти положение, поскольку рыбинский авиамоторный завод № 26 имел в 1934 г. задание только на 300 танковых вариантов М-17, из которых 220 предназначалось для Т-28. В дальнейшем нужно было рассчитывать на применение М-17 и для тяжелой машины Т-35 (около 100 в месяц).

Ко всему прочему необходимо было добавить проблемы с другими узлами и агрегатами. Ярославский резино-асбестовый комбинат должен был поставлять заводу № 37 и заводу им. Ворошилова катки, диски, ленты «Феррадо» и прочие комплектующие, содержащие резинотехнические элементы. Но Ярославский комбинат обещал запустить эту часть своего производства в лучшем случае в начале 1935 г. Следовательно, ленинградский и московский заводы вынуждены были обходиться своими силами в изготовлении этих деталей. Продолжала существовать проблема шарикоподшипников. Для Т-26 «не было освоено в производстве» (читай – не выпускалось отечественной промышленностью) 6 наименований подшипников из 29, а для БТ – 6 из 22 (включая номенклатуру мотора М-5). До октября 1934 г., больше чем через 3 года серийного производства, так и не были определены постоянные производители радиаторов для танков. В августе 1934 г. задание на 10 тыс. радиаторов для ХПЗ получил Кольчугинский завод. Но оказалось, что и этот вариант не рассматривался как окончательный. Похожая ситуация была на заводе им. Ворошилова [8, с. 308–322].

Следовательно, с конца 1920-х гг. ситуация принципиально не изменилась. Советское руководство прилагало значительные усилия для организации сборочного и отчасти броневого производства. Но вопрос обеспечения танкостроительных заводов двигателями, подшипниками, электрооборудованием и прочими комплектующими приходилось решать в значительной степени за счет импорта. Тогда же ожидалось скорейшее строительство заводов, обеспечивающих производство этих агрегатов. Но их запуск все время откладывался.

Советская танкостроительная база создавалась без привязки к уже существующим мощностям, обеспечивающим производство основных комплектующих. Заводы, которые должны были выпускать необходимые агрегаты и броневые детали, находились в стадии или строительства, или расширения производства, или (как это было с двигателем для танка БТ) отсутствовали даже в проекте. Все эти негативные моменты планировалось преодолеть в течение второй пятилетки. Однако военное руководство СССР предпочита-

ло упорно не замечать этих важнейших особенностей развития отечественного танкостроения и продолжало ставить перед ним новые задачи.

Конструкция Дж. Кристи оказалась самым привлекательным способом передвижения танков с точки зрения руководства автобронетанкового управления (АБТУ – создано в ноябре 1934 г.) РККА. Поэтому в течение 1930-х гг. советские конструкторы вынуждены были работать над применением такого движителя для всех серийных танков. Основным аргументом стало то, что «гусеничные тяжелые машины не могут выдержать продолжительных скоростных пробегов вследствие износа гусениц и разрыва [их] отдельных звеньев» [8, с. 424, 425]. Поэтому в течение второй пятилетки были разработаны колесно-гусеничные модели Т-46 и Т-29, которые должны были заменить серийные общевойсковые танки Т-26 и танки качественного усиления Т-28 соответственно.

Усилия множества конструкторских коллективов были направлены не на доработку серийного производства, а на разработку достаточно сомнительных начинаний. Колесно-гусеничный движитель оказался крайне сложным в изготовлении и ненадежным в эксплуатации. Непременное желание военных иметь универсальный колесно-гусеничный движитель не оставляло конструкторам и инженерам возможности эффективно работать над устранением недостатков серийного производства. Во многом поэтому объемы брака доходили до слишком больших размеров. Вновь организованное производство не имело опыта крупносерийных технологий, низка была культура и квалификация рабочих. Тем не менее брак и нарушения технологии приравнивались к сознательной диверсии, что зачастую вело к обвинениям во вредительстве.

В январе 1936 г. СТО своим постановлением принял на вооружение три новых танка: плавающий гусеничный Т-38 и колесно-гусеничные Т-46 и Т-29. В течение трех месяцев заводы-изготовители танков Т-37, Т-26 и Т-28 должны были подготовить прекращение их выпуска и полностью перейти на изготовление новых моделей. Кроме того, ХПЗ обязывался «в текущем году закончить строительство дизельного цеха и изготовить не менее 100 шт. танковых дизель-моторов» [8, с. 487]. Сразу же оговоримся, что плавающий танк Т-38 относительно успешно пошел в серию и изготавливался вплоть до появления новой серийной модификации.

В ноябре 1936 г. директор Кировского завода К. Отс в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину подробно описал негативные перспективы Т-29. АБТУ настаивало на немедленном прекращении производства Т-28 и начале выпуска его колесно-гусеничной версии. К. Отс считал, что в этой ситуации Кировскому заводу понадобится один–два года «цеховой работы» на доработку «недостаточно проверенной в конструктивном отношении» машины Т-29. В тоже время доработанная версия Т-28А дала резкое увеличение скорости сугубо гусеничного танка до 65 км/ч, тогда как Т-29 развивал максимум 42 км/ч на гусенице и 39 км/ч – на колесах. К тому же кировчанам удалось добиться резкого увеличения живучести гусеничных траков: «[теперь] мы можем гарантировать длительные скоростные пробеги… машины Т-28А без повреждения гусеницы». Поэтому директор Кировского завода вполне обоснованно считал, что «серийное производство Т-29 в таком конструктивном оформлении, как в настоящее время, совершенно нецелесообразно» и надеялся на сохранении выпуска Т-28 [8, с. 424, 425].

Двойной движитель оказался узлом слишком сложным для серийного производства. Советская промышленность, страдавшая от тотального дефицита оборудования, материалов и квалифицированных кадров, не могла полноценно справиться с поставленной задачей. За рубежом наследие Дж. Кристи тоже получило некоторое развитие. Колесно-гусеничный движитель американского изобретателя действительно оказался достаточно популярным среди военных в 1930-е гг., но реального развития в серийном производстве не нашел прежде всего из-за своей сложности и ненадежности. Во всем мире только Советский Союз всерьез реализовал идею американского конструктора. Кроме СССР, нигде его двойной движитель не получил распространения [5, с. 77–79, 99, 164, 182–185, 317].

Но ни мировая практика, ни аргументы советских производителей не оказались значимыми для военного руководства СССР. В мае 1937 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов докладывал председателю Комитета обороны В. М. Молотову о провале производства колесно-гусеничных танков: «…есть опасения, что заказ 1937 г. по этим машинам [Т-46 и Т-29] также будет сорван промышленностью, так как за 4 месяца этого года не выпущено ни одного танка […] промышленность не принимает решительных мер по организации производства танков Т-46 и Т-29, о чем неоднократно НКО предупреждал НКОП и НКТП, выпуск этих машин может быть сорван так же, как и в 1936 г.» [8, с. 654]. Стало очевидным, что принятая программа развития танков с колесно-гусеничным двигателем требует как минимум серьезной корректировки.

Параллельно с танкосборочными центрами в рамках второй пятилетки советской промышленности необходимо было работать над дальнейшим развитием основных смежных производств: бронекорпусного, моторного, производства комплектующих и запасных частей. В течение второй пятилетки значительно возросли планы по выпуску бронетехники, что в свою очередь потребовало роста объема изготавливаемых бронедеталей и агрегатов. По итогам завершения этого пятилетнего плана советское руководство рассчитывало в перспективе достигнуть выпуска 35 тыс. танков в год. Несколько скромнее, чем в 1931 г., но тоже очень много.

Такие грандиозные планы требовали радикального расширения существующей танкостроительной базы СССР. Поэтому дополнительно к уже существующим центрам изготовления брони в Мариуполе и Ижоре было принято создать к октябрю 1937 г. броневое производство на Таганрогском металлургическом заводе им. Андреева и сталинградском заводе «Красный Октябрь» по 12 и 32 тыс. т брони ежегодно. Этот объем должен был обеспечить бронекорпусное производство в Сталинграде на заводе «Красноармейская верфь» (12,5 тыс. корпусов ежегодно), которое должно было появиться к 1 июня 1938 г. [8, с. 635, 636]. Однако эти планы так и остались не реализованными. Бронекорпусное производство в Сталинграде появится только накануне Великой Отечественной войны. И далеко не в таком объеме. К этому нужно добавить продолжавшуюся историю с отсутствием собственной моторной базы для танкостроения [8, с. 145, 146].

Практически все проблемы организации танкового производства в 1930-х гг. списывались различного уровня руководителями и представителями наркоматов обороны и внутренних дел на вредителей в промышленно-

сти и управленческих структурах. Именно такие формулировки были использованы в документах. Новый виток поиска врагов народа в военной промышленности в целом и в танкостроении в частности произошел в 1936 г., когда в конце ноября нарком внутренних дел Н. И. Ежов доложил И. Сталину о раскрытии на заводе «Большевик» контрреволюционной фашистской и вредительской организации, которая «в своей практической подрывной работе поддерживала связи с к[онтр]-р.[еволюционними] группами на опытном танковом заводе им. Кирова […], танковом заводе им. Ворошилова […], орудийном заводе № 17 […] и Артиллерийском научно-исследовательском морском институте […]» [9, л. 8, 10–36].

«Опытный завод № 185 им. С. М. Кирова, являясь единственной в Союзе базой опытного танкостроения, находился в руках контрреволюционеров, троцкистов и вредителей – агентов иностранных разведок, свивших гнездо под покровительством директора завода Барыкова». Именно деятельностью этой организации следствие объясняло провал опытных работ по проектам колесно-гусенично-плавающей машины Т-43-1 и колесно-гусеничных танков Т-29 и Т-46-1, разработкой которых в разные периоды руководил М. Зигель, арестованный в конце 1936 г. [8, с. 678–680].

В это же время на ленинградском Кировском заводе была «вскрыта» контрреволюционная троцкистско-зиновьевская группа под руководством директора завода К. М. Отса, которая «проводила широкое вредительство в танковом производстве». Именно действиями этой организации следствие объясняло все недостатки серийного и опытного производства танков Т-28 и Т-29 [9, л. 84–91, 107]. Своеобразным апофеозом борьбы с вредительством в военной промышленности стал арест в 1937 г. и последующий расстрел наркома оборонной промышленности М. Л. Рухимовича. Параллельно были арестованы руководитель АБТУ И. А. Халепский (именно он стоял у истоков советского танкового проекта), начальник 8-го главка НКОП К. А. Нейман и многие другие. Все они обвинялись в том числе во вредительской деятельности, в результате чего тормозились и срывались серийные и опытные работы по танкам. По всем признакам должен был оказаться среди арестованных и конструктор С. А. Гинзбург, руководивший проектными работами на заводе № 185 [10, л. 71–86]. Но на этом этапе судьба оказалась к нему благосклонна.

В результате массовых чисток на танковых предприятиях и в руководстве Наркомата оборонной промышленности вся система танкостроения оказалась в тяжелом положении: «Руководство главка и танковых заводов находится в положении растерянности и неспособности ликвидировать в наикратчайший срок последствий вредительства» [8, с. 678]. Как и в конце 1920-х гг., после дела инженеров-вредителей советский военпром лишился целого ряда крупнейших специалистов. Чистки 1936–1937 гг. привели к тому, что танкостроение потеряло многих крупнейших руководителей (таких как И. А. Халепский, К. М. Отс) и инженеров-конструкторов (М. Зигель). Многие из них стояли у истоков отечественного танкостроения и активно участвовали в его развитии. Однако вечно оправдывать вредительством неудовлетворительную работу танкостроения было невозможно. И уже к концу 1930-х термины «вредители» и «вредительство» исчезают из делопроизводственной документации. Все эти люди впоследствии были посмертно реабилитированы.

Библиографический список

1. **Коломиец, М. В.** Средний танк Т-28. Трехглавый монстр Сталина / М. В. Коломиец. – М. : Яуза : Стратегия КМ : Эксмо, 2007. – 112 с.
2. **Коломиец, М. В.** Т-26. Тяжелая судьба легкого танка / М. В. Коломиец. – М. : Яуза : Стратегия КМ : Эксмо, 2007. – 128 с.
3. **Коломиец, М. В.** Тяжелый танк Т-35: Сухопутный дредноут Красной армии / М. В. Коломиец, М. Н. Свирин. – М. : Яуза : Стратегия КМ : Эксмо, 2007. – 112 с.
4. **Солянкин, А. Г.** Отечественные бронированные машины. XX век : в 4 т. Т. 1. Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. / А. Г. Солянкин, М. В. Павлов, И. В. Павлов, И. Г. Желтов. – М. : Экспринт, 2002. – 344 с.
5. Полная энциклопедия танков мира. 1915–2000 гг. / сост. Г. Л. Холявский. – Минск : Харвест, 2001. – 576 с.
6. **Свирин, М. Н.** Броня крепка. История советского танка. 1919–1937 / М. Н. Свирин. – М. : Яуза : Эксмо, 2005. – 384 с.
7. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 1 (1927–1932). Сборник документов / под ред. А. А. Кольтюкова ; отв. сост. Т. В. Сорокина. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 912 с.
8. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Ч. 2 (1933–1937). Сборник документов / под ред. А. А. Кольтюкова ; отв. сост. Т. В. Сорокина. – М. : ТЕРРА, 2011. – 944 с.
9. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 342.
10. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 332.

References

1. Kolomiets M. V. *Sredniy tank T-28. Trekhglavyy monstr Stalina* [T-28 medium tank. The three-headed Stalin's monster]. Moscow: Yauza: Strategiya KM: Eksmo, 2007, 112 p.
2. Kolomiets M. V. *T-26. Tyazhelaya sud'ba legkogo tanka* [T-26. The heavy fate of the light tank]. Moscow: Yauza: Strategiya KM: Eksmo, 2007, 128 p.
3. Kolomiets M. V., Svirin M. N. *Tyazhelyy tank T-35: Sukhoputnyy drednout Krasnoy armii* [T-35 heavy tank. The ground dreadnought of the Red Army]. Moscow: Yauza: Strategiya KM: Eksmo, 2007, 112 p.
4. Solyankin A. G., Pavlov M. V., Pavlov I. V., Zheltov I. G. *Otechestvennye bronirovannye mashiny. XX vek: v 4 t. T. 1. Otechestvennye bronirovannye mashiny. 1905–1941 gg.* [Russian armored machines. The XX century: in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow: Eksprint, 2002, 344 p.
5. *Polnaya entsiklopediya tankov mira. 1915–2000 gg.* [Complete encyclopedia of tanks of the world. 1915–2000]. Comp. by G. L. Kholyavskiy. Minsk: Kharvest, 2001, 576 p.
6. Svirin M. N. *Bronya krepka. Istoriya sovetskogo tanka. 1919–1937* [The armor is strong. The Soviet tank history. 1919–1937]. Moscow: Yauza: Eksmo, 2005, 384 p.
7. *Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937). T. 3. Ch. 1 (1927–1932). Sbornik dokumentov* [The making of the defence industry of the USSR (1927–1937). Vol. 3. Part 1 (1927–1932). Collected documents]. Ed. by A. A. Kol'tyukov. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub, 2008, 912 p.
8. *Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937). T. 3. Ch. 2 (1933–1937). Sbornik dokumentov* [The making of the defence industry of the USSR (1927–1937). Vol. 3. Part 1 (1927–1932). Collected documents]. Ed. by A. A. Kol'tyukov. Moscow: TERRA, 2011, 944 p.
9. *Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii (AP RF)* [Archive of the President of the Russian Federation (AP RF)]. F. 3. Op. 58. D. 342.
10. *AP RF*. F. 3. Op. 58. D. 332.

Кондрашин Виктор Викторович
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, краеведения и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vikont37@yandex.ru

Kondrashin Viktor Viktorovich
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of Russian history, regional ethnography and history teaching methods, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Корнилов Геннадий Егорович
доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16)

E-mail: genakorn@mail.ru

Kornilov Gennadiy Egorovich
Doctor of historical sciences, professor, head of the sector of economic history, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (16 Sofyi Kovalevskoy street, Ekaterinburg, Russia)

Мельников Никита Николаевич
кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16)

E-mail: meln2011kit@gmail

Mel'nikov Nikita Nikolaevich
Candidate of historical sciences, associate professor, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (16 Sofyi Kovalevskoy street, Ekaterinburg, Russia)

Мозохин Олег Борисович
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19)

E-mail: mozohin@bk.ru

Mozokhin Oleg Borisovich
Doctor of historical sciences, professor, principal researcher, Institute of Russian History of the RAS (19 D. Ulyanova street, Moscow, Russia)

УДК 94(470.5)«1929/1937»

Кондрашин, В. В.

Реализация танковой программы СССР в условиях борьбы с вредительством в 1930-е гг. / В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, Н. Н. Мельников, О. Б. Мозохин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 60–72. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-7

УДК 94"19/20(470.345)(045)
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-8

А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин, Д. В. Власенко

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Постсоветский период характеризуется ростом религиозного самосознания, усилением влияния конфессий (особенно Русской православной церкви) на общественно-политические и социально-экономические процессы в субъектах Российской Федерации. В связи с этим актуальным является изучение различных форм и методов взаимодействия в российских регионах между Русской православной церковью и властными структурами, способствующих в конечном итоге формированию российской идентичности. Цель работы – проанализировать особенности образовательной и просветительской деятельности Русской православной церкви на территории Мордовии в начале 1990-х – 2010-е гг.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения материалов периодической печати, интернет-источников и научных исследований. Основным методом исследования, который лег в основу данной статьи, стал сравнительно-исторический, который позволил проанализировать состояние образовательной и культурно-просветительской деятельности Русской православной церкви на территории Республики Мордовия.

Результаты. Рассмотрены основные этапы культурно-просветительской и образовательной работы православной церкви в Мордовии в контексте партнерства Русской православной церкви с региональными властями и влияния православного христианства на современную российскую идентичность. Это способствует сохранению этнополитической и конфессиональной стабильности Мордовии, ее достаточно эффективному социально-экономическому и политическому развитию, росту авторитета среди других субъектов Российской Федерации.

Выводы. В Мордовии Саранская и Мордовская епархия, преобразованная впоследствии в митрополию, создала достаточно развитую систему конфессионального образования, активно занимается культурно-просветительской деятельностью, сотрудничая с образовательными организациями республики. Все это, несомненно, оказывает позитивное влияние на духовную консолидацию регионального социума в условиях внешних вызовов.

Ключевые слова: Республика Мордовия, постсоветский период, Русская православная церковь, Саранская и Мордовская епархия, Мордовская митрополия, постсоветский период, духовное образование, культурно-просветительская деятельность.

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-31-14003/15 «Региональные аспекты формирования российской нации».

A. V. Martynenko, T. D. Nad'kin, D. V. Vlasenko

EDUCATIONAL AND CULTURAL ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE TERRITORY OF MORDOVIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

Abstract.

Background. The post-Soviet period is characterized by the growth of religious consciousness, the increasing influence of religion (particularly the Russian Orthodox Church) on the socio-political and socio-economic processes in the constituent entities of the Russian Federation. In this regard, relevant is the study of various forms and methods of interaction in the regions between the Orthodox Church and the authorities, contributing ultimately to the formation of the Russian identity. The aim of this work is to analyse the features of educational and outreach activities of the ROC in territory Mordovia Republic in the early 1990s–2010s.

Materials and methods. Implementation of research tasks was achieved through the study of periodicals, Internet sources and research. The main research method, which formed the basis of this article was a comparative-historical, which allowed to analyze the state of educational and cultural activities of the Russian Orthodox Church on the territory of Mordovia.

Results. The basic stages of cultural and educational work of the Orthodox Church in Mordovia in the context of the ROC partnership with the regional authorities and the influence of Orthodox Christianity on the modern Russian identity. This fact is instrumental in the preservation of ethno-political and confessional stability of Mordovia, its quite effective socio-economic and political development, the growth of authority among the other subjects of the Russian Federation.

Conclusions. In Mordovia Saransk and Mordovian diocese, transformed subsequently in the Archdiocese, has created quite a developed system of religious education, active in cultural and educational activities by cooperating with educational institutions of the Republic. All this, of course, has a positive impact on the spiritual consolidation of the regional society in terms of external calls.

Key words: the Republic of Mordovia, the post-Soviet period, the Russian Orthodox Church, Saransk and Mordovian diocese, Mordovia metropolis, the post-Soviet period, religious education, cultural and educational activities.

Начавшийся на рубеже 80-х – начала 90-х гг. XX в. процесс возрождения Русской православной церкви (РПЦ), восстановление деятельности приходов неизбежно вел к постановке вопроса не только о подготовке кадров священнослужителей, но и о развертывании культурно-просветительской работы среди народов, считавшихся приверженцами православного христианства. При этом в бывших автономных республиках Среднего Поволжья на фоне роста центробежных сил, роста этнического самосознания, призывов возрождения национальной культуры и религии решение последней задачи, по сравнению с исконно русскими областями и краями, имело определенные трудности.

Организационное оформление РПЦ на территории постсоветской Мордовии прошло длительный путь от создания самостоятельной Саранской и Мордовской епархии (СиМЕ) в январе 1991 г. до оформления Мордовской митрополии (ММ) в октябре 2011 г. С самого начала своего образования епархия начала активную образовательную и культурно-просветительскую деятельность в республике.

Почти 20 лет (с 1997 по 2017 г.) православное конфессиональной образование было представлено в Мордовии Саранским православным духовным училищем (СПДУ), ректором которого в 1997 г. был назначен протоиерей Александр Пелин, а с 2015 по май 2017 г. ректором являлся протоиерей Павел Горбунов. Основной целью училища являлось духовно-нравственное просвещение населения Республики Мордовия путем подготовки будущих священнослужителей, религиозно и нравственно образованных в духе и традициях Русской православной церкви. С 2015 г. училище/семинария имеет собственное периодическое издание – журнал «Духовная школа», периодичность выхода которого – один раз в квартал [1].

СПДУ неоднократно организовывало и проводило множество других просветительских и научных мероприятий, таких как семинары, конференции, круглые столы, концерты духовной музыки, выставки, культурно-оздоровительный отдых и досуг детей и др. На его базе при участии преподавательского и студенческого состава МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Мордовского республиканского института образования ежегодно проводятся Масловские педагогические чтения, посвященные различным аспектам православной культуры. СПДУ активно сотрудничает со Средне-Волжским институтом (филиалом) Всероссийского государственного университета юстиции, Мордовским гуманитарным институтом, Саранским колледжем электроники, экономики и права и другими образовательными организациями в области образования и развития традиционных ценностей православной культуры [2].

За почти 20 лет диплом об окончании духовного училища получили более 400 выпускников [2].

В 2016/2017 учебном году в СПДУ обучалось 39 учащихся на дневном пастырско-богословском отделении и 15 – на регентском отделении; 43 обучалось на заочном отделении. При этом из общего состава обучающихся 20 находились в священном сане. Выпускники училища несут свое служение в следующих епархиях: Саранской и Мордовской, Ардатовской и Атяшевской, Самарской и Сызранской, Мелекесской и Чердаклинской, Симбирской и Новоспасской, Краснослободской и Темниковской, Балашовской и Ртищевской, Барышской и Инзенской [1].

Преподавательский состав СПДУ, состоящий из священнослужителей и светских специалистов (как правило, приглашенных вузовских работников), ведет активную просветительскую, научную и методическую работу. Среди них ректор митрополит Саранский и Мордовский Зиновий, кандидат богословия, кандидат педагогических наук; кандидаты богословия протоиерей А. В. Зверев, протоиерей В. П. Антипов; доктора наук М. Ю. Грыжанкова, А. В. Мартыненко и Е. В. Мочалов, кандидаты наук Д. Е. Сысуев, М. А. Елдин, О. К. Синдянкина и др. [1]. В качестве примера монографического исследования можно привести издание богословско-катехизаторского характера игумена Силуана (Туманова) «О нашей вере. Беседы по основам Православия» [3]. Необходимо отметить, что преподаватели СПДУ стали авторами учебных изданий, среди них профессор М. Ю. Грыжанкова («Основы православной культуры», «История церкви: от древности до современности» [4, 5]), профессор А. В. Мартыненко («Основы исламской культуры», «История религий Востока и традиции ислама в мордовском крае» [6, 7]).

В мае 2017 г. на заседании Священного синода под председательством патриарха Кирилла было принято решение о переименовании училища в Саранскую духовную семинарию (СДС), ректором которой был назначен митрополит Саранский и Мордовский Зиновий [2].

Наряду с очевидными достижениями СПДУ/СДУ в подготовке священнослужителей и культурно-просветительской работы на территории Мордовии и прилегающих областей в организации учебной деятельности учебного заведения, на наш взгляд, остается еще ряд нерешенных проблем. Среди них недостаток преподавателей – кандидатов теологии и богословия, пока еще небольшое количество студентов для организации высшего конфессионального образования.

Помимо духовного училища/семинарии на территории Мордовии функционируют Православный культурно-просветительский центр имени адмирала Ф. Ф. Ушакова (год создания – 2000) [8, с. 41], а также Духовно-просветительский центр при Иоанно-Богословском соборе г. Саранска (год создания – 2003) [9, с. 5]. Кроме того, с 1992 г. по сей день функционируют Богословско-катехизаторские курсы для мирян при Епархиальном управлении, ежегодное количество слушателей которых составляет несколько десятков человек [10, с. 15–20].

В 1990-е – начале 2000-х гг. на территории республики была создана целая сеть воскресных православных школ для детей и подростков, численность которых в разные годы составляла от 85 до 119 [8, с. 42].

Саранской и Мордовской епархией были созданы православные библиотеки, организованные в основном при крупных приходских храмах. Наиболее посещаемыми из них являются библиотеки при епархиальном управлении, Свято-Феодоровском кафедральном соборе, духовном училище, духовно-просветительском центре Иоанно-Богословского собора, Никольском храме, Троицком подворье Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря. Общее количество библиотек – 35 с количественным фондом 80 тыс. экземпляров. Фонды библиотек постоянно пополняются книгами по истории, библеистике, литургике, патристике, философии и детскими изданиями, а также аудио- и видеодисками. Миссия данных епархиальных библиотек направлена на духовно-нравственное просвещение читателей через приобщение к богатейшему литературному наследию православной церкви [8, с. 44].

Показателем достижений православного образования на территории Приволжского федерального округа, его роли в духовном и патриотическом воспитании молодежи стало проведение на протяжении последних двух лет конкурса «Православный учитель», итоги которого, включая награждение лауреатов и победителей, подводились в столице Республики Мордовия – Саранске. В ноябре 2016 г. почетными гостями торжественного мероприятия стали заместитель полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе О. В. Мельниченко, глава Мордовии В. Д. Волков, глава Мордовской митрополии Зиновий, митрополит Саранский и Мордовский, а также руководители многих образовательных учреждений Мордовии и соседних регионов.

Выступая на церемонии награждения, глава Республики Мордовия, в частности, отметил: «На протяжении многих лет Мордовия заслуженно имеет репутацию региона, где совместные усилия органов власти, духовенст-

ва и широкой общественности нацелены на возрождение и укрепление духовно-нравственных ценностей и традиций», «Начиная с детских садов, широко используются авторские программы по духовно-нравственному воспитанию. У нас один из лучших в Приволжском федеральном округе показатель охвата детей в средней школе предметом “Основы православной культуры” – 75 процентов» [11].

В числе награжденных оказались два педагога из Мордовии – учитель русского языка и литературы МОУ «Торбеевская СОШ № 1» В. П. Глухова за проект урока на тему «Заповеди», учитель начальных классов МОУ «СОШ № 11» И. В. Игонина за проект урока на тему «Икона» [11].

Более того, в последние годы наблюдается тенденция к формированию сотрудничества РПЦ с высшими учебными заведениями Республики Мордовия, а также с учебными учреждениями среднего профессионального образования. Указанное сотрудничество проявляется, например, в проведении совместных с вузами научно-практических конференций, имеющих отношение к конфессиональной тематике.

Например, уже в мае 2000 г. в г. Саранске состоялась международная конференция «Церковная археология: новые идеи и современные методы», организаторами которой выступили Саранская и Мордовская епархия, МГУ им. Н. П. Огарева, а также Институт археологии РАН, Центральный музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева, Общественный совет по развитию православной культуры при главе Республики Мордовия и республиканские музеи [12, с. 136].

Одним из важнейших направлений культурно-просветительской и научной деятельности СИМЕ РПЦ стали проводившиеся совместно с правительством Республики Мордовия, вузами и научными организациями республики в 2000-е гг. мероприятия, связанные с канонизацией непобедимого адмирала Федора Федоровича Ушакова. Как известно, в 2001 г. он был причислен РПЦ к лику местночтимых святых Саранской и Мордовской епархии, а в 2004 г. – к лику общечтимых святых [13]. В феврале 2005 г. в Саранске состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Адмирал Ф. Ф. Ушаков: непобедимый, праведный, святой», приуроченная к 260-летию выдающегося русского флотоводца. В качестве соучредителей конференции выступили Министерство образования Республики Мордовия, Мордовский республиканский институт образования, Саранская епархия Русской православной церкви, а также Морское собрание Республики Мордовия им. Ф. Ф. Ушакова [14].

В феврале 2014 г. в Мордовии также прошли мероприятия, посвященные 270-летию со дня рождения святого праведного воина Федора Ушакова. Так, 24 февраля 2014 г. в Мемориальном музее военного и трудового подвига 1941–1945 гг. открылась выставка «Защитник Отечества. Ушаков Федор Федорович» и в этот же день в конференц-зале музея начала работу межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная знаменательной дате [15]. Еще более грандиозные мероприятия к 200-летию со дня кончины адмирала были запланированы на 2017 г. [16].

Ряд конференций был связан с обсуждением вопросов, касающихся роли православия в культуре народов России, развития налаживания системы патриотического воспитания, развития социального партнерства государства

и традиционных конфессий, состояния и перспектив развития этих отношений в контексте укрепления основ российского общества. Среди них межрегиональная научно-практическая конференция «Православие – духовное родство народов, уникальная цивилизация, самобытный путь в будущее», посвященная 1025-летию Крещения Руси (г. Саранск, сентябрь 2013 г.) [17]; межрегиональная научно-практическая конференция «Преподобный Сергий Радонежский и укрепление духовного единства российского народа» (г. Саранск, май 2014 г.) [18].

Представители СИМЕ РПЦ принимали самое активное участие в проводившемся на базе МГПИ им. М. Е. Евсевьева в 2010–2016 гг. Всероссийском молодежном слете «Молодежь против терроризма, экстремизма и ксенофобии», во Всероссийском конкурсе научно-исследовательских работ студентов, курсантов, слушателей духовных семинарий и медресе, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование против идеологии экстремизма, национализма, религиозного радикализма». Так, игумен Вениамин, наместник Свято-Троицкого Чуфаровского монастыря, в своем выступлении во время слета 2011 г. обратил внимание участников на духовные аспекты проблемы экстремизма и важность воспитания детей в духе традиционных религий [19, с. 127].

Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемый период Саранская и Мордовская епархия, преобразованная впоследствии в Мордовскую митрополию, создала достаточно развитую систему конфессионального образования, активно занимается культурно-просветительской деятельностью, сотрудничая с образовательными организациями республики. Все это, несомненно, оказывает позитивное влияние на духовную консолидацию регионального социума в условиях внешних вызовов, а также вносит свою лепту в формирование общероссийской гражданской идентичности, которая, как известно, исторически связана с православным христианством.

Библиографический список

1. Отчет о деятельности православной религиозной организации – учреждения среднего профессионального религиозного образования «Саранское православное духовное училище» Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви. – URL: http://seminariya.sarep.ru/dokumenty.html
2. Саранская духовная семинария. – URL: http://seminariya.sarep.ru/istoriya_o_hrame.html
3. **Силуан (Туманов), игумен.** О нашей вере. Беседы по основам Православия / игумен Силуан (Туманов). – Саранск, 2006. – 444 с.
4. **Белкин, А. И.** Основы православной культуры : учеб. для 7-х классов средних общеобразовательных заведений / А. И. Белкин, М. Ю. Грыжанкова. – Саранск : Изд. центр Историко-социологического ин-та Мордовского ун-та, 2005. – 200 с.
5. **Белкин, А. И.** История церкви: от древности до современности : учеб. пособие / А. И. Белкин, М. Ю. Грыжанкова. – Саранск, 2013. – 296 с.
6. **Мартыненко, А. В.** Основы исламской культуры : учеб. для 8-х классов средних общеобразовательных учреждений / А. В. Мартыненко. – Саранск : Изд. центр Историко-социологического ин-та Мордовского гос. ун-та, 2006. – 116 с.
7. **Мартыненко, А. В.** История религий Востока и традиции ислама в мордовском крае : учеб. пособие / А. В. Мартыненко. – Саранск : Изд. центр Историко-социологического ин-та Мордовского гос. ун-та, 2014. – 208 с.

8. **Власенко, Д. В.** Конфессиональная ситуация в Мордовии в 1990-е – первой половине 2010-х гг. : дис. … канд. ист. наук / Власенко Д. В. – Саранск, 2016. – 206 с.
9. **Хохлов, В. А.** Духовно-православный центр / В. А. Хохлов // Саранские епархиальные ведомости. – 2003. – № 2. – С. 5–7.
10. **Мартыненко, А. В.** Православные миссионерские курсы в контексте социальной роли Русской православной церкви / А. В. Мартыненко, В. А. Хохлов // Саранские епархиальные ведомости. – 2004. – № V. – С. 15–20.
11. «Это лучшие люди России». – URL: http://www.sarep.ru/иннокентий-ермолаичев2.html
12. Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия» / сост. С. Б. Бахмустов. – Саранск, 2004. – 368 с.
13. Святой праведный воин Федор Ушаков. – URL: http://simblago.com/svyatie_i_svyatini/353-15-oktyabrya-pravoslavnaya-cerkov-sovershaet-pamyat-svyatogo-pravednogo-voina-feodora-ushakova-russkogo-flotovodca-i-admirala-so-dnya-konchiny-kotorogo-v-2012-godu-ispolnyaetsya-195-let.html
14. К 25-летию Саранской и Мордовской епархии: история становления. – URL: http://www.vestnik-rm.ru/articles-k-25-letiyu-saranskoy-i-mordovskoy-eparhii-istoriya-stanovleniya.htm
15. Мордовия отметит юбилей адмирала Ушакова. – URL: http://www.mordovmedia.ru/news/culture/item/32986/
16. О проведении мероприятий, посвященных 200-летию со дня кончины русского флотоводца, Святого праведного воина Феодора Ушакова. – URL: http://docs.cntd.ru/document/444913106
17. «Разделение языков», или Как священнослужители и ученые учились слушать друг друга на конференции, посвященной 1025-летию Крещения Руси. – URL: http://www.sarep.ru/ольга-зеткина-юлия-долгова.html
18. Свято-Троицкая Сергиева лавра. – URL: http://www.stsl.ru
19. **Ефремов, Е. Н.** Русская православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период : монография / Е. Н. Ефремов. – Саранск, 2014. – 184 с.

References

1. *Otchet o deyatel'nosti pravoslavnoy religioznoy organizatsii – uchrezhdeniya srednego professional'nogo religioznogo obrazovaniya «Saranskoe pravoslavnoe dukhovnoe uchilishche» Saranskoy i Mordovskoy eparkhii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Report on the activities of the Orthodox religious organization – the institution of secondary professional religious education “Saransk Orthodox School” of the Saransk and Mordovia diocese of the Russian Orthodox Church]. Available at: http://seminariya.sarep.ru/dokumenty.html
2. *Saranskaya dukhovnaya seminariya* [Saransk theological seminary]. Available at: http://seminariya.sarep.ru/istoriya_o_hrame.html
3. Siluan (Tumanov) igumen. *O nashey vere. Besedy po osnovam Pravoslaviya* [On our fate. Conversations on the foundations of Orthodoxy]. Saransk, 2006, 444 p.
4. Belkin A. I., Gryzhankova M. Yu. *Osnovy pravoslavnoy kul'tury: ucheb. dlya 7-kh klassov srednikh obshcheobrazovatel'nykh zavedeniy* [Foundations of the orthodox culture: textbook for the 7th grade of secondary schools]. Saransk: Izd. tsentr Istoriko-sotsiologicheskogo in-ta Mordovskogo un-ta, 2005, 200 p.
5. Belkin A. I., Gryzhankova M. Yu. *Istoriya tserkvi: ot drevnosti do sovremennosti: ucheb. posobie* [The history of church: from ancient to modern times: teaching aid]. Saransk, 2013, 296 s.
6. Martynenko A. V. *Osnovy islamskoy kul'tury: ucheb. dlya 8-kh klassov srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Foundations of the islam culture: textbook for the

8th grade of secondary schools]. Saransk: Izd. tsentr Istoriko-sotsiologicheskogo in-ta Mordovskogo gos. un-ta, 2006, 116 p.
7. Martynenko A. V. *Istoriya religiy Vostoka i traditsii islama v mordovskom krae: ucheb. posobie* [The history of religions of the East and Islamic traditions in Mordovia: teaching aid]. Saransk: Izd. tsentr Istoriko-sotsiologicheskogo in-ta Mordovskogo gos. un-ta, 2014, 208 p.
8. Vlasenko D. V. *Konfessional'naya situatsiya v Mordovii v 1990-e – pervoy polovine 2010-kh gg.: dis. kand. ist. nauk* [The confessional situation in Mordovia in 1990s – the first half of 2010s: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Saransk, 2016, 206 p.
9. Khokhlov V. A. *Saranskie eparkhial'nye vedomosti* [Saransk diocesan bulletin]. 2003, no. 2, pp. 5–7.
10. Martynenko A. V., Khokhlov V. A. *Saranskie eparkhial'nye vedomosti* [Saransk diocesan bulletin]. 2004, no. V, pp. 15–20.
11. «*Eto luchshie lyudi Rossii*» ["These are the best people of Russia"]. Available at: http://www.sarep.ru/innokentiy-ermolaichev2.html
12. *Materialy k entsiklopedii «Pravoslavnaya Mordoviya»* [Materials for "Orthodox Mordovia" encyclopedia]. Comp. by S. B. Bakhmustov. Saransk, 2004, 368 p.
13. *Svyatoy pravednyy voin Fedor Ushakov* [Holy righteous warrior Fedor Ushakov]. Available at: http://simblago.com/svyatie_i_svyatini/353-15-oktyabrya-pravoslavnaya-cerkov-sovershaet-pamyat-svyatogo-pravednogo-voina-feodora-ushakova-russkogo-flotovodca-i-admirala-so-dnya-konchiny-kotorogo-v-2012-godu-ispolnyaetsya-195-let.html
14. *K 25-letiyu Saranskoy i Mordovskoy eparkhii: istoriya stanovleniya* [On the 25th anniversary of the Saransk and Mordovia diocese: the history of establishment]. Available at: http://www.vestnik-rm.ru/articles-k-25-letiyu-saranskoy-i-mordovskoy-eparhii-istoriya-stanovleniya.htm
15. *Mordoviya otmetit yubiley admirala Ushakova* [Mordovia to celebrate a jubilee of admiral Ushakov]. Available at: http://www.mordovmedia.ru/news/culture/item/32986/
16. *O provedenii meropriyatiy, posvyashchennykh 200-letiyu so dnya konchiny russkogo flotovodtsa, Svyatogo pravednogo voina Feodora Ushakova* [On holding of events devoted to 200 years from decease of naval commander, Holy righteous warrior Fedor Ushakov]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/444913106
17. *«Razdelenie yazykov», ili Kak svyashchennosluzhiteli i uchenye uchilis' slushat' drug druga na konferentsii, posvyashchennoy 1025-letiyu Kreshcheniya Rusi* ["Division of languages", or how clergymen and scientists learned to "listen" to each other at the conference devoted to the 1025th anniversary of the Christening of Rus]. Available at: http://www.sarep.ru/ol'ga-zetkina-yuliya-dolgova.html
18. *Svyato-Troitskaya Sergieva lavra* [The Holy Trinity Lavra of St. Sergius]. Available at: http://www.stsl.ru
19. Efremov E. N. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i rossiyskaya umma: osnovnye napravleniya sotsial'nogo partnerstva i mezhkonfessional'nogo dialoga v postsovetskiy period: monografiya* [The Russian Orthodox Church and Russian Ummah: the main directions of social partnership and inter-confessional dialogue in the post-Soviet period: monograph]. Saransk, 2014, 184 p.

Мартыненко Александр Валентинович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей истории, Мордовский государственный педагогический институт (Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а)

E-mail: general_history@mordgpi.ru

Martynenko Aleksandr Valentinovich
Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of general history,
Mordovia State Pedagogical Institute
(11a Studencheskaya street, Saransk, Russia)

Надькин Тимофей Дмитриевич
доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и этнологии, Мордовский государственный педагогический институт (Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а)

E-mail: rus_history@mordgpi.ru

Nad'kin Timofey Dmitrievich
Doctor of historical sciences, professor, sub-department of Russian history and ethnology, Mordovia State Pedagogical Institute (11a Studencheskaya street, Saransk, Russia)

Власенко Дмитрий Викторович
кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории и этнологии, Мордовский государственный педагогический институт (Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а)

E-mail: rus_history@mordgpi.ru

Vlasenko Dmitriy Viktorovich
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of Russian history and ethnology, Mordovia State Pedagogical Institute (11a Studencheskaya street, Saransk, Russia)

УДК 94"19/20(470.345)(045)

Мартыненко, А. В.

Образовательная и культурно-просветительская деятельность Русской православной церкви на территории Мордовии в постсоветский период / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин, Д. В. Власенко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 73–81. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-8

УДК 070.15
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-9

Т. В. Ситникова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ИЗДАНИЯХ ОБЩЕГО ТИПА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (НА ПРИМЕРЕ ЦАРИЦЫНСКОГО НАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ИЗДАНИЯ «ПОВОЛЖСКАЯ ДУМА»)

Аннотация.

Актуальность и цели. Достаточно большое количество дореволюционных провинциальных печатных изданий России до настоящего времени находилось вне поля зрения исследователей. Целью публикации является анализ еженедельного народного литературно-общественного журнала «Поволжская дума» (1910–1911, Царицын Саратовского уезда) и литературного компонента издания в жанровом и тематическом многообразии. Следует отметить, что этот печатный орган практически не изучен и не включен в исторический оборот, разве что упоминается в справочниках, посвященных дореволюционной периодической печати Российской империи и краеведческой литературе.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Волгоградской области, фондов Волгоградского областного краеведческого музея, фондов зала редких и ценных изданий Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького. Особое место занимают массивы опубликованных воспоминаний современников о революционном движении в Поволжье на рубеже XIX–XX вв. Поставленные задачи решались с использованием таких методов исследования, как контекстуальный анализ издания, структурно-функциональный анализ содержания публикаций текстов.

Результаты. Исследован литературный компонент еженедельного народного литературно-общественного журнала «Поволжская дума» (1910–1911, Царицын Саратовского уезда) в его жанровом и тематическом многообразии. Восстановлены факты из жизни некоторых журналистов и рассмотрены причины прекращения издания.

Выводы. Анализ издания показал, что журнал «Поволжская дума» был достаточно интересен в жанровом и тематическом многообразии. По замыслу издателей он должен был стать печатным органом, публикующим статьи на общественные и политические темы. Данное исследование позволяет уточнить роль и место журнала «Поволжская дума» в истории региональной печати волгоградского региона, определить новые направления в дальнейшем изучении научной проблемы.

Ключевые слова: региональная пресса, литературная журналистика, журнал, жанры.

T. V. Sitnikova

A LITERARY COMPONENT IN PUBLICATIONS OF GENERAL TYPE AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF TSARITSYN PEOPLE'S LITERARY PUBLIC PERIODICLE "POVOLZHSKAYA DUMA")

Abstract.

Background. Quite a large number of pre-revolutionary provincial Newspapers in Russia had hitherto been out of sight of researchers. The aim of the publication is the analysis of the weekly people's literary and social journal "the Volga Duma" (1910–1911, Tsaritsyn, Saratov district) and the literary component of the publication in the genre and thematic diversity. It should be noted that this organ is practically not investigated and not included in the historical turnover, except that mentioned in the Handbook on pre-revolutionary periodical press of the Russian Empire, and local history literature.

Materials and methods. Implementation of research tasks was achieved through the use of documents retrieved from the funds of Russian state historical archive, the State archive of Volgograd region, funds of the Volgograd regional Museum of local lore, the foundations of the hall of rare and valuable editions of the Volgograd regional universal scientific library. Gorky. A special place is occupied arrays the published memoirs of contemporaries about the revolutionary movement in the Volga region in XIX–XX centuries. The set task was solved with the use of such research methods as contextual analysis edition, structural-functional analysis of the content of publications of texts.

Results. Investigated the literary component of the weekly people's literary and social journal "the Volga Duma" (1910–1911, Tsaritsyn, Saratov uyezd) in its genre and thematic diversity of the Restored facts of life of some journalists and the reasons for the termination and publication.

Conclusions. Analysis of the publications showed that the magazine "Volga Duma" was interesting enough in the genre and thematic diversity. The intention of the publishers he was supposed to be printed on publishing articles on social and political issues. This study allows to clarify the role and place of journal "Volga Duma" in the history of the regional press, the Volgograd region, to identify new directions in the further study of scientific problems.

Key words: regional press, literary journalism, magazine, genres.

Введение

Достаточно большое количество дореволюционных провинциальных печатных изданий России до настоящего времени находилось вне поля зрения исследователей. До недавнего времени в волгоградском краеведении царицынская дореволюционная пресса как самостоятельный социокультурный феномен не рассматривалась. Публикации городских периодических изданий привлекались исследователями в основном в виде фактологического материала по изучению истории развития Волгоградской области и ее культуры в частности. Работ, посвященных анализу газет и журналов Царицына, очень немного, ими занимались такие исследователи, как Г. М. Головкин [1], А. В. Луночкин [2, 3, 4], С. Л. Мухина [5], А. Г. Байкин [6], Д. И. Тушканов [7], Т. В. Ситникова [8]. Между тем на рубеже XIX–XX вв. журнальная периодика Царицына была широко представлена изданиями разного типа. Однако часть дореволюционных царицынских изданий, особенно политически-ори-

ентированных, осталась вне поля зрения исследователей по ряду объективных причин: низкой сохранности фондов архивов (большая часть фондов государственного архива Волгоградской области погибла в годы Сталинградской битвы), политической ориентации издания, отсутствия исследовательского интереса или научных центров по изучению истории печати в регионе.

В этой связи актуально изучение волгоградской региональной журналистики, поскольку это позволяет воссоздать более полную и объективную панораму не только социокультурной среды конкретного региона, но и общероссийского информационно-культурного пространства в целом.

Целью публикации является анализ еженедельного народного литературно-общественного журнала «Поволжская дума» (1910–1911, Царицын Саратовского уезда) и литературного компонента издания в жанровом и тематическом многообразии. Следует отметить, что этот печатный орган практически не изучен и не включен в исторический оборот, разве что упоминается в справочниках, посвященных дореволюционной периодической печати Российской империи и краеведческой литературе.

Материалы и методы

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Волгоградской области, фондов Волгоградского областного краеведческого музея, фондов зала редких и ценных изданий Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького. Особое место занимают массивы опубликованных воспоминаний современников о революционном движении в Поволжье на рубеже XIX–XX вв. Поставленные задачи решались с использованием таких методов исследования, как контекстуальный анализ издания, структурно-функциональный анализ содержания публикаций текстов.

Основная часть

На рубеже XIX–XX вв. город Царицын (Саратовского уезда) представлял собой крупный промышленный центр с развитой социально-экономической инфраструктурой.

В начале 1900-х гг. в России назревала революционная ситуация, не остался в стороне от этого и уездный Царицын. Под влиянием выступлений рабочих в столицах и в соседних городах – Саратове, Астрахани, Ростове – в уезд все активнее проникали революционные идеи и настроения.

В 1900-х гг. в Царицыне появились первые социал-демократические кружки, которые позднее объединились в «Лигу» (1903) социал-демократов [9]. Она оказывала помощь политическим ссыльным и занималась распространением нелегальной литературы. В феврале 1905 г. образовалась Царицынская группа Российской социал-демократической рабочей партии, которая достаточно долго не имела своего собственного печатного органа. И в первую очередь это объясняется как социально-экономическим положением региона, так и своеобразием политической обстановки на местах. И только в 1910 г. в Царицыне сложились достаточно благоприятные условия для развития большевистской печати:

1) классовый состав городского населения (крупнейшие в Поволжье заводы: металлургический (свыше 3 тыс. рабочих) и орудийный (свыше 2 тыс.);

2) революционно настроенный военный гарнизон (226 Бобруйский запасной пехотный полк);

3) разветвленная ячейка местного отделения РСДРП;

4) активное сотрудничество с революционными центрами в Саратове, Астрахани, Самаре, Казани;

5) опыт издания большевистских органов (традиции печатной пропаганды).

Как и в других центрах России, издание первых большевистских газет в Нижнем Поволжье было сопряжено с огромными трудностями. В 1910 г. активизируется работа большевистских кружков в Царицыне, на нелегальном городском собрании принято решение усилить работу в массах, «используя для этого печать» [10]. Комитет Царицынской организации РСДРП активно обсуждает вопросы организации легальных кружков (музыкального, драматического) для маскировки партийной работы, решен вопрос о выпуске легального партийного журнала.

Первый номер легального печатного органа царицынских социал-демократов еженедельный *народный литературно-общественный журнал* «Поволжская дума» (издатель – редактор Василий Варламович Шатов) вышел в мае 1910 г., с 28 апреля 1911 г. редактор – Алексей Афанасьевич Калинин.

Редакция презентовала его как печатный орган, который должен служить живым отражением текущей жизни, будить мысль, совесть и лучшие стороны человеческой души, звать людей к светлым идеалам человечества и чутко откликаться на нужды и запросы трудящихся. «Поволжская дума» планировалась выходить еженедельно и имела номер в 16 страниц. Редакция и контора издания находились сначала на улице Пушкинской дом 20, затем с № 6 – на Астраханской улице дом Лапшиной, с № 8 – на улице Надеждинской дом 17, с № 10 – на улице Курской дом 4, именно там принимались обращения и рукописи граждан с 16 до 20 часов. Тираж издания доходил до 1000 экземпляров. Цена одного номера была 5 коп. Подписная цена на год с доставкой и пересылкой – 2 руб. 50 коп., на полгода – 1 руб. 25 коп., 3 месяца – 75 коп., 1 месяц – 25 коп. Журнал можно было купить в розницу в Обществе потребителей, в киоске около сквера у Ефремова, на Французском заводе в парикмахерской Г. Ф. Арефкина. В 1911 г. редакция планировала выпускать литературный сборник «Искры», в который должны были войти стихи, беллетристика и научно-популярные статьи.

Первый номер легального печатного органа царицынских социал-демократов еженедельный народный литературно-общественный журнал «Поволжская дума» был конфискован полицией, а на № 5 (июнь 1910 г.) издание было приостановлено. Однако позднее редакция получила разрешение на возобновление печати, с этой целью (по предложению В. В. Шатова) принято решение о создании паевого товарищества «Возрождение» (позднее заменено на более цензурное «Заря») для возобновления издания «Поволжской думы». Товарищество «Заря» с капиталом в 480 руб. было зарегистрировано 10 сентября 1910 г. [11]. В него вошли В. В. Шатов, А. А. Губин, Н. В. Ремизов, Г. В. Шишлянников, А. П. Чугунов-Печенников, Е. И. Гребнев, С. А. Мармелаев, П. И. Филимонов, В. Г. Ягодин.

Редколлегию журнала составили В. В. Шатов, А. А. Губин, Н. В. Ремизов, Г. В. Шишлянников, В. Кочетовский. В декабре 1910 г. в нее был введен

присланный из-за границы большевик В. Грибков. В состав редколлегии был внедрен штатный агент Саратовского жандармского управления Н. В. Ремизов (кличка Тит), позднее были завербованы Г. В. Шишлянников (расстрелян в 1918 г. как провокатор) и С. А. Мармелаев. Журналисты издания постоянно находились под наблюдением, однако журнал не закрывался властью, так как служил источником информации о местной ячейке РСДРП(б) [12].

Программой журнала предусматривалось помещение статей на общественные и политические темы и «освобождение личности от рабства, широкое самоуправление и прогрессивное направление внутренней политики» [13]. В нем помещались материалы общепросветительского содержания, хроника рабочего движения за рубежом и в России, а также обличительные статьи, раскрывающие злоупотребления местных властей и тяжелое положение царицынских трудящихся. Большое место занимала полемика с известным не только в Царицыне, но и в России в целом монахом Илиодором. С журналом сотрудничал известный публицист, поэт, журналист Иона Брихничев. В Царицыне на рубеже XIX–XX вв. он активно печатался в газетах «Царицынская жизнь», «Царицынская мысль», «Город и деревня», еженедельнике «Слушай, земля» [14].

В фондах Волгоградского государственного архива Волгоградской области нам удалось частично восстановить биографию этого человека (исследовательский поиск продолжается). Издатель – редактор Василий Варламович Шатов – крестьянин Саратовской губернии Балашовского уезда, села Журавки, член РСДРП, 11 марта 1911 г. был заключен в Царицынскую уездную тюрьму [15]. После закрытия журнала «Поволжская дума» был редактором еще ряда царицынских изданий: газет «Царицынское слово» (1912–1914) и «Царицынская трудовая жизнь» (1914). Именно ему принадлежит основная часть публикаций в «Поволжской думе» за 1910 г. В основном его стихи «Из песен рабочих» («Поволжская дума», № 3) носили иронично-агитационный характер, обличавший покорность трудящихся перед своими хозяевами и интеллигенцию за ее глухоту к народным страданиям:

Трудись, работай!
Все – господину, все – капиталу.
Он – властелин.

Несмотря на то что уже в 1911 г. журнал позиционирует себя только как еженедельный *народный*, в нем активно представлены литературно-художественные произведения и художественно-публицистические статьи. Литературный компонент нашел свое отражение в структуре издания, где рубрики, так или иначе связанные с репрезентацией литературно-художественного творчества разных жанров, были представлены достаточно основательно.

В «Поволжской думе» активно представлено стихотворное творчество царицынских социал-демократов, как авторское, так и анонимное. В № 7 (20) от 13.02.1911 опубликовано целых шесть стихотворений: «В плену железа и огня» (без авторства), «В сельской школе» (из записок учителя) (автор – М. Ольшанский), «Жалобы» (автор – С. Юншевский), «Не стремись, друг…» (автор – М. Еременко), «Рожок» (автор – Вася – Пастушок), «Рукавицы» (автор – Не – Крылов). Эти публикации были чрезвычайно важны как для

самих поэтов, для которых журнал стал трибуной для общения с читателями, так и для жителей города. Можно сказать, литературная жизнь города существовала во многом благодаря деятельности городских печатных изданий.

С большой долей вероятности можно предположить, что стихотворение «В плену железа и огня» может принадлежать редактору – издателю В. В. Шатову (поиск в данном направлении ведется):

С пилой с зубилом у горна
Отважно я стоял
И счастье жизни молотком
Старательно ковал…
Ковал и думал: «тяжко мне,
Но станет легче нам!»
И о грядущем светлом дне
Я грезил по ночам…
О, как мне верилось тогда,
В зарю желанных дней…
И гимн свободного труда
Звучал в душе моей
Я не видал цепей и стен;
Отчаянья не знал…
И средь камней железных плен
За подвиг я считал.
Мне мнилось: молотом стальным
В чаду паров, огня
Кую я будущность другим –
Кую я счастья дня.
Так грезил я и счастлив был,
Питая грудь мечтой…
И светло-радостен и мил
Мне путь казался мой…
Да, грезил я, а годы шли,
Но я вперед взирал –
Для братьев пасынков земли
Я силы отдавал.
Теперь нет сил. Друзья ко мне –
Я долг исполнил свой:
Как я, – горите на огне
Для родины святой.

Это произведение – классический образец лирического стихотворения рубежа XIX–XX вв. Оно проникнуто пессимистическими настроениями и желанием лирического героя прекратить борьбу, ожиданием покоя и «светлого завтра», которое обязательно должно быть. Этими же эмоциями наполнено стихотворение «Жалобы» С. Юншевского:

В дни чуткой юности, в дни
Светлых вдохновений,
Когда еще душа надеждами полна,
Влачим мы тяжкий крест безрадостных сомнений,

И жизнь грядущая нам тяжка и страшна.
В ней нет мятежного победного призыва,
Нас не влечет к себе бесстрашная борьба,
Мы люди робкого, бессильного порыва,
Нас запугала властная и грозная судьба
Невидимой еще, тернистою стезею,
Не зная выхода, без веры и без грез
Бредем рассеянной, беспомощной толпою
Средь терний и шипов, и горестей и слез.
Но кто – ж избавит нас от этих унижений?
Кто веру светлую вдохнет нам в нашу грудь?
Кто властью разорвет сеть крепкую сомнений,
Цветами радости усыплет скорбный путь?
Когда – же легкую и верную дорогой
Пойдем мы в синюю безоблачную даль?
Когда ж расстанемся с тоскливою тревогой?
Покинет скоро – ль нас унынье и печаль?

Совершенно контрастно в номере смотрится стихотворение «Рожок», подписанное псевдонимом Вася – Пастушок. Оно представляет собой идеологическое произведение, проникнутое гражданским пафосом. Образ русского народного музыкального инструмента рожка как символа свободной жизни и своеобразного рупора простого человека навевает мысли и желания о справедливом возмездии:

Пой для них, Рожок, играй, –
Пой, надежу пробуждай…
А для тех, в ком нет участья,
К доле меньшего, кто счастье
Кровью ближнего создал –
Так звучи, чтоб трепетал,
Чтобы спать не смог спокойно.
Чтобы яд страданья знойный
Сердце мукою сжигал,
Грех очистить заставлял…

И откровенным призывом быть там, где «стоны рабов подневольных», наполнено стихотворение М. Еременко:

Не стремись, друг, туда, где веселье и смех,
Где лишь радость на лицах довольных, –
А спеши, друг, туда, где лишь горе у всех,
Где лишь стоны рабов подневольных.
Подкрепи ты их вольною песней своей,
Дай им новые силы бороться.
И скажи, что терпения, варварских дней –
Чаша полная мук разобьется.

Использование контрастных художественных текстов местных авторов не случайно (особенно в журнальной периодике). Редакции важно было поместить такие произведения, которые создавали бы широкий общественный

резонанс, особенно актуальный для политически ангажированных СМИ. Также в подборе подобных литературных произведениях и проявился «демократический характер» издания [16].

Поэзию царицынских социал-демократов можно назвать «дилетантской», но, по мнению Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана, их творчество представляет собой «резервное средство для новаторских решений будущих эпох» [17]. Она наполнена лирическими размышлениями о судьбе России и значимости каждого человека в ее истории.

На последней странице № 7 опубликована басня «Рукавицы» автора Не – Крылова:

От страха вся дрожа,
Собака встретила ежа и говорит,
Приняв спокойный вид:
«Счастливец еж! Ты вечно спишь,
И ты за шкуру не дрожишь,
Мои же дни совсем не сладки:
Из шкур собак ведь делают перчатки».
А еж в ответ:
– Мне не завидуй ты, мой свет!
Теперь для родины – не враки –
Ежи нужнее, чем собаки…
Перчатки носят нежные девицы,
«Ежовые» в большом же спросе «рукавицы»…

Применение жанра басни в периодическом издании имеет свою специфику, как правило, в ней мало художественности и образности. Ее характерным признаком является обильное употребление прецедентных феноменов: использование крылатых слов и выражений, фразеологизмов, прецедентных имен и ситуаций. Употребление автором такого псевдонима и сама стилистика басни – это яркий пример использования литературной реминисценции «в качестве сознательного приема, рассчитанного на ассоциативное восприятие читателя» [18].

В начале XX в. самыми упоминаемыми в провинциальной печати были имена Л. Толстого и М. Горького. Оба этих известных русских писателя тесно связаны с историей волгоградского региона. По утверждению исследователя С. Л. Мухиной, «среди распространителей “лжеучения” Л. Н. Толстого жандармские отчеты называют жителей посада Дубовка Царицынского уезда: А. К. Коклюгина, Н. А. Акимова, Н. Кокушкина, Г. Черкасова, Ершова». Дубовские жители братья Кондратий и Алексей Граубергеры «вели с писателем обширную переписку, навещали его в Ясной Поляне и Гаспре» [19]. В 1919 г. в Царицыне издавался журнал последователей учения Л. Н. Толстого «Путь к свету».

Судьба А. М. Горького оставила большой след в истории Царицына. На Нижней Волге, у ворот Каспия, осенью 1888 г. началось первое горьковское «хождение по Руси». Позднее, прибыв в город, он познакомился с бывшим ссыльным, журналистом-народником М. Я. Началовым. Писатель был дружен со многими царицынскими журналистами и обещал свое сотрудничество в качестве автора некоторым городским изданиям. Несколько раз в сво-

ей жизни писатель бывал в Царицыне, позднее в Сталинграде. В канун 60-летия писателя 2 марта 1928 г. Сталинградский губисполком постановил именовать городскую библиотеку «Губернская центральная публичная библиотека имени М. Горького» (ныне ГУК «Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького»). Долгое время Волгоградский драматический театр носил имя М. Горького. 7 апреля 1954 г. станция Воропоново Приволжской железной дороги была переименована в станцию им. М. Горького Городищенского района. В 1957 г. поселок при станции был отнесен к категории рабочих поселков (ныне Советский район Волгограда).

Рассказ занимает значительное место в царицынских журналах. Большинство публикаций, представленных на страницах местных печатных органов, имеют документальную основу и по своей форме близки к житейским историям и зарисовкам. В дореволюционной прозе Царицына печатались не только региональные журналисты, но и поэты, и писатели, известные всей России. В № 7 журнала «Поволжская дума» опубликован рассказ М. Горького «Жалобы» (воспоминания офицера). Редакция журнала прокомментировала публикацию, что это «новый рассказ М. Горького, к сожалению, недоступный читающей публике, вследствие конфискации 1-й книги “Современника”» (по 73-й ст. за статью Германа Лопатина «Не наши») [13].

Идейный центр рассказа – размышления главного героя (офицера русской армии) об отношении со своими подчиненными – солдатами: «Надо что-то делать, государь мой… как вы думаете? Надо что-то сказать им… такое, что сдвинуло бы нас с этими людьми… надо же понимать свой народ. И – чтобы он тоже понимал меня... А иначе жить нельзя». Русская интеллигенция страдала комплексом вины перед народом в такой степени, что торопилась отдать ему долг всеми возможными способами, особенно заметными в литературной журналистике.

Активное развитие прессы на рубеже в начале XX в. в Царицыне актуализировало в первую очередь жанры очерка и фельетона. Фельетон как художественно-публицистический жанр достаточно часто был активно представлен в периодической печати, позднее он становится самостоятельной рубрикой. Исследователи печати отмечают, что «фельетон – сатирический художественно-публицистический жанр, выявляющий комическую сущность отрицательного факта и явлений действительности» [20]. В издании он используется как инструмент исследования общественной жизни.

В № 7 «Поволжской думы» жанр фельетона представлен как в прозе, так и в стихах. На пятой странице под рубрикой «В сельской школе» (из записок учителя) опубликован стихотворный фельетон М. Ольшанского, который имеет «специфическую рамочную композицию» [21].

Фельетон в заголовке имеет указание на профессию героя, таким образом указывая на повествователя – маску, настраивая читателя на эффект саморазоблачения:

Во мне давно таилося желанье
Служить другим. Я выполнил мечту.
И стал учитель. В детское сознанье
Вносил я мысль, как светоч в темноту…

В подзаголовке содержится пародийное наименование жанра произведения (из записок учителя), в нем нет эпиграфа, который, как правило, при-

сутствует в стихотворных фельетонах. В конце располагается примечание, которое графически отделено от основного текста:

Эй, староста! Связать потуже руки,
И в стан его с конвоем отослать,
Сказал и вышел. Шепот и смущенье
И тем – увы! окончилось ученье.
Науке жизни маленьких ребят…

Цель подобного примечания – создание комического эффекта, что автору мастерски удается сделать. Полемика между сельским учителем и инспектором, приехавшим проверить, как «идет ученье, и обо всем начальству донести», пронизана иронией и высмеиванием социальной позиции последнего:

Ведь граждане – синоним бунтарей!
Что будет после? Где же уваженье
К чинам и власти? К званию дворян?
Подумайте, – что будет за мученье
Сдержать потом мятежный океан…

Несомненный интерес для исследователей печати представляют фельетоны в прозе, активно представленные в информационном пространстве издания: «Раешник» (автор – Дедушка Конек), «Радетели» и «Охранители» (автор – С. Зоркий), «Голос рабочего» (автор – Т), «Рабы благотворители» (автор – Р-ий).

Фельетон «Раешник» совершенно не случайно опубликован в народном журнале «Поволжская дума». В духовной культуре России на рубеже XIX–XX вв. заметное место занимал народный фольклор. Хранителями его были в основном «почвенные» слои населения. Одним из ярких примеров является культура донского казачества: песни, пословицы и поговорки, народный театр. Традиционными на Дону были казачьи драмы – своеобразные театральные зрелища, разыгрывавшиеся обычно во время праздников. Один из популярных героев народного казачьего театра – это раешник. Раешник – рассказчик, показывающий раек – панораму с картинами, преимущественно лубочного характера, первоначально религиозного (откуда название панорамы), позднее самого разнообразного содержания [22]. Собирая своими прибаутками и скороговорками зрителей, раешник развлекал их, передавая содержание картин, не без остроумия, хоть и весьма примитивно, подчас затрагивая политические темы (если поблизости не было полиции): «Первая картина. С натуры. Торгаши в волчьей шкуре. Наши купцы почтенные дерут за все цены непомерные, что ни день, так пятак набавляют за каждый пустяк» [13]. Такая форма подачи материала и стилистика фельетона были близки и понятны простому народу, на которого и было ориентировано издание, а также это одна из наиболее популярных форм сатиры и юмора в журналистике рубежа XIX–XX вв.

В разделе «Мелочи» на 16 странице № 7 редакция журнала поместила «партийные характеристики в анекдотах-пародиях». В своей монографии «Жанры периодической печати» А. А. Тертычный, говоря об анекдоте на газетной или журнальной полосе, как правило, имеет ввиду «вторичный» анек-

дот, т.е. произведение, созданное на основе исходного анекдота, ставшего его литературной основой [23]. Предметом пародии в журналистике выступают самые разные явления. Пародирование обычно требует очень большой точности в повторении нюансов пародируемого явления, поскольку такая точность придает определенное необходимое сходство результату пародии с тем, что пародируется.

Серия из 3 анекдотов-пародий автора Не – Крылова носит название «“Истинно” – русские люди»:

На улице лежит пьяный.

Истинно-русский «человек», проходя мимо и услыхав, что окружавшие принимали пьяного за больного, с дрожью в голосе сладострастно а ла монополь произнес:

– Эх, если-б мне бы так заболеть!

Предметом сатирического изображения в журнале стало пьянство, которое было одной из главных проблем Царицына. Автор активно использует гротеск, иронию – приемы, которые и помогают создать пародию.

Выводы

Анализ издания показал, что журнал «Поволжская дума» был достаточно интересен в жанровом и тематическом многообразии. По замыслу издателей он должен был стать печатным органом, публикующим статьи на общественные и политические темы.

Литературный компонент издания представлял несомненный интерес для местного читателя, полностью реализуясь в художественных и художественно-публицистических произведениях. Издание могло стать духовным регулятором различных сфер областного бытия, его социокультурной среды, однако было закрыто по объективным причинам: арест редакции и журналистов «Поволжской думы», нехватка партийных средств, неблагоприятная обстановка для легальной работы.

Издания подобной структуры и содержательной направленности в локальном информационном поле региона сыграли большую роль, заложив вектор гуманистической и гуманитарной ориентации, в большинстве случаев сохранившийся в региональных СМИ до настоящего времени. Данное исследование позволяет уточнить роль и место журнала «Поволжская дума» в истории региональной печати волгоградского региона, определить новые направления в дальнейшем изучении научной проблемы.

Библиографический список

1. **Головкин, Г. М.** Дореволюционная печать Царицына / Г. М. Головкин // Историко-краеведческие записки. – 1974. – Вып. 2. – С. 63–77.
2. **Луночкин, А. В.** Царицынские трезвенники / А. В. Луночкин // Историко-краеведческие записки. – 1989. – Вып. 7. – С. 155–160.
3. **Луночкин, А. В.** Начало периодической печати в Царицыне / А. В. Луночкин // История России: на перекрестке мнений : материалы I межвуз. ист. чтений, посвящ. памяти академика Б. С. Абалихина (г. Волгоград, 15–16 мая 1995 г.). – Волгоград, 1997. – С. 88–92.
4. **Луночкин, А. В.** Из истории периодической печати в Царицыне: газета «Волжско-Донской листок» (1885–1901) / А. В. Луночкин // Вестник Волгоград-

ского университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2002. – Вып. 7. – С. 114–121.
5. **Мухина, С. Л.** Писатель Борис Броневский и газета «Республиканец» / С. Л. Мухина // Вопросы краеведения : материалы V краевед. чтений. – 1994. – Вып. 3. – С. 204–207.
6. **Байкин, А. Г.** Царицын: путешествие по страницам городской печати / А. Г. Байкин. – М. : Книга по Требованию, 2013. – 462 с.
7. **Тушканов, Д. И.** Изучение периодической печати Царицына: историографический обзор / Д. И. Тушканов // Актуальные проблемы историко-краеведческих исследований : сб. науч. тр. – Краснослободск, 2015. – С. 78–84.
8. **Ситникова, Т. В.** Роль царицынской прессы на рубеже XIX–XX веков в формировании культурной жизни провинции : материалы науч. сессии (г. Волгоград, 21–25 апреля 2014 г.) : в 2 ч. / Т. В. Ситникова. – Волгоград, 2014. – Ч. 1. – С. 188–193.
9. **Болотов, Н. А.** Общественные движения Волго-Донского региона в первой русской революции (1905–1907 гг.) / Н. А. Болотов, Ю. Ф. Болдырев, Е. В. Комиссарова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 7 (7/2). – С. 23–29.
10. **Томарев, В. И.** Пролетариат Царицына в борьбе против самодержавия / В. И. Томарев. – Волгоград, 1967. – 82 с.
11. **Богданова, К. С.** Очерки истории Волгоградской партийной организации / К. С. Богданова, З. Ф. Дубровина, Н. О. Подлеснов, В. И. Томарев. – Волгоград : Нижне-Волжское книжное изд-во, 1966. – Т. 1. – 200 с.
12. **Ситникова, Т. В.** Журнальная периодика Царицына (Саратовского уезда) рубежа XIX–XX веков / Т. В. Ситникова // Коммуникация в современном мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации». – Воронеж, 2017. – С. 134–137.
13. Поволжская дума. – 1911. – № 7.
14. **Бичехвост, Н. Ф.** Тайны старых архивов / Н. Ф. Бичехвост. – Волгоград : Издатель, 2012. – 416 с.
15. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 37.
16. **Вахрушев, А. А.** Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX–XX) / А. А. Вахрушев. – Ижевск, 1994. – 65 с.
17. Литературная журналистика как ресурс формирования социокультурного пространства региона (на материале волгоградских СМИ) : монография / О. Г. Шильникова, Ю. Б. Балашова, С. С. Васильева, И. В. Великанова, Д. Ю. Ильин, Е. А. Попова, В. Б. Смирнов, А. И. Смирнова, Т. В. Ситникова, Е. А. Смирнова ; под общ. ред. О. Г. Шильниковой ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – 423 с.
18. **Лепилкина, О. И.** Место и роль художественной литературы в провинциальной прессе России второй половины XIX – начала XX века / О. И. Лепилкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 11 (71). – С. 120.
19. **Мухина, С. Л.** Беседуя о славной старине : сб. очерков / С. Л. Мухина. – Волгоград : Нижне-Волжское книжное изд-во, 1989. – С. 101.
20. **Кройчик, Л. Е.** Современный газетный фельетон / Л. Е. Кройчик. – Воронеж, 1975. – 230 с.
21. **Румянцева, В. Н.** Стихотворный фельетон середины XIX века: Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Румянцева В. Н. – Самара, 2007. – 19 с.
22. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – 1-е изд. – СПб. : Норинт, 1998.
23. **Тертычный, А. А.** Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 312 с.

References

1. Golovkin, G. M. *Istoriko-kraevedcheskie zapiski* [Notes on regional history]. 1974, iss. 2, pp. 63–77.
2. Lunochkin A. V. *Istoriko-kraevedcheskie zapiski* [Notes on regional history]. 1989, iss. 7, pp. 155–160.
3. Lunochkin A. B. *Istoriya Rossii: na perekrestke mneniy: materialy I mezhvuz. ist. chteniy, posvyashch. pamyati akademika B. S. Abalikhina (g. Volgograd, 15–16 maya 1995 g.)* [Russian history: at the crossing of opinions: proceedings of I Interuniversity historical readings commemorating academician B. S. Abalikhin (Volgograd, 15th–16th May 1995)]. Volgograd, 1997, pp. 88–92.
4. Lunochkin A. V. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd Univesity. Series 4, History, Regional studies. International relations]. 2002, iss. 7, pp. 114–121.
5. Mukhina S. L. *Voprosy kraevedeniya: materialy V kraeved. Chteniy* [Problems of local history, geography and culture: proceedings of V Local historical readings]. 1994, iss. 3, pp. 204–207.
6. Baykin A. G. *Tsaritsyn: puteshestvie po stranitsam gorodskoy pechati* [Tsaritsyn: a journey along the pages of municipal press]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2013, 462 p.
7. Tushkanov D. I. *Aktual'nye problemy istoriko-kraevedcheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr.* [Topical problems of regional historical research: proceedings]. Krasnoslobodsk, 2015, pp. 78–84.
8. Sitnikova T. V. *Rol' tsaritsynskoy pressy na rubezhe XIX–XX vekov v formirovanii kul'turnoy zhizni provintsii: materialy nauch. sessii (g. Volgograd, 21–25 aprelya 2014 g.) : v 2 ch.* [The role of Tsaritsyn press at the turn of XIX–XX centuries in formation of the provincial cultural life: proceeding of a scientific session (Volgograd, 21st–25th April 2014): in 2 parts]. Volgograd, 2014, part 1, pp. 188–193.
9. Bolotov N. A., Boldyrev Yu. F., Komissarova E. V. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socioeducational thought]. 2015, no. 7 (7/2), pp. 23–29.
10. Tomarev V. I. *Proletariat Tsaritsyna v bor'be protiv samoderzhaviya* [Tsaritsyn's proletariat in the struggle against autocracy]. Volgograd, 1967, 82 p.
11. Bogdanova K. S., Dubrovina Z. F., Podlesnov N. O., Tomarev V. I. *Ocherki istorii Volgogradskoy partiynoy organizatsii* [Essays on the history of Volgograd Bolsheviks party organization]. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1966, vol. 1, 200 p.
12. Sitnikova T. V. *Kommunikatsiya v sovremennom mire: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. «Problemy massovoy kommunikatsii»* [Communication in the modern world: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference "Problems of mass communication"]. Voronezh, 2017, pp. 134–137.
13. *Povolzhskaya duma*. 1911, no. 7.
14. Bichekhvost N. F. *Tayny starykh arkhivov* [Secrets of old archives]. Volgograd: Izdatel', 2012, 416 p.
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of Volgograd Region]. F. 6. Op. 1. D. 271. L. 37.
16. Vakhrushev A. A. *Stanovlenie i razvitie pechati Vyatskoy gubernii (XIX–XX)* [Establishment and development of Vyatka provincial press (XIX–XX centuries)]. Izhevsk, 1994, 65 p.
17. Shil'nikova O. G., Balashova Yu. B., Vasil'eva S. S., Velikanova I. V., Il'in D. Yu., Popova E. A., Smirnov V. B., Smirnova A. I., Sitnikova T. V., Smirnova E. A. *Literaturnaya zhurnalistika kak resurs formirovaniya sotsiokul'turnogo prostranstva regiona (na materiale volgogradskikh SMI): monografiya* [Literature journalism as a resource of regional sociocultural space formation (by the materials of Volgograd mass media): monograph]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2015, 423 p.

18. Lepilkina O. I. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen. Social sciences and humanities]. 2008, no. 11 (71), p. 120.
19. Mukhina S. L. *Beseduya o slavnoy starine: sb. ocherkov* [Conversing about glorious ld times:]. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1989, p. 101.
20. Kroychik L. E. *Sovremennyy gazetnyy fel'eton* [Modern satiricle article]. Voronezh, 1975, 230 p.
21. Rumyantseva V. N. *Stikhotvornyy fel'eton serediny XIX veka: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev : avtoref. dis. kand. filol. nauk: 10.01.01* [Poetic satiricle article in the mid XIX century: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Samara, 2007, 19 p.
22. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great explanatory dictionary of Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. 1st ed. Saint-Petersburg: Norint, 1998.
23. Tertychnyy A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodical press]. Moscow: Aspekt Press, 2000, 312 p.

Ситникова Татьяна Владимировна
аспирант, Волгоградский государственный университет (Россия, г. Волгоград, проспект Университетский, 100)

E-mail: sitnikovatanek@yandex.ru

Sitnikova Tat'yana Vladimirovna
Postgraduate student, Volgograd State University (100 Universitetsky avenue, Volgograd, Russia)

УДК 070.15
Ситникова, Т. В.
Литературный компонент в изданиях общего типа на рубеже XIX–XX вв. (на примере царицынского народного литературно-общественного издания «Поволжская дума») / Т. В. Ситникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 82–95. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-9

УДК 811.161.1
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-10

Л. А. Джелалова

ПОСЛОВИЦА КАК ОБЪЕКТ ОБИХОДНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена вопросам русской паремиологии – исследованию пословиц посредством коммуникативно-прагматического анализа. Цель статьи – рассмотреть исследуемые изречения в контексте и вне художественного произведения через описание их коммуникативно-прагматических свойств.

Материалы и методы. Исследование проведено на материале русский пословиц из словаря В. И. Даля и их реализации в текстах художественной литературы. В статье использовались отрывки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Методологический потенциал включает следующее: 1) дискурсивный анализ, предполагающий интерпретацию смысла пословиц и их прагматических функций на основе контекста коммуникативной ситуации, референтной ситуации и ситуации, представленной во внутренней форме пословицы; 2) метод когнитивно-прагматического (коммуникативного) моделирования актуализации смысла пословиц в тексте/дискурсе; 3) методы наблюдения, интерпретации, обобщения, сопоставления и классификации; 4) метод количественной обработки и обобщения полученных данных.

Результаты. Применение коммуникативно-прагматического анализа позволит сформировать значение и выявить границы возможного применения: когда, где и при каких обстоятельствах можно использовать то или иное изречение (группу изречений); определить в ситуации общения, какое воздействие может оказать изречение (группа изречений) на говорящего или слушающего.

Выводы. Такой подход в исследовании даст возможность, во-первых, минимизировать ошибки в понимании изречений и в выявлении оценки в них, что ведет к уместному использованию пословиц и пониманию их в коммуникации, во-вторых, правильно оценить обстановку действия и даже предугадать его результат. Более того, моделирование смысла пословиц через контекст художественного произведения, а также объединение изречений, подходящих по значению, в синонимичные группы позволит расширить границы конкретного коммуникативного события, которое, как известно, реализуется не иначе как в межсубъектном диалоге, основным смысловым элементом которого может быть пословица.

Ключевые слова: пословица, субъект, предикат, модель-формула, текст, контекст, дискурс, коммуникативный элемент, качественная характеристика, паремическое выражение, прецедентное высказывание.

L. A. Dzhelalova

THE PROVERB AS AN OBJECT OF EVERYDAY HOUSEHOLD COMMUNICATION (BY THE MATERIAL OF RUSSIAN PROVERBS)

Abstract.

Background. The article covers actual questions of the Russian paramiology: to a research of proverbs by means of the communicative and pragmatical analysis.

The purpose of the article to give the description of the sayings investigated by us in a discourse of the art text – communication and pragmatics.

Materials and methods. The research is conducted on material Russian of proverbs from V. I. Dahl's dictionary and their realization in texts of fiction. In article fragments from the comedy Ampere-second were used. Griboyedova "Woe from Wit". Methodological potential includes: 1) the diskursivny analysis assuming interpretation of sense of proverbs and their pragmatical functions on the basis of a context of the communicative situation, a reference situation and a situation presented in an internal form of a proverb; 2) a method of cognitive and pragmatical (communicative) modeling of updating of sense of proverbs in the text /discourse; 3) methods of observation, interpretation, generalization, comparison and classification; 4) a method of quantitative processing and synthesis of the obtained data.

Results. Application of the communicative and pragmatical analysis will allow to create value and to reveal borders of possible application: when, where and under what circumstances it is possible to use this or that saying (group of sayings); to define in a situation of communication what impact saying (group of sayings) on speaking or listening can make.

Conclusions. Such approach in a research will give the chance, first, to minimize mistakes in understanding of sayings and in identification of assessment in them that leads to pertinent use of proverbs and understanding them in communication, secondly, it is correct to estimate a situation of action and even to foresee its result. Moreover, modeling sense of proverbs through a piece of art context and also association of the sayings suitable on value in synonymous groups, will allow to expand borders of a concrete communicative event which, as we know, is implemented not differently, as in intersubject dialogue which basic semantic element can be a proverb.

Key words: proverb, subject, predicate, model formula, text, context, discourse, communicative element, qualitative characteristic, paremichesky expression, case statement.

Много веков пословица является предметом пристального изучения в трудах ученых различных направлений и школ, но до сих пор во многом остается загадочным и непонятным явлением. Это связано с тем, что при своей внешней простоте пословица − сложное образование. С одной стороны, она несет значение формулы, правила, а с другой – используется как цитата, не только облегчающая способ аргументации говорящего выраженной им мысли, но и позволяющая правильно понять текст художественного произведения, смысл которого можно раскрыть посредством пословицы или группы пословиц, одинаковых по значению [1].

Нельзя не согласиться с выдающимся российским ученым-фольклористом В. П. Аникиным в том, что «эти загадочные изречения выражают массовую оценку народа, его опыт, ум» [2], а потому безусловны для тысячи и десятков тысяч людей. Не будет открытием и тот факт, что появление пословицы в речевом общении сокращает аргументацию говорящего, позволяет четко и лаконично доказать свою точку зрения, потому что дает субъективную для себя и объективную для других оценку событию и явлению общественной жизни, вселяя уверенность и необходимую в общении доказательность даже в наше время.

Все это дает нам возможность утвердиться во мнении, что пословица оказывает воздействие на человека и на социальном, и на психологическом

уровне. Анализ показал, что воздействие пословицы на социальном уровне проявляется в ее способности выступать в качестве средства регуляции социального поведения через отраженные в ней нормы, принятые в социуме. Например, тяжелый физический труд и опасное в средней полосе земледелие в пословицах В. И. Даля делает образ мужчины (мужа) исключительным: *Муж в дому, что глава (что крест) на церкви*. Причем его исключительность прежде всего в умении быть хозяином: *Где хозяин пройдет, там и рожь колосится. От хозяйского глаза и кот жиреет* [3, 4].

В этих условиях и фронт работы мужчины и женщины четко определен: *От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки – дымом. Кошка да баба завсегда в избе, мужик да собака завсегда на дворе.* От умения женщины организовать быт зависит все хозяйство: *Коли изба крива – хозяйка плоха*. *У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит.* Отсюда, *Пирогами славна печь, а дом – доброй хозяюшкой.* Неумение вести домашнее хозяйство осуждается: *Где бабы гладки, там нет воды в кадке.* Из этого следует, что роль женщины (жены) не менее важна, даже необходима: *Муж без жены, что дом без печи.* Именно по этой причине, советует пословица, к выбору жены нужно подходить со всей серьезностью: *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде. Гляди семью, откуда берешь жену.* Жить супруги должны в мире, любить друг друга и уважать: *Жена мужа почитай, как крест на главе; муж жену береги, как трубу на бане* (в значении «защита мужа без заботы жены не имеет смысла»). *Мужа чтут за разум, а жену по уму* (т.е. за хорошее поведение). А потому *Не к лицу бабе красный сарафан* (в значении «замужество определяет и внешний вид, и поведение женщины в обществе»). *Доброй жене домоседство не мука* (в значении «полноценное ведение домашнего хозяйства не дает женщине скучать»). Такую жену, утверждает пословица, нужно беречь: *Родители берегут дочь до венца, а муж жену до конца* (в значении «после замужества полную ответственность за женщину, которую взял в жены, несет муж») [3, 4].

Таких примеров можно привести великое множество, но и этого достаточно, чтобы определить, что пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей, дает им оценку и предписывает образ действий.

Из взятых для примера изречений становится очевидным, что для каждой социальной сферы деятельности существуют правила речевого поведения, речевые нормы, определенные речевые средства, представленные в пословицах в качестве модели.

Анализ показал, что, обозначая конкретную ситуацию и выступая знаком по отношению к ней, пословица в то же время определяет основные компоненты, формирующие эту ситуацию через характер отношений между ними, т.е. выступает как некое средство моделирования определенного фрагмента опыта, знания. Эта ситуация, по мнению О. Б. Абакумовой, переосмысляется, типизируется и, став фундаментом внутренней формы, несет в себе определенную ценностную ориентацию [5].

Для примера мы возьмем описательные пословицы с явно выраженным субъектом ситуации, в которых характеристика признака этого субъекта по качеству будет происходить через его суть и видимость этой сути, т.е. видимые и невидимые характеристики. Анализ показал, что это самая многочисленная группа пословиц, составляющая более 50 % от общего числа иссле-

дуемых нами изречений. Так, в пословице *Не хитер парень, да удачлив, неказист, да талантлив* (в значении «истинная ценность человека определяется положительным результатом его действия, а не внешними данными или стереотипным поведением») качественная характеристика субъекта определяется превосходством одного качества над другим, что соответствует модели-формуле $[S \in (P_1 > P_2) \wedge (P_3 > P_4)]$, где S – это субъект действия «парень», а $P_{1,2,3,4}$ – предикат, в нашем случае его качественная характеристика, представленная, с одной стороны, словами 1) «хитер»; 2) «удачлив»; 3) «неказист»; 4) «талантлив», а с другой – связкой – отрицательной частицей НЕ и противительным союзом ДА в значении НО. Отметим, что под моделью-формулой вслед за В. М. Мокиенко мы понимаем «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и семантики» [6, с. 43].

Модели-формуле $[S \in P]$ – «каждый субъект S обладает качеством P» – соответствуют следующие пословицы этой группы: *девка красна до замужества* (в значении «замужняя жизнь полна забот, которые, к сожалению, не сохраняют молодость женщине»). *Друзья до черного дня* (в значении «на этих людей нельзя рассчитывать в трудную минуту»). *Бедняка даже на верблюде собака кусает* (в значении «тот, кто боится, искусственно создает себе проблемы»). *На трусливого много собак* (в значении «боящийся притягивает к себе неприятности»). *Бабе дорога – от печи до порога* (в значении «обязанность женщины ограничивается только работой по дому») [2, 3] и т.д.

Нами установлено, что воздействие пословицы на психологическом уровне реализуется через активацию той части языковой личности человека, в которой она представлена как прецедентная единица. Доказательством прецедентности пословицы, по мнению Е. Н. Зарецкой, служит тот факт, что она 1) легко запоминаема из-за ритмически организованной формы и образного наполнения; 2) обладает свойством универсальности; 3) способна быть значимой для языковой личности, так как выражает ее жизненную доминанту и поэтому часто используема в речи; 4) имеет сверхличностный характер, т.е. известна и узнаваема широким кругом людей, так как является текстом межпоколенной передачи; 5) является неотъемлемой частью культуры народа, а потому значима культурно. В связи с этим как прецедентное высказывание пословица всегда употребляется «к месту» в речевом отрезке, произносимом в конкретной социальной ситуации при решении поставленных практических задач для достижения определенного результата, необходимого для того, кто употребляет пословицу, т.е. в различных типах дискурса [7, с. 43].

В результате исследования нами установлено, что реализация пословиц может происходить в рамках паремического текста, вкрапленного в художественное произведение, посредством которого происходит смысловое определение пословицы, равной по смыслу изречению или исходному тексту. Отметим, что вслед за Ю. Н. Карауловым под паремическим выражением нами понимается высказывание, «сформированное из произведений русской, советской и мировой классики, а также фольклорных шедевров», которое носителем языка воспринимается как «инструмент», облегчающий и ускоряющий осуществляемое им переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а возможно, и обратно» [8, с. 217]. Так, пословицу *Сапог с сапогом, а лапоть с лаптем* (в значении «равенство людей определя-

ет их социальное положение») можно реализовать в смысловых границах паремического выражения *Кто беден, тот тебе не пара* комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», представленного в следующем контексте произведения: «*София: Позвольте… видите ль… сначала // Цветистый луг; и я искала // Траву // Какую-то, не вспомню наяву. // Вдруг милый человек, один из тех, кого мы // Увидим – будто век знакомы, // Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен, // Но робок… Знаете, кто в бедности рожден… Фамусов: Ах! матушка, не довершай удара! // Кто беден, тот тебе не пара»* [9, с. 16].

Анализ показал, что пословицы: *Голодной куме хлеб на уме; Голодной курице (все) просо снится; Кто про что, а шелудивый <вшивый> про баню* и т.д. могут быть реализованы через контекст этого же произведения в следующем фрагменте: *«Фамусов (Чацкому на вопрос о Софье): Вам, людям молодым, другого нету дела, // Как замечать девичьи красоты: // Сказала что-то вскользь, а ты, // Я чай, надеждами занесся, заколдован»*, который способствует пониманию не только значения приведенных для примера изречений, но и их употребления в реальной действительности в схожей ситуации [8, с. 30].

При исследовании пословиц как объекта обиходно-ориентированного общения, где изречения рассматриваются как косвенный речевой акт, в рамках которого реализуется индивидуальный пословичный замысел говорящего, связанный с избранной им коммуникативной стратегией и оценкой ситуации, нами также учитываются предложенные Н. Д. Арутюновой направления исследования [10]:

1) цели высказывания (эксплицитные и имплицитные), т.е. иллокутивные силы: информирование, приказ, совет и т.п. В результате исследования нами установлено, что пословицы могут содержать: а) **совет-предостережение (9 %)**: *Свой со своим считайся, а чужой не вступайся. Часовому мастеру, лекарю да аптекарю нельзя веры давать. Гулять смолоду – помирать под старость с голоду. Должище, что печища: сколько ни клади дров, все мало. Займы – та же кабала*; б) **совет-пожелание (12 %)**: *Варлам пополам – Денис, поделись. От хорошего братца ума бы набраться; от худого братца рад отвязаться. Избави нас, Боже, от лыса, коса, рыжа и кривоноса!* в) **совет-факт / данность (10 %)**: *У зависти глаза рачьи. У лентяя Федорки всегда отговорки. У растяпы Дарьи каждый день аварии. Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи. Корми деда на печи: и сам будешь там*; г) **совет-укор (4 %)**: *На трусливого и уж – змея;* д) **совет-угроза (7 %)**: *Душой кривить – черту служить;* е) **совет-требование**: *Не учи бедного хромать;* ж) **совет-наставление (11 %)**: *Редкое свидание – приятный гость. Красна пава перьем, а жена – мужем. Умный человек – хозяин деньгам, скупой – слуга. Считай, баба, цыплят по осени, а, мужик, меряй хлеб по весне. Живи просто, доживешь лет до ста, а кто лукавый, того скоро черт заберет;* з) **совет-упреждение (наказ) (12 %)**: *Учи жену без детей, а детей без людей. Бери жену с воли, а казака (работника) с Дону: проживешь без урону. Не дразни собаку – хозяин не ощерится. Учись вежеству (вежливости): где пень – тут челом; где люди – тут мимо; где собаки дерутся – говори: «Бог помощь!». С косым не толкуй о кривом. С кривым о косом не беседуй;* и) **совет-констатация факта (информирование) (24 %)**: *Косые счастливы, кривые моты, немые говорливы, слепые мудрецы, косолапые щеголи. Сидор*

да Борис за носы подрались. Поп поет, кузнец кует, а солдат свою службу служит. Лук с чесноком – родные братья; к) **совет-утешение (11 %)**: *Не плачь, девка, что отдают за парня: плакать бы ему, что берет беду. Оттерпимся – и мы люди будем. Не все коту масленица, будет и великий пост* [3, 4];

2) установки прагматического значения высказывания (косвенные смыслы, намеки, подтекст) и референцию говорящего, т.е. отнесение высказывания к предметам реальности, связанное с намерением говорящего. В нашем случае это реализация пословичного изречения и подбор пословиц-синонимов, равных по значению пословице в контексте произведения (см. пример с пословицей *Сапог с сапогом, а лапоть с лаптем*), а также понимание скрытого смысла отрывка или произведения в целом. Например, через скрытый смысл, содержащийся в отрывки комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: *«Чацкий (обращается к Софье): Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног. // Ну, поцелуйте же, не ждали? говорите! // Что ж, рады? Нет? В лицо мне посмотрите. // Удивлены? и только? вот прием! // Как будто не прошло недели; // Как будто бы вчера вдвоем // Мы мочи нет друг другу надоели…»* [9, с. 23], можно реализовать следующие пословичные изречения, позволяющие описать ситуацию неожиданного приезда Чацкого и неожиданного для него холодный прием в лице Софьи: *Не было сороки, а гости у порога (от поверья); Не светило, не грело, да вдруг припекло; Не гуляла, не жаловала ни в Рождество, ни в масленицу, а привел Бог в великий пост.* Данные пословицы позволяют нам не только дать оценку ситуации, но и предельно точно предать психологическое состояние героя: непонимание им сложившейся ситуации через прямые и косвенные реакции участников коммуникации.

Представленные в данной статье исследования пословиц как объекта обиходно-ориентированного общения, как нам видится, позволит, во-первых, минимизировать ошибки в понимании изречений и в выявлении оценки в них, что ведет к уместному использованию пословиц и пониманию их в процессе общения, во-вторых, правильно оценить обстановку действия и даже предугадать его результат. Более того, моделирование смысла пословиц через контекст художественного произведения, а также объединение изречений, подходящих по значению, в синонимичные группы, позволит расширить границы конкретного коммуникативного события, которое, как известно, реализуется не иначе как в межсубъектном диалоге, основным смысловым элементом которого может быть пословица.

Библиографический список

1. **Дементьев, В. В.** Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. – Саратов, 2000.
2. **Аникин, В. П.** Пословицы и поговорки / В. П. Аникин // Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор : пособие для учителя / В. П. Аникин. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.
3. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 4-е изд., стереотип. – М. : Русский язык – Медиа, 2007.
4. **Даль, В. И.** Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : ННН, 1994. – 616 с.
5. **Абакумова, О. Б.** Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О. Б. Абакумова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012. – 354 с.

6. **Мокиенко, В. М.** Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 286 с.
7. **Зарецкая, Е. Н.** Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – М. : Дело, 1999. – 480 с.
8. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 2010. – 263 с.
9. **Грибоедов, А. С.** Горе от ума. Комедия в четырех действиях / А. С. Грибоедов. – М. : Памятник исторической мысли : Технологическая Школа Бизнеса, 1995. – 135 с.
10. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1998. – 350 с.

References

1. Dement'ev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov, 2000.
2. Anikin V. P. *Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor : posobie dlya uchitelya* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and folklore for children: teaching aid]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1957, 240 p.
3. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 volumes]. 4th ed., stereotip. Moscow: Russkiy yazyk – Media, 2007.
4. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of Russian people]. Moscow: NNN, 1994, 616 p.
5. Abakumova O. B. *Poslovitsy v yazyke, soznanii i kommunikatsii* [Proverbs in language, consciousness and communication]. Saint-Petersburg: Alef-Press, 2012, 354 p.
6. Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Slavic phraseology: teaching aid for universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989, 286 p.
7. Zaretskaya E. N. *Ritorika: teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: theory and practice of spoken communication]. Moscow: Delo, 1999, 480 p.
8. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka, 2010, 263 p.
9. Griboedov A. S. *Gore ot uma. Komediya v chetyrekh deystviyakh* [Wit works woe. A comedy in four acts]. Moscow: Pamyatnik istoricheskoy mysli: Tekhnologicheskaya Shkola Biznesa, 1995, 135 p.
10. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. Moscow, 1998, 350 p.

Джелалова Лариса Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, филиал Московского государственного университета технологии и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет) (Россия, Ульяновская область, г. Димитровград, ул. Октябрьская, 74)

E-mail: dshelar@mail.ru

Dzhelalova Larisa Anatol'evna
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of humanitarian and socio-economic disciplines, branch of Moscow State University of Technologies and Management named after K. G. Razumovskiy (First Cassack University) (74 Oktyabrskaya street, Dimitrovgrad, Ulyanovsk region, Russia)

УДК 811.161.1

Джелалова, Л. А.

Пословица как объект обиходно-ориентированного общения (на материале русских пословиц) / Л. А. Джелалова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 96–103. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-10

УДК 316.77:001.8 + 070:001.8
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-11

Д. Э. Коноплев

КЛАСТЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. Формирование экономического мышления через средства массовой информации связано с группами активно использующихся слов и словоформ, так называемых кластеров экономического мышления. В данной статье мы пытаемся прояснить сущность природы подобных кластеров, а также обозначить принципы их функционирования в журналистском тексте. Важность представленной темы необходимо напрямую связывать с актуализацией процесса формирования экономического мышления у аудитории под воздействием средств массовой информации. Проблема формирования средствами массовой информации экономического мышления аудитории приобрела свое нынешнее значение в процессе форсированного перехода России к капиталистической экономике, не завершившегося и по сей день.

Материалы и методы. Основным методом исследования, используемым при работе с базой выборки, стал контент-анализ (ручной и автоматизированный). Мы оценивали рассматриваемые журналистские тексты с помощью как частотного, так и фоносемантического анализа. Базу выборки составили 152 федеральных и региональных периодических издания (деловая пресса, а также массовые и глянцевые издания, пишущие на темы экономики), сетевые издания и государственные порталы с официальными новостями (117 сайтов).

Результаты. По итогам замеров и кодирования журналистских публикаций экономической тематики из базы выборки были выявлены 52 кластера, большинство из которых (45) претерпели существенные изменения с момента первой идентификации в статьях 1990-х гг. (некоторые – начала 2000-х).

Выводы. Установлено, что кластеры экономического мышления оказывают непосредственное влияние на восприятие текста читателем, даже если не осознаются потенциальной аудиторией. При этом читатели воспринимают ключевые понятия в журналистских текстах на экономическую тематику в их актуальном контексте, хотя не всегда отдают себе отчет в том, что сущностные характеристики кластеров менялись с течением времени.

Ключевые слова: контекстная маркированность, экономическое мышление, кластер экономического мышления, массовая коммуникация.

D. E. Konoplev

CLUSTERS OF ECONOMIC THINKING AS A FORMATION FACTOR FOR ECONOMIC REALITY IN JOURNALISTIC TEXT

Abstract.

Background. The formation of economic thinking through the media is associated with groups of frequently used words and word forms, the so-called clusters of economic thinking. In this article, we are trying to clarify the nature of such clusters, as well as to point to the principles of their functioning in a journalistic text. The importance of the article must be directly linked with the actualization of the media influence during economic thinking arrangement. The problem of the mass

media's formation of the economic thinking of the audience has acquired its current significance in the process of Russia's accelerated transition to a capitalist economy that has not yet been completed to date.

Materials and methods. The main research method used in working with the journalistic texts database was content analysis (manual and automated). We evaluated the journalistic texts by the help of both frequency and phonosemantic analysis. The data base was made up of 152 federal and regional periodicals (business press, as well as mass and glossy papers, writing on economic topics), including online publications and state portals with official news (117 sites).

Results. According to the results of measurements and coding of journalistic publications of economic subjects, 52 clusters were identified from the sample database, most of which (45) underwent significant changes since the first identification in the articles of the 1990s (some of the early 2000s).

Conclusions. It is established that clusters of economic thinking directly affect the reader's perception of the journalistic text, even if they aren't realized by the potential audience. At the same time, readers perceive key concepts in journalistic texts on economic problems in their actual context, albeit they don't always realize that the essential characteristics of clusters have changed over time.

Key words: contextual labeling, economic thinking, a cluster of economic thinking, mass communication.

Введение

Как отмечает А. Архипов [1], существование в новых экономических условиях накладывает на средства массовой информации (СМИ) определенные обязательства по информированию читателя об экономических процессах. Этот путь характеризуется известным набором интенций и трудностей, возникающих в процессе освещения экономической тематики в прессе. С одной стороны, при переходе к капиталистической экономике возникло большое число рыночных субъектов, в том числе с регулятивными функциями, а также определенный круг явлений, чуждых некапиталистической экономике и, таким образом, по большей части, остающихся неизвестными и непонятными для широких слоев населения.

С другой стороны, намерения самих СМИ, рассказывающих читателю об этих процессах или субъектах, стали предметом отдельной дискуссии, в том числе с точки зрения понимания конкретным журналистом той или иной экономической проблемы, его вовлеченности в экономические процессы как рядового гражданина, а также способность разграничивать статистические данные и фактический материал, о чем, например, говорят Н. Хомски [2] и И. Демина [3].

Экономическое мышление аудитории, таким образом, как отмечает Б. Моггридж [4], оказалось под влиянием ряда факторов, сопряженных как с индивидуальными особенностями того или иного читателя, так и с методикой освещения экономической тематики в СМИ.

Специфика изучения экономического мышления и кластеров экономического мышления в научной среде заключается в концентрации основного внимания исследователей на собственно экономической составляющей. Кроме того, теоретические исследования по концептуализации (в данной работе мы опираемся на положения монографий Вэна Райзина «Классификация и кластер» [5] и Глена Спаркса «Исследования медиаэффектов» [6]) кластеров от-

носятся главным образом к сфере математического анализа и вычислительных систем. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на наличие достаточного числа базовых источников, в случае с построением концепции кластеров экономического мышления в рамках средств массовой информации требуется значительная адаптация общих принципов или закономерностей из других дисциплин к медийной реальности.

Вместе с тем в таких исследованиях, как «Непарадигматическая лингвистика» Т. Николаевой [7] и «Секреты экономических редакторов» М. Шенберга, Л. Рамраттана и Р. Солоу [8], непосредственно рассматривается лингвистическая составляющая кластеров, что тоже указывает на общетеоретический характер таких работ.

Следующую группу исследований представляют работы, в которых экономическое мышление рассматривается в социологическом аспекте. Здесь необходимо выделить «Интерпретацию социально-экономической эволюции» Л. Мизеса [9], «Экономическую социологию» В. Радаева [10] и «Экономическое мышление» П. Хейне [11]. К этим работам примыкают «Эмпирическая социология» В. Анурина и «Инновационные стратегии глобальной экономики» Ф. Голта [12].

В данной статье мы объединяем представленные подходы, унифицируя их под экономическое мышление с учетом специфики СМИ.

1. Материалы и методика

В качестве программной среды для проведения контент-анализа по базе выборки использовались Wordstat, QDA Miner (контент-анализ) и Vaal (фоносемантический анализ). Результаты выборочно перепроверялись вручную и выносились на обсуждение. Само обсуждение проводилось в рамках методики фокус-группы (10 человек). Базой исследования стали публикации из электронных библиотек СМИ (East View Information Services, East View's Universal Database, Integrum, база данных Polpred.com), включающих федеральные и региональные периодические и интернет-издания (152 издания) и государственные порталы с официальными новостями (117 порталов). Всего была проанализирована 85 341 публикация на экономическую тематику за период с 1 января 1992 г. по 1 октября 2017 г.

Под кластерами экономического мышления мы понимали объединение нескольких слов или словоформ, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, формирующая у потенциальной аудитории тот или иной ракурс восприятия экономической действительности. Для каждого подобного кластера мы считаем обоснованным выделять ряд специфических элементов и сред, определяющих как его структуру, так и функциональную нагрузку.

Кластер мы будем рассматривать как сложный структурный элемент, состоящий из ядра и субстратов, концентрирующихся вокруг этого ядра. Ядро кластера, которым, как правило, служит базовое смыслообразующее понятие в журналистском тексте, формирует так называемый логический центр кластера, вокруг которого выстраиваются все остальные элементы (субстраты кластера), образующие в конечном итоге единое целое с ядром.

Субстраты кластера представляют собой исходные слова и словоформы, приобретающие дополнительную смысловую нагрузку с учетом лексиче-

ского либо контекстного значения ядра кластера, с которым они связаны. Субстраты кластера находятся в непосредственной близости от его ядра и легко идентифицируются как смысловые атрибуты последнего. Билл Маскулл рассматривает подобные слова и словоформы как ключевые слова текста [13].

Кроме субстратов кластера мы также предлагаем выделять так называемые эксплоды кластера – элементы, сходные с субстратами по своей функциональной природе, но удаленные от ядра кластера на значительное расстояние (3–4 абзаца с логически завершенными мыслями или высказываниями).

Под рабочим контуром кластера мы будем подразумевать текстовую среду, в рамках которой фиксируются его элементы (узлы кластера). Как правило, границы рабочего контура кластера совпадают с границами журналистского текста.

Под общим массивом кластера мы предлагаем понимать диапазон рассредоточения элементов кластера по пространству текста. Общий массив кластера может не совпадать с рабочим контуром кластера, если элементы кластера компактно расположены в локализованных текстовых абзацах и не употребляются в начале/конце текста.

Под узлами кластера мы будет подразумевать схожие по своему наполнению зоны локализации субстратов и эксплодов кластера, идентифицируемые в отдаленных друг от друга абзацах текста.

В целом структура кластера может быть представлена как несколько узлов кластера, находящихся в поле рабочего контура.

Таким образом, кластер экономического мышления формируется в рамках журналистского текста, содержит смысловое ядро с ключевым понятием, вокруг которого формируются дополнительные смысловые блоки. По своему функционалу кластер в экономическом тексте фактически представляет собой свернутый план текста, записанный в виде ключевых взаимосвязей. В то же время кластеры экономического мышления обнаруживаются не во всех текстах, а в части публикаций присутствуют в значительно усеченном виде.

2. Результаты

По итогам проведенного контент-анализа мы получили две группы кластеров, часть из которых существенно менялась за счет изменения частотности употребления связанных понятий, а часть сохранилась в статистически неизменном виде (средние значения частотности употребления отклонялись в рамках 3–5 %). К первой группе мы отнесли 45 кластеров, ко второй – 7.

Обобщая полученные данные, мы выявили следующие закономерности:

1. Как правило, присутствие кластеров в тексте связано с протяженностью самого текста и его повествовательной моделью – чем протяженнее и композиционно сложнее выстроен текст, тем выше вероятность, что в нем присутствуют кластеры экономического мышления. Степень проявленности кластеров также может различаться. В результате проведенного исследования мы идентифицировали свернутые кластеры (не более двух элементов, связанных с ядром) и развернутые (три и более субстрата либо эксплода в составе).

2. Кластеры как подвижные структурные элементы текста могут видоизменяться с течением времени, включать в себя новые субстраты и экспло-

ды и терять прежние. Фактически кластеры существуют до тех пор, пока сохраняется стабильность их смыслового ядра. В тот момент, когда смысловое ядро перестает формировать вокруг себя связанные понятия, кластер распадается на составляющие элементы, а его смыслообразующий компонент может войти в состав других кластеров, формирующихся на его основе или независимо от него.

3. Процесс идентификации кластера в тексте можно свести к процедурам фоносемантического и контент-анализа с учетом соотносимости словоупотребления различных сочетаний слов в рамках одного текста, абзаца либо в каких-либо еще логических границах публикации. При этом необходимо учитывать наличие или отсутствие связи между элементами кластера и специфику такой связи. Соответственно, для того чтобы оценить, насколько прочна связь между ядром и субстратом кластера, необходимо проверить данные по обширной выборке, чтобы понять действительную частотность их совместного употребления.

3. Анализ полученных результатов

Процесс трансформации кластеров с течением времени можно рассмотреть на примере кластера с ядром «сельхозпроизводители», идентифицируемым в журналистских материалах постсоветского периода (данные получены по замерам электронных библиотек East View Information Services, East View's Universal Database, Integrum, баз данных СМИ Polpred.com):

Кластер 1.1. Период 1992–1999 гг. Ядро: «сельхозпроизводители». Субстраты в порядке частотности употребления: тарифы, импорт, предпринимательство, новые технологии.

Кластер 1.2. Период 2000–2010 гг. Ядро: «сельхозпроизводители». Субстраты в порядке частотности употребления: кредиты, передовые технологии, биотопливо, импорт, высокая урожайность.

Кластер 1.3. Период 2011–2017 гг. (активен). Ядро: «сельхозпроизводители». Субстраты в порядке частотности употребления: субсидии, долги, высокие технологии, человеческий капитал, плановость.

Как мы видим из приведенного примера, кластер с ядром «сельхозпроизводители» на протяжении всей истории постсоветской экономической журналистики существовал с определенным набором элементов, которые заменяли друг друга с течением времени, задавая определенный ракурс восприятия картины экономической реальности у читателей.

Другими словами, трансформация кластера может быть рассмотрена как фактор контекстной маркированности (отклонения от прямого лексического значения тех или иных понятий с учетом специфики их употребления), главным образом в тех случаях, когда субстраты кластера вносят в его содержание лексические словоформы, не отождествляемые в действительности с ядром кластера. В данном примере это трансформирующаяся цепочка субстратов, приобретающих все большую частотность употребления с ядром «сельхозпроизводители» от начала 1990-х гг. и по настоящее время.

В период до 1999 г. субстрат «новые технологии» занимал последнее место среди связанных с ядром понятий, его частотность употребления составляла не более 42 % от частотности употребления термина «импорт». В первое десятилетие 2000-х гг. на месте этого субстрата появляется слово-

форма «передовые технологии», частотность употребления которой выходит на второе место после понятия «кредиты». После кризиса 2008 г. и наиболее активно после 2010 г. вместо понятия «передовые технологии» появляется субстрат «высокие технологии», при этом частотность его употребления снижается по сравнению с предыдущим периодом. В то же время уровень технологического развития сельского хозяйства на протяжении всего периода с 1991 по 2015 г. остается на достаточно низком уровне. При этом субстраты, касающиеся технологий, как правило, употребляются с формами будущего времени и касаются планируемого развития сельского хозяйства. Таким образом, на протяжении всего постсоветского периода средства массовой информации неустанно рассказывают в связи с сельским хозяйством о грядущем развитии технологий, которое фактически не происходит.

В других ситуациях замена субстратов кластера точно фиксирует происходящие изменения в экономике, иногда даже раньше, чем они осознаются аудиторией. По вышеназванному кластеру с ядром «сельхозпроизводители» такое явление отмечается касательно субстрата «импорт», существовавшего как неотъемлемая часть кластера до середины 2011 г., а затем вытесненного субстратом «плановость». Примечательно, что по своему лексическому наполнению этот термин фактически тождественен понятию «импортозамещение», но появился на три года раньше последнего в связи с программами стимулирования малого бизнеса и выделения субсидий фермерам.

Если записать каждый из элементов кластера в хронологическом порядке, расположив соответствующие ряды по частотности употребления элементов относительно смыслообразующего ядра, то можно проследить, как менялся ракурс подачи того или иного тематического блока в средствах массовой информации, а значит прояснить частный случай формирования экономического мышления. Для данного примера получаются следующие хронологические ряды:

Ядро: «сельхозпроизводители» – «сельхозпроизводители» – «сельхозпроизводители».

Субстраты: тарифы – кредиты – субсидии, импорт – импорт – плановость, новые технологии – передовые технологии – высокие технологии, (нет элемента) – высокая урожайность – долги, предпринимательство – биотопливо – человеческий капитал.

По представленным взаимосвязям можно легко установить, какие явления экономической реальности в первую очередь связывались в средствах массовой информации с определенным смысловым ядром.

Между тем в некоторых случаях развернутый кластер экономического мышления может идентифицироваться в усеченном виде, если в тексте фиксируются многочисленные эксплоды кластера, отличающиеся определенной самостоятельностью. В качестве примера такого рода явления можно привести публикацию Натальи Нехлебовой «Сети решают все» («Огонек», 16 февраля 2015 г.).

В данном тексте кластер, выстроенный вокруг ядра «сельхозпроизводители», представлен только субстратами «долги» и «субсидии». В то же время удаленные элементы кластера (присутствуют в трех из 22 абзацев), представленные понятиями «торговые сети», «наценка», «санкции» и «кризис», имеют к нему непосредственное отношение, хотя и не идентифициру-

ются при прочтении текста как его атрибуты. На наш взгляд, это может означать скорую трансформацию представленного кластера, если частотность употребления данных элементов в СМИ будет возрастать.

Сообразно с трансформацией кластеров и заменой одних элементов в их составе на другие, меняется как смысловая, так и контекстная среда восприятия тех или иных явлений экономической реальности. В конечном итоге это приводит к перестраиванию картины экономического мышления и появлению у аудитории средств массовой информации определенных логических взаимосвязей в отношении элементов этой картины [14].

В качестве примера кластера, содержание которого изменилось и привело к перестраиванию картины экономического мышления, можно рассмотреть кластер, образованный понятием «бизнес-леди». В своем исходном виде субстратами кластера выступали связанные с ним термины «роскошь», «образованность», «планы работы» и «управление финансами» (в период, который можно условно обозначить верхней временной границей до 2007–2008 гг.). После 2007–2008 гг. вышеобозначенные субстраты по частотности употребления в составе кластера вытесняются следующими понятиями: «соглашение с госорганами», «госконтракты», «продвижение интересов предпринимателей». То есть здесь мы можем предположить, что до кризиса 2008 г. термин «бизнес-леди» в журналистских материалах на экономическую тематику чаще всего ассоциировался с роскошью, а после кризиса 2008 г. – с необходимостью оказания женщинам-предпринимателям помощи со стороны государства.

4. Обсуждение

Для оценки восприятия кластеров с различными связанными понятиями мы предложили фокус-группе из десяти человек оценить тексты, предварительно классифицированные по двум типам – с изменением общего содержания кластера с течением времени (субстраты меняются) и без такого изменения (субстраты сохраняются). Всего фокус-группа рассматривала 12 текстов с различными кластерами. Для каждого текста участникам фокус-группы предлагалось после прочтения назвать главные понятия в тексте и высказать свое отношение к публикации. В первом случае (шесть текстов) кластеры и общая идея текста читателям заранее не сообщались, во втором – были озвучены до прочтения текста (также шесть текстов). Со второй группой текстов участники по итогам фокус-группы должны были ответить на вопрос, согласны ли они с предварительно названной идеей текста или предложенный материал лучше описывают другие термины.

Выводы

По результатам работы с участниками фокус-группы мы пришли к двум выводам, которые, на наш взгляд, могут определять сущность кластеров экономического мышления в журналистском тексте:

1. Кластеры определяют восприятие текста читателем, даже если сам читатель не осознает их как структурные единицы текста и не может выделить самостоятельно по предложенному модератором фокус-группы алгоритму. Девять из десяти участников озвучили общую идею текста, совпа-

дающую с идентифицированной при анализе, причем семь – самостоятельно, без инструкции модератора. Один из участников затруднился с ответом.

2. Читатели воспринимают тексты с кластерами, претерпевшими изменения во времени (ядро сохраняется, субстраты меняются), через субстраты и связанные с ними примеры, понятия и цитаты, при этом с точки зрения самого ядра кластера (текстообразующего понятия) участники фокус-группы разницы не заметили. Другими словами, когда читателям были предложены разные тексты с одинаковым ядром кластера, но изменившимися субстратами, участники, рассказывая о впечатлении от текста и его идее, описывали материал через субстраты, а разницы в кластерах при этом не замечали. Только после того как модератор обратил внимание участников, что в текстах использовано одно ключевое понятие, но воспринимаются они по-разному из-за меняющихся связанных терминов, читатели согласились, что это действительно принципиально разные с лексической точки зрения тексты. Отсюда можно сделать вывод, что динамические процессы в кластерах могут не осознаваться аудиторией, продолжая оказывать на нее непосредственное воздействие.

Библиографический список

1. **Архипов, А.** Утверждение нового экономического мышления и задачи теории, образования и воспитания / А. Архипов // Российский экономический журнал. – 1997. – № 8. – С. 95.
2. **Herman, E.** Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media / E. Herman, N. Chomsky. – New York : Pantheon Publishing, 2002. – 480 p.
3. **Демина, И.** Сущность экономической журналистики / И. Демина // Известия ИГЭА. – 2011. – № 1. – С. 217–221.
4. **Moggridge, B.** Designing media / B. Moggridge. – New York : MIT Press, 2010. – 285 p.
5. **Райзин, Д. В.** Классификация и кластер / Д. В. Райзин. – М., 1980. – 394 с.
6. **Sparks, G.** Media effects research / G. Sparks. – Belmont, CA : Wadsworth Publishing, 2005. – 336 p.
7. **Николаева, Т. М.** Непарадигматическая лингвистика / Т. М. Николаева. – М., 2008. – 376 с.
8. **Szenberg, M.** Secrets of Economics Editors / M. Szenberg, L. Ramrattan, R. Solow. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2014. – 408 p.
9. **Мизес, Л.** Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Л. Мизес. – Челябинск : Социум, 2009. – 384 с.
10. **Радаев, В. В.** Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / В. В. Радаев. – М., 2005. – 603 с.
11. **Heyne, P.** Economic Way of Thinking / P. Heyne. – New Jersey : Prentice Hall, 2009.
12. **Gault, F.** Innovation Strategies for a Global Economy: Development, Implementation, Measurement and Management / F. Gault. – Cheltenham ; Northampton, MA ; Ottawa : Edward Elgar Publishing, 2010. – 211 p.
13. **Mascull, B.** Key words in the media / B. Mascull. – London : Collins Educational, 1995. – 256 p.
14. **Cohn, V.** News and numbers: A guide to reporting statistical claims and controversies / V. Cohn, L. Cope. – New Jersey : Wiley-Blackwell, 2001. – 232 p.

References

1. Arkhipov A. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian economic journal]. 1997, no. 8, p. 95.

2. Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Publishing, 2002, 480 p.
3. Demina I. *Izvestiya IGEA* [Proceedings of ISEA]. 2011, no. 1, pp. 217–221.
4. Moggridge B. *Designing media*. New York: MIT Press, 2010, 285 p.
5. Rayzin D. V. *Klassifikatsiya i klaster* [Classification and cluster]. Moscow, 1980, 394 p.
6. Sparks G. *Media effects research*. Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 2005, 336 p.
7. Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika* [Nonparadigmatic linguistics]. Moscow, 2008, 376 p.
8. Szenberg M., Ramrattan L., Solow R. *Secrets of Economics Editors*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2014, 408 p.
9. Mizes L. *Teoriya i istoriya: Interpretatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy evolyutsii* [Theory and history: an interpretation of socioeconomic evolution]. Chelyabinsk: Sotsium, 2009, 384 p.
10. Radaev V. V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: Novye podkhody k institutsional'nomu i setevomu analizu* [Economic sociology: New approaches to institutional and network analysis]. Moscow, 2005, 603 p.
11. Heyne P. *Economic Way of Thinking*. New Jersey: Prentice Hall, 2009.
12. Gault F. *Innovation Strategies for a Global Economy: Development, Implementation, Measurement and Management*. Cheltenham; Northampton, MA; Ottawa: Edward Elgar Publishing, 2010, 211 p.
13. Mascull B. *Key words in the media*. London: Collins Educational, 1995, 256 p.
14. Cohn V., Cope L. *News and numbers: A guide to reporting statistical claims and controversies*. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2001, 232 p.

Коноплев Дмитрий Эдуардович
кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет (Россия, г. Челябинск, проспект Победы, 162В)

Konoplev Dmitriy Eduardovich
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of journalism and mass communications, Chelyabinsk State University (162b Pobedy avenue, Chelyabinsk, Russia)

E-mail: dmitrijkonoplev@ya.ru

УДК 316.77:001.8 + 070:001.8

Коноплев, Д. Э.

Кластеры экономического мышления как фактор формирования экономической картины в журналистском тексте / Д. Э. Коноплев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 104–112. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-11

УДК 811.111’24
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-12

Н. В. Щенникова, Ю. А. Дидык

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ИДИОМА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ДЕСКРИПТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье постулируется объективное существование русского идиома английского языка (РИАЯ) как особой знаковой системы, характеризующейся массовым распространением и системой устойчивых типовых структурных и функциональных закономерностей. В частности, автор описывает некоторые аспекты специфики фонологической системы этого идиома, устойчиво проявляющиеся в англоязычной речи носителей русского языка.

Материалы и методы. С помощью описательного и сопоставительного методов, метода дистрибутивного анализа проведен анализ функциональных и системно-структурных аспектов специфики звуковой и произносительной стороны речи.

Результаты. Показано, что фонетический состав и фонологическая система русского идиома английского языка частично отличаются от таковых в английском и русском языках; некоторые фоны РИАЯ распределены по фонемам иначе, чем в английском и русском языках. Расхождения между ними рассматриваются как объективные специфические черты этой коммуникативной системы, которые закономерно проявляются как результат сложного взаимодействия и наложения двух разных фонетико-фонологических систем.

Выводы. Сделаны выводы о закономерностях порождения речи на неродном языке. Установлено, что переплетение навыков говорения на родном и неродном языках приводит к формированию собственной фонетико-фонологической базы РИАЯ.

Ключевые слова: локальный идиом английского языка, русский идиом английского языка, идиоэтнизм, глобализация.

N. V. Shchennikova, Yu. A. Didyk

PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN IDIOM OF THE ENGLISH LANGUAGE: DESCRIPTION AND ANALYSIS

Abstract.

Background. The paper postulates the Russian idiom of the English language as a specific semiotic system characterized by mass spreading and the system of typical structural and functional regularities. The author specifically describes certain peculiarities of its phonological system typical for the English speech of Russian-speaking people.

Materials and methods. The functional and structural analysis of the phonetic and pronunciational peculiarities of the Russian idiom of the English language rests on the descriptive and comparative methods, as well as the distributional method.

Results. It is argued that the phonetic structure and the phonological system of the Russian idiom of the English language differ from those of the English and Russian languages; certain sounds are distributed in phonemes differently than in Eng-

lish and Russian. These differences are considered to be intrinsic features of this communication system resulting from interaction and overlap of two different phonological systems.

Conclusions. Some conclusions are drawn on regularities of non-native speech production: the combination of speech habits in the vernacular and foreign languages leads to the formation of the phonological basis of the Russian idiom of the English language.

Key words: local idiom of the English language, Russian idiom of the English language, idioethnism, globalizations.

С конца XX в. глобализация английского языка является одной из основных социолингвистических тем научных исследований, что отражает радикальные перемены в социально-экономической и общественно-политической жизни современного мира. В условиях процессов лингвистической глобализации важнейшим вопросом является статус и функционирование английского языка в новых условиях. Среди лингвистов нет единодушия в интерпретации природы глобального английского языка (АЯ): или это один глобальный английский язык с его многочисленными географическими и социальными разновидностями, или это многочисленные «английские языки», требующие признания как автономные или полуавтономные образования в глобальном лингвистическом пространстве АЯ. Таким образом, логика исторического развития и так называемый естественный языковой отбор объективно привели многовековой поиск единого семиотического кода для всего человечества к тому, что английский язык становится общим инструментом межкультурного общения. Но функцию единого семиотического кода для разноязычных индивидов и разноязычных коллективов выполняет отнюдь не только этнический английский язык, но и его различные речевые модификации, его локальные идиомы. Отличия идиомов друг от друга и от этнического английского языка обусловливаются различиями картин мира и когнитивно-культурных пространств разных лингвосоциумов. Локальные идиомы являются неотъемлемыми частями языкового континуума; идиомы различных языков естественным образом встраиваются в логику языкового покрытия мира, занимают в нем свою нишу; идиомы различных языков выполняют уникальные функции, которые не дублируются никакими другими языковыми образованиями; идиомы различных языков не являются набором ошибок и результатом недоработок лингводидактики.

В последние два десятилетия активно развивается направление, исследующее языковую практику отдельных социальных коллективов, перформативную функцию локальных разновидностей английского языка в транснациональных контекстах глобализации (экономическая миграция, образование, межкультурная коммуникация, Интернет, средства массовой информации, международный транспорт, и т. п.) [1–3]. В его основе лежат следующие базовые принципы: язык следует изучать не как идеальный конструкт и абстрактное явление, а как реальную социальную деятельность, как реализуемую в действительности материальную часть социальной и культурной жизни конкретного коллектива; глобальный язык реализуется в локальной практике, следовательно, его стоит рассматривать в локальных контекстах; массовая практика в локальных контекстах приводит к созданию норм, причем норма-

тивность выявляется не в сходстве, а в **различии** употребляемых языковых форм. Эти признаки устойчиво реализуются в том или ином языковом коллективе, воспринимаются им на уровне нормы и превращаются в своего рода аксиологическую норму, становясь обязательными, ожидаемыми, прогнозируемыми с той или иной степенью вероятности атрибутами речи данного языкового коллектива, ее имманентным свойством.

Все эти вопросы подлежат тщательному осмыслению в рамках лингвистической теории. Наша работа, проводимая с 2005 г. на базе Пензенского государственного университета, представляется нам посильным вкладом в разработку вышеуказанной проблематики [4–7]. С позиций дескриптивно-аналитического подхода мы фиксировали и описывали типичные идиоэтничные черты русского идиома английского языка (фонетико-фонологические, лексические, грамматические), потенциально могущие затруднять понимание при англоязычном общении с пользователями других локальных идиомов АЯ.

В рамках данной статьи рассмотрен фонологический аспект специфики англоязычной речи русскоязычных билингвов. Переплетение навыков говорения на родном и неродном языках приводит к формированию собственной фонетическо-фонологической базы РИАЯ.

Применение принципов дистрибутивного анализа показывает, что фонологическая система РИАЯ имеет отличия как от английского, так и от русского языков. Так, в отличие от английского языка в РИАЯ есть палатальные согласные (такие как [t’]). Но в отличие от русских палатальных они не являются самостоятельными фонемами, а входят в состав тех же фонем, что и твердые согласные. Например, произнося слово *tar*, билингв употребляет твердый аллофон [t] перед гласным заднего ряда, а произнося слово *tea*, он употребляет мягкий аллофон [t’] перед гласным переднего ряда. Но, находясь в дополнительной дистрибуции, эти фоны в составе РИАЯ не различают значения слов, тогда как в русском языке они состоят в контрастивной дистрибуции и несут смыслоразличительную функцию (ср. ***т**апки* – ***т**япки*). Употребление палатальных согласных в речи на РИАЯ не влияет на смысл того, что говорится.

По нашим наблюдениям, некоторые другие фонетические отличия РИАЯ от английского языка тоже никак не влияют на передачу смысла. Так, замена аутентичного фарингального [h] русскими велярными [χ] и [χ’] не искажает смысла слов и фраз, поскольку названные русские звуки, являясь в составе РИАЯ аллофонами одной фонемы (а не разных фонем, как в русском языке), выполняют ту же смыслоразличительную функцию, что и [h] в аутентичном английском. Когда, например, русскоязычный билингв произносит [χaus] (*house*), [χ’il] (*hill*), [biχáind] (*behind*), это не искажает смысл, поскольку [χ] и [χ’] функционируют в английской речи билингвов так же, как [h] в аутентичной английской речи. Аналогичным образом замена английского заальвеолярного [r] русским какуминальным вибрантом [р] не влияет на смысл сказанного. Это примерно тот же случай, что с картавостью или грассированием в русской речи отдельных людей: эти признаки не искажают смысл слов и фраз, поскольку не являются фонологически релевантными. Замена альвеолярных английских [s] и [z] дентальными русскими [с] и [з] не только не релевантна фонологически, но и практически не различима акустически. Мало кто из русскоязычных билингвов произносит альвеолярные анг-

лийские свистящие; большинство вместо них произносит русские зубные свистящие, однако это незаметно на слух без специального анализа.

Но в других случаях различия в фонологическом статусе признаков ведет к искажению смысла. Так, русскоязычные билингвы склонны нейтрализовать оппозицию «долгие – краткие гласные», которая фонологически релевантна в английском языке. Билингвы фактически отождествляют [i:] и [i]; [u:] и [u] и т.д., что нередко ведет к коммуникативным неудачам. Чтобы показать это, мы задумали переводческий эксперимент на старших курсах языковых специальностей, в составе которого было задание «Переведи переводчика»: один студент получал карточки с написанным русским текстом для перевода с листа. Десять предложений были составлены таким образом, чтобы контекст не выполнял селективную функцию и одинаково подходил к обоим членам оппозиций (*port – pot, cart – cut, sheep – ship, sport – spot, lark – luck, peel – pill, barn – bun и др.*): *«Какой красивый горшок!», «Ему понравился этот покрой», «Это была белая овца», «Здесь нет урн», «Мне не нравится это пятно»* и др. Для того чтобы невозможно было вычислить, что проверяется в этом задании, такие предложения подавались вместе с другими вперемешку. Остальные студенты должны были перевести на русский язык результаты перевода студента-переводчика. Мы фиксировали фонетическую сторону звучавшего устного перевода, обработали полученные результаты письменных переводов и подвели итоги. В общей сложности эксперимент проводился 32 раза (с 2010 г. в разных группах). Из 32 студентов, выполнявших устный перевод, все допустили от 4 до 7 фонетических ошибок нейтрализации оппозиции «долгий – краткий гласный». В 384 письменных переводах были допущены от 3 до 6 ошибок в этих десяти предложениях. Еще одно задание переводческого эксперимента «Перевод на скорость»: «Переведите на скорость ряд слов, одни и те же слова могут повторяться, слово звучит один раз, переспрашивать нельзя». Один студент зачитывает с равными интервалами ряд слов, которые остальные студенты письменно переводят. В смешанном ряду из 120 слов были 30 слов с оппозицией по долготе гласных: *short, shot, march, much, seal, sill, feel, fill, deed, did, port, pot, cart, cut, sheep, ship, sport, spot, lark, luck, peel, pill, barn, bun, peel, pill, leak, lick, bean, bin.* В 384 письменных переводах были допущены от 7 до 15 ошибок в этих 30 словах (средний процент неправильно записанных слов – 36). Трудность выполнения задания была усугублена установкой задания на возможные повторения слов и фонетически некорректным чтением некоторых студентов: из 32 студентов, зачитывающих ряд слов, 12 допустили менее 10 случаев нейтрализации оппозиции «долгий – краткий гласный», 20 – от 10 до 15.

Фоны [e] и [æ] являются разными фонемами в английском языке, а в РИАЯ они фактически являются аллофонами одной фонемы, а порой и полностью отождествляются артикуляторно и акустически. Это связано с тем, что в русском языке существует узкая разновидность звука [э], близкая к англ. [e] (ср. *т**е**ст*), и широкая разновидность, близкая к англ. [æ] (ср. ***э**тот*). Русское языковое сознание не различает их фонологически, что и способствует неразличению похожих на них английских [e] и [æ].Отсюда могут проистекать коммуникативные неудачи – например, в тех случаях, когда словосочетание *bed management* (Bed management is allocation and provision of beds, especially in a hospital where beds are a scarce resource) воспринимается и

понимается как *bad management*, а слово *tanner* («монета в шесть пенсов») – как *tenner* («банкнота в десять фунтов стерлингов»). В смешанном ряду из 120 слов в задании переводческого эксперимента «Перевод на скорость» были 30 слов с оппозицией [e] – [æ]: *pan – pen, dad – dead, pat – pet, bat – bet, mansion – mention, ban – Ben, Dan – den, man – men, bad – bed, tan – ten, lag – leg, mass – mess, pack – peck, tanner – tenor, Brad – bread.* В 384 письменных переводах были допущены от 4 до 12 ошибок в этих 30 словах (средний процент неправильно записанных слов – 27).

К сходным последствиям приводит склонность русскоязычных билингвов оглушать звонкие финали, тем самым нейтрализуя фонологически релевантную оппозицию звонких и глухих. В смешанном ряду из 120 слов в задании переводческого эксперимента «Перевод на скорость» были 30 слов с оппозицией «звонкий – глухой финальный согласный»: *broad – brought, trade – trait, ride – right, frog – frock, crab – crap, blog – block, mood – moot, dug – duck, dog – doc, rib – rip, dead – debt, feed – feet, flog – flock, card – cart, log – lock.* В 384 письменных переводах были допущены от 6 до 12 ошибок в этих 30 словах (средний процент неправильно записанных слов – 30).

Говоря в целом, нейтрализация ряда фонемных оппозиций, проистекающая из некоторого упрощения фонологической структуры английского языка в РИАЯ, ведет к росту омонимии. Поскольку при столкновении омонимов возникают коммуникативные неудачи, число омонимов в языках обычно бывает невелико. Однако, по нашим наблюдениям, контекст и речевая ситуация в большинстве случаев выполняет селективную функцию и количество омонимов в РИАЯ не настолько превышает статистическую норму, чтобы серьезно препятствовать эффективному функционированию этого идиома. Нечто подобное наблюдается в диалектах американского варианта английского языка. В них переход [ju:] → [u:] привел к возникновению омофонов *suit* [su:t] «костюм» – *soot* [su:t] «сажа»; *due* [du:] «должный» – *do* [du:] «делать» и т.п. Переход [a:] → [æ] привел к возникновению омофонов *mast* [mæst] «мачта» – *massed* [mæst] «массированный»; *brand* [brænd] «торговая марка» – *branned* [brænd] «просеянный» и т.п. Аффрикатизация [dj] → [ʤ]; [tj] → [ʧ] привела к возникновению омофонов *dew* [ʤu:] «роса» – *Jew* [ʤu:] «еврей»; *Tues* [ʧu:z] *разг. сокр.* «вторник» – *choose* [ʧu:z] «выбирать» и т.п. Но контекст и речевая ситуация позволяют успешно дискриминировать омонимы и избегать недоразумений. Так же обстоит дело с омонимами и в РИАЯ.

Эффективность международной коммуникации обеспечивается доступностью для понимания. Этот критерий был предложен Р. Уокером [8] как необходимый для общения на национальном уровне (например, в условиях учебной англоязычной коммуникации ClassroomEnglish) и на интернациональном уровне (между неносителями и носителями АЯ) [9, 10]. Его критерий достаточной доступности для понимания согласуется с концепцией Дж. Дженкинс ядерных/неядерных фонологических признаков, лежащей в основе классификации фонологических свойств английского как лингва франка. Фонетико-фонологические признаки англоязычной речи как элементы социолингвистической вариативности разделяются на неядерные и ядерные. Национальные и диалектные особенности в качестве гласных звуков, произношении слабых форм, ассимиляции, коартикуляции, ударении класси-

фицируются как приемлемые неядерные элементы социолингвистической вариативности, тогда как оглушение согласных (log – lock), нейтрализация признаков долготы и краткости гласных звуков (leap – lip), непроизнесение согласного в сочетаниях согласных (six – sick), замена гласных звуков (snakes – snacks; hole – hall) классифицируются как ядерные признаки, мешающие или препятствующие декодированию смысла высказывания [11, с. 69, 123; 12, с. 90].

У З. Патил находим примеры того, как под влиянием особенностей национального произношения меняется смысл высказывания на АЯ. Типичной чертой речи вьетнамцев является потеря конечных согласных, что в англоязычной речи является серьезным препятствием для достижения взаимопонимания. В их исполнении “Mr. Nguyen, why [wai] doesn’t your wife [wai] try white [wai] wine [wai]?” слова *why, wife, white* и *wine* становятся омофонами [13, с. 11]. В произношении японских студентов не различается пара согласных [r]/[l]. Типичной чертой речи арабских студентов является озвончение начальный глухой: *pill – bill* и разделение глухих согласных [k] и [s] гласным звуком: *text – tekist*. “I’m going to dine with six friends. We’ll have a pot of fried rice each” в исполнении арабских студентов превращается в “I’m going to dine with sikis friends. We’ll have a boat of rice each”, в исполнении вьетнамских студентов – “I’m going to die with sick friends. We’ll have a pot of rice each”, в исполнении японских студентов – “I’m going to dine with six friends. We’ll have a pot off liedlice each” [13, с. 12].

Ответственность за низкую доступность для понимания могут нести не только пользователи АЯ из-за национальных особенностей артикуляции, но и носители. Д. Детердинг привел пример общения сингапурских студентов и англичан, говорящих на диалекте устья Темзы (Estuary English), определив, что диалектные особенности речи англичан (T-глоттализация, т.е. использование гортанной смычки вместо [t], или переход от альвеолярной артикуляции к гортанной; переход межзубных смычных [θ, ð] в лабиодентальные смычные [f, v] (th-fronting); L-вокализация или замена латерального альвеолярного [l] гласными заднего или средне-заднего ряда [o], [ʊ] и [u]) явились серьезной помехой для понимания – сингапурские студенты с большим трудом понимали, о чем идет речь [14, с. 435].

Большим препятствием для беспроблемного англоязычного общения с китайскими преподавателями и студентами при сотрудничестве ПГУ с Ланджоуским транспортным университетом была нейтрализация оппозиции [b] – [p] в английской речи китайцев. Это происходит ввиду переноса фонетико-фонологической черты из китайского языка в английский: в китайском языке отсутствует оппозиция [b] – [p], но наличествует [p] – [p`]. В их английской речи зачастую отсутствует звонкий [b], он замещается неаспирированным [p].

Обобщая все сказанное выше, отметим, что фонологические отличия РИАЯ от английского языка вопреки ожиданиям мало влияют на взаимопонимание при общении носителей английского языка с русскоязычными билингвами. Вероятно, это связано с генетическим родством английского и русского языков. К ядерным фонологическим признакам (по Дж. Дженкинс) в речи на РИАЯ, могущим мешать или препятствовать декодированию смыс-

ла высказывания, относятся оглушение звонких финалей, нейтрализация оппозиции «долгота – краткость» ([i:] и [i]; [u:] и [u] и т.д.), артикуляторное отождествление фонов [e] и [æ]. Остальные особенности речи пользователей РИАЯ относятся к приемлемым неядерным элементам, не препятствующим достаточной доступности для понимания. Для обеспечения все более высокого уровня доступности для понимания речи на АЯ его пользователей в ситуациях межкультурного контакта полезным видится не столько научное описание языковых и этнокультурных национальных и диалектных особенностей (произносительных в том числе), сколько их учет в целевой модели обучения АЯ на территории функционирования этих вариантов АЯ и его локальных идиомов.

Библиографический список

1. **Pennycook, A.** Translingual English / A. Pennycook // Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language, special forum issue / ed. by Farzad Sharifian, Michael Clyne. – 2008. – Vol. 32, № 3. – P. 30.1–30.9.
2. **Pennycook, A.** Language as a Local Practice / A. Pennycook. – London : Routledge, 2010. – 174 p.
3. **Pennycook, A.** Metrolingualism: Language in the City / A. Pennycook, E. Otsuji. – London ; New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2015. – 205 p.
4. **Щенникова, Н. В.** Этносоциокультурные факторы специфики англоязычной речи носителей русского языка / Н. В. Щенникова // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 108–115.
5. **Щенникова, Н. В.** Специфика английской речи носителей русского языка: когнитивный аспект / Н. В. Щенникова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филологические науки (филология и лингвистика). – 2014. – № 2. – С. 106–116.
6. **Щенникова, Н. В.** Русский идиом английского языка: специфика употребления медиопассивного залога / Н. В. Щенникова // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 420–423.
7. **Щенникова, Н. В.** Русский идиом английского языка: специфика употребления инфинитива и инфинитивных конструкций / Н. В. Щенникова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 1. – С. 87–97.
8. **Walker, R.** Pronunciation for international intelligibility / R. Walker. – 2001. – URL: http://www3.telus.net/linguisticsissues/internationalintelligibility.html (accessed November 13, 2015).
9. **Melchers, G.** World Englishes: an introduction / G. Melchers, Ph. Shaw. – 2nd edition. – London ; New York : Arnold, Oxford University Press, 2011. – 256 p. – URL: http://www.cels.bham.ac.uk/resources/essays/moritoshi6.pdf (accessed March 23, 2015).
10. **Nunn, K.** Competence and Teaching English as an International Language / K. Nunn // Asian EFL Journal. – 2005. – № 7 (3). – P. 61–74.
11. **Jenkins, J.** The Phonology of English as an International Language / J. Jenkins. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 266 p.
12. **Chen, G.-M.** Foundations of Intercultural Communication / G.-M. Chen, W. J. Starosta. – Boston : University Press of America, 2005. – 352 p.
13. **Patil, Z. N.** On the Nature and Role of English in Asia / Z. N. Patil // The Linguistics journal. – 2006. – Vol. 2. – URL: http://www.linguistics-journal.com/June2006_zn.php (accessed January 30, 2016).
14. **Deterding, D.** Listening to Estuary English in Singapore / D. Deterding // TESOL Quarterly. – 2005. – № 39. – P. 425–440.

References

1. Pennycook A. *Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language, special forum issue / ed. by Farzad Sharifian, Michael Clyne*. 2008, vol. 32, no. 3, pp. 30.1–30.9.
2. Pennycook A. *Language as a Local Practice*. London: Routledge, 2010, 174 p.
3. Pennycook A., Otsuji E. *Metrolingualism: Language in the City*. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2015, 205 p.
4. Shchennikova N. V. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2013, no. 1 (17), pp. 108–115.
5. Shchennikova N. V. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologicheskie nauki (filologiya i lingvistika)* [Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Philological sciences (philology and linguistics)]. 2014, no. 2, pp. 106–116.
6. Shchennikova N. V. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2014, no. 2, pp. 420–423.
7. Shchennikova N. V. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Russian State Humanitarian University] 2015, no. 1, pp. 87–97.
8. Walker R. *Pronunciation for international intelligibility*. 2001. Available at: http://www3.telus.net/linguisticsissues/internationalintelligibility.html (accessed November 13, 2015).
9. Melchers G., Shaw Ph. *World Englishes: an introduction*. 2nd edition. London; New York: Arnold, Oxford University Press, 2011, 256 p. Available at: http://www.cels.bham.ac.uk/resources/essays/moritoshi6.pdf (accessed March 23, 2015).
10. Nunn K. *Asian EFL Journal*. 2005, no. 7 (3), pp. 6̄174.
11. Jenkins J. *The Phonology of English as an International Language*. Oxford: Oxford University Press, 2000, 266 p.
12. Chen G.-M., Starosta W. J. *Foundations of Intercultural Communication*. Boston: University Press of America, 2005, 352 p.
13. Patil Z. N. *The Linguistics journal*. 2006, vol. 2. Available at: http://www.linguistics-journal.com/June2006_zn.php (accessed January 30, 2016).
14. Deterding D. *TESOL Quarterly*. 2005, no. 39, pp. 425–440.

Щенникова Наталья Владимировна
кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и переводоведения, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: schennikova@list.ru

Shchennikova Natal'ya Vladimirovna
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of translation and interpretation science, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Дидык Юлия Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и переводоведения, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: perevod@pnzgu.ru

Didyk Yuliya Alekseevna
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of translation and interpretation science, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 811.111’24
Щенникова, Н. В.

Фонологическая система русского идиома английского языка: дескриптивно-аналитический подход / Н. В. Щенникова, Ю. А. Дидык // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 113–121. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-12

УДК 81’23
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-13

М. П. Болотская, А. О. Зуенкова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В ИДИОСТИЛЕ И. Л. МУРАВЬЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА «БАРЫШНЯ»)

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена рассмотрению концептов «жизнь» и «смерть» в романе И. Л. Муравьевой «Барышня» (2010). В настоящее время в языкознании недостаточно исследованы художественные концепты, способы их языковой и речевой репрезентации. Основная цель исследования – выявить специфику языковой репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в романе И. Л. Муравьевой «Барышня», определить механизм их взаимодействия в идиостиле писателя.

Материалы и методы. Материалом для научного анализа послужили лексические репрезентации концептов «жизнь» и «смерть», используемые в ритмических конструкциях романа И. Л. Муравьевой «Барышня». В ходе исследования применялся метод филологического анализа текста (семантико-стилистический и контекстуальный приемы).

Результаты. Выявлены, систематизированы и проанализированы способы языковой репрезентации концептов «жизнь» и «смерть»: обозначены лексические единицы, вербализующие указанные концепты; рассмотрены словообразовательные связи и их морфологический состав; определены синтагматические отношения лексем «жизнь» и «смерть» с окружающими языковыми единицами; выявлена степень их выразительности и частотность использования в ритмических конструкциях (на материале текста романа И. Л. Муравьевой «Барышня»).

Выводы. Концепты «жизнь» и «смерть» в тексте романа И. Л. Муравьевой «Барышня» значительно расширяют семантику, обогащаются активно коррелирующими контекстуальными синонимами и антонимами, приобретают окказиональные значения, что ведет к существенным изменениям в структурно-семантической характеристике отмеченных концептов и определяет их уникальность, связанную с особенностями восприятия писателя. В идиостиле И. Л. Муравьевой жизнь – это явление более сложное и многомерное, чем смерть (бездуховное начало, исключающее движение, развитие).

Ключевые слова: лексема, концепт, репрезентанты, ассоциативно-смысловое поле.

M. P. Bolotskaya, A. O. Zuenkova

VERBALIZATION OF THE CONCEPTS “LIFE” AND “DEATH” IN I. L. MURAVYOVA’S INDIVIDUAL STYLE (ON THE BASIS OF THE NOVEL “BARISHNYA”)

Abstract.

Background. The article is devoted to the study of the concepts ‘life’ and ‘death’ in I. L. Muravyova’s novel *‘Barishnya’* (2010). Currently, in linguistics, is not studied enough art concepts, methods, language and speech representations of their. The main purpose of the research is to expose the peculiarity of the language repre-

sentation of the concepts ‘life’ and ‘death’ in I. L. Muravyova’s novel *‘Barishnya’*; to determine the mechanism of their interaction in idiostyle of the writer.

Materials and methods. The materials for the research are lexical representations of the concepts ‘life’ and ‘death’ used in rhythmic constructions of I. L. Muravyova’s novel *‘Barishnya’*. The main technique of the research is the method of linguistic analysis (main devices are the semantic-stylistic, contextual).

Results. The study of the structure and means of linguistic explication of the literary concepts ‘life’ and ‘death’ objectified in I. L. Muravyova’s novel *‘Barishnya’* enabled to expose the range of lexical units verbalizing the concepts ‘life’ and ‘death’; to describe their content in the novel, marked lexical units specified verbalizes concepts; considered derivational relations and their morphological structure; defined syntagmatic relations of lexical items “life” and “death” with the surrounding linguistic units; identified their degree of expr essiveness and frequency of use in rhythmic structures.

Conclusions. The concepts of “life” and “death” in the text of the novel And text. L. Muravyova ‘Barishnya’ greatly expand the semantics, enriched by actively correlating contextual synonyms and antonyms, acquire an occasional value, leading to significant changes in the structural-semantic characteristics of the mentioned concepts and defines their uniqueness associated with the peculiarities of perception of the writer. In I. L. Muravyova’s individual style life is regarded as a more complicated and multidimensional phenomenon than death (spiritually deprived stuff eliminating motion and development).

Key words: lexeme, concept, representative, semantic field.

Произведение И. Л. Муравьевой «Барышня» (2010) – необычное явление в современной литературе. Одной из главных его особенностей является включение в прозаический текст поэтических компонентов, которые функционируют в романе «Барышня» не хаотично, беспорядочно, а составляют определенный философский план повествования, отражают своеобразное понимание автором сущности бытия.

В художественном тексте тесно переплетены различные элементы, среди которых есть такие, которые имеют значение организующей доминанты, т.е., по мнению Я. Мукаржовского, «приводят в движение и определяют отношения всех прочих компонентов» [1, с. 411]. Думается, такими компонентами в тексте романа И. Л. Муравьевой «Барышня» являются ритмические конструкции. Именно они образуют особое семантическое пространство, обеспечивая выделение важнейших смыслов текста и активизируя внимание читателя, усиливая эмоциональность и экспрессивность. Ритм и синтаксис – наиболее непроизвольные элементы лирического произведения, они составляют те «косвенные улики» и «вещественные доказательства», которые, по убеждению С. Я. Маршака, красноречивее говорят нам о подлинных чувствах поэта, «чем его собственные показания» [2, с. 164]. Сама И. Л. Муравьева уверяет, что у нее вообще нет музыкального слуха: «Я <…> не могу сказать, отчего моя проза вдруг выстраивается в белые стихи, откуда в ней появляется этот явный ритм. <…> Я не изобретаю никаких “приемов”: все, что происходит в моем тексте, происходит внутри меня» [3].

Думается, в анализируемом тексте мы сталкиваемся не с обусловленным, осмысленным авторским приемом, а с более глубоким, психологическим явлением. Это отнюдь не значит, что анализ здесь неуместен. Напротив, раз данное явление возникает без воли автора, значит, оно обусловлено дру-

гими причинами; значит, сам роман и сюжетная ситуация создают условия для возникновения данного явления. Недаром А. А. Блок говорил о том, что «душевный строй истинного поэта выражается во всем, вплоть до знаков препинания» [4, с. 515].

В ходе исследования текста романа «Барышня» было выделено 104 ритмические конструкции. Из них двустиший и трехстиший около 58,7 %, остальные 41,3 % составляют четверостишия, пяти-, шести-, семистишия, а также компоненты, состоящие из девяти, одиннадцати, двенадцати и даже тринадцати строк. Ритмизированные строки романа написаны четырехстопным амфибрахием. С одной стороны, этот размер делает настолько плавным переход из прозаического повествования в поэтическое, что порой нельзя точно определить границу того, где заканчивается проза и начинается поэзия. С другой стороны, ритмические конструкции, написанные амфибрахием, обладают внутренней динамикой, развитию которой также способствуют синтаксические конструкции. И совершенно нельзя отказать в правоте тезису о том, что амфибрахий несет эпическое начало. Ведь не случаен факт включения в прозу поэтических компонентов, написанных именно амфибрахием. В данном случае происходит сближение прозы и поэзии на уровне эпического родства.

При таком размере даже двустрочная строфа в романе может являться самостоятельным лирическим компонентом: «и ветка зеленой сияющей вишни как будто росла у нее из затылка»; «и девочку стали лечить на курорте, поэтому мать не вернулась в Россию»; «и столько ему истрепавшая нервов за ту идеальную чистую дружбу»; «и греться на солнце, как греются кошки, как греются птицы и все, кто не умер»; «при этом рыдать приходили к нему. Не только рыдать, а вообще – приходили»; «И умер, как все мы умрем, Марко Поло. Однако загадка осталась загадкой»; «доверчивость матери сразу исчезнет, и будет тоска, будет снова тревога» [5]. Чаще всего указанные компоненты заканчивают абзац, т.е. определенную мысль, подводя некий итог и тем самым ритмически связывая между собой микротемы. Таким образом, написанный прозой текст, абзацы которого зачастую заканчивают ритмические компоненты, становится целостной, ритмически организованной системой.

Роман И. Л. Муравьевой «Барышня» представляется нам прекрасным материалом для рассмотрения концептов «жизнь» и «смерть», так как композиционно-смысловая модель названного произведения позволяет почувствовать дуализм бытия. Судьба главной героини романа, Тани Лотосовой, – центр повествования в романе «Барышня». Ему сопутствуют другие сюжетные линии, связанные с революцией в 1917 г., военными действиями, гибелью людей, историей любви. Над всем повествованием звучит голос автора как высшая степень познания сути явлений жизни и смерти и их взаимосвязанности. Мир эмоций, чувств, переживаний у И. Л. Муравьевой «не отделен от мира вещей, но пронизывает собой историю, всю предметную и социальную реальность. И сами чувства достигают такой пронзительности, что истощают, опустошают, выжигают души тех персонажей, которых автор проводит через это испытание» [6, с. 11, 12].

Наиболее близко нашему пониманию коцепта его определение, представленное в «Кратком словаре когнитивных терминов» Е. С. Кубряковой:

«Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых “квантов” знания» [7, с. 90]. По мнению А. И. Вежбицкой, В. А. Масловой, А. В. Рудаковой, описание концепта осуществляется путем анализа его толкований в словарях, синонимических связей, ассоциативных реакций, образных переосмыслений, сочетаемости с другими языковыми единицами, паремиологии, текстов разнообразной тематики и высказываний [8, с. 68; 9, с. 51; 10, с. 21].

И. А. Стернин, З. Д. Попова, рассматривая содержание концепта, отмечают, что оно «образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полевому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется прежде всего яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта. Описание осуществляется как перечисление признаков от ядра к периферии по мере уменьшения яркости признака» [11, с. 80].

По мнению Д. С. Лихачева, «концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом» [12, с. 282].

Объединить по семантическому признаку ритмические конструкции нам помогли опорные слова, выделенные в ходе работы.

Концепт «жизнь» представляет прежде всего лексема «жизнь», так как она по своей семантике наиболее приближена к анализируемому концепту. В «Словаре русского языка» понятие «жизнь» толкуется как «существование вообще», «бытие в движении и развитии», «особая форма существования материи» [13, с. 661, 662].

В тексте романа «Барышня» И. Л. Муравьевой 23 стихотворные конструкции включают лексему «жизнь» в составе различных словосочетаний; в них встречается 7 однокоренных лексем ключевого слова-репрезентанта «жизнь». В ритмических конструкциях функционируют следующие лексемы: «жизнь» (сущ.) – 9; «живой» (сущ.) – 1; «живой» (прил.) – 1; «жить» (глаг.) – 4; «пережить» (глаг.) – 1; «пожить» (глаг.) – 1; «прожить» (глаг.) – 2. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, все названные выше языковые единицы входят в состав словообразовательных гнезд «живой», «жить» [14, с. 348–350].

Анализ ритмических компонентов романа позволяет выделить атрибутивные и глагольные словосочетания, включающие ключевое слово концепта «жизнь». Определительные словосочетания с лексемой «жизнь» в качестве зависимых компонентов имеют притяжательные местоимения, указывающие на принадлежность («его жизнь», «своя жизнь»), качественные имена прилагательные, представляющие ее важнейшие свойства («страдальческая жизнь», «настоящая жизнь»), определительные местоимения, характеризующие временные признаки («всю жизнь»). Глагольные словосочетания и предикативные конструкции со словом «жизнь» включают сочетания, в которых «жизнь» выступает как активно действующий субъект: «и все это было пока еще – жизнь». Словосочетания, где лексема «жизнь» выполняет функцию

прямого объекта действия, отражают восприятие жизни: «прожить жизнь», «бояться жизни».

В ассоциативно-смысловое поле ключевого слова концепта «жизнь» входят лексемы, семантически связанные и ассоциативно соотнесенные с ним. Ядро такого поля составляют ключевое слово, лексемы, имеющие общую с ключевым словом корневую морфему, а также лексемы, находящиеся в синонимических отношениях с ключевым словом. Таким образом, языковые единицы «жизнь», «жить», «живой», «пережить», «пожить», «прожить» (однокоренные лексемы) составляют ядро ассоциативно-смыслового поля.

Стихотворные компоненты данной темы характеризуются обилием глаголов и имен существительных (*вернулось, становились, были, лежали, начала, хохотать, смеялся, стало меняться, подружки, уроки, часы у портнихи, театр, концерты* и др.), которые помогают изобразить жизненные реалии. Многие из них входят в состав однородных членов (*были, лежали; голос, тело, запах* и др.). Именно из стихотворных компонентов данной темы мы понимаем, что жизнь для автора – это постоянное движение, житейские дела, суета.

Близки по семантике к слову «жизнь» лексемы «новый», «свежий», присутствующие в ритмических отрывках: «Ему подпевали, и соловей, сперва изумленно замолкавший от этих пустых человеческих звуков, вскоре опоминался и, с *новой*, удвоенной силой рассыпав по саду горячие трели, доказывал скучным, старательным людям, что значит *жить* в небе и быть просто птицей»; «Два дня она провела с мамой и Диной и плакала так много, что сейчас, в этот почти жаркий апрельский день, который еще на рассвете высвободил из влажной и *свежей* земли столько трав и столько смущенных счастливых растений, что сразу же вдруг завершилась весна и тут же настало роскошное лето…» [5]. Обновление воспринимается в романе как неопровержимый признак жизни, что служит основанием для включения лексем «новый» и «свежий» в ассоциативно-смысловое поле («жизнь»).

Лексемы «настать», «становиться», «начинаться», «наступивший» как категории, отражающие начальный этап бытия; лексемы «быть», «сейчас», «теперь», «сегодня», «нынче» как элементы, формирующие представление о настоящем времени, также можно включить в число языковых единиц, репрезентирующих концепт «жизнь». В качестве контекстуальных синонимов выступают и лексемы «появляться», «расти», «нарождаться»: «– Не думать, не думать! – прошептала она в ночную темноту, где что-то назревало внутри снега, волновалось, двигалось и было намного темнее ночной темноты, потому что родилось не в природе, где Бог приказал *нарождаться живому*, а в гуще людей, в гуще снов человеческих. – Не думать об этом!»; «Тогда шел, шел снег и стучали пролетки, а нынче оплакивают Майкла Джексона, который был маленьким черным мальчишкой и звонко пел песни, потом вдруг явился неведомо кто – наверное, ночью явился, украдкой, – убил первым делом мальчишку, перед смертью наобещав ему молочные реки, сахарные горы, дома из попкорна и много игрушек, – убил, закопал, где нога человека отнюдь не ступала (а зверя – подавно!), и вместо убитого *вырос* костлявый, белей алебастра, с приклеенным носом. Сказал, что он – Майкл, фамилия – Джексон. И стали вокруг бесноваться и хлопать. А так все на свете. Все были детьми, попадали под дождик, все рвали цветы и орали от боли. Потом

всех убили и всех закопали. Остались деревья и виды предместий. И главное, так удивительно скоро!» В приведенных компонентах видны особенности функционирования лексем: в первом отрывке лексема «нарождаться» усиливается значением лексемы «живой», утверждая в отрывке семантику «жизни», во втором, напротив, семантика компонента усиливается с помощью контраста между лексемами «убитый» – «вырос» (кстати, переходным этапом, или третьей ступенью бытия, является пограничная между концептами «жизнь» и «смерть» лексема «нет». В этом также проявляется философско-бытийное понимание жизни).

Синонимический ряд «прекрасный», «цветущий», «молодой», «радостный» помогает представить жизнь как счастье: «Тут же начались романы, свидания в березовой, точно хрустальной (настолько нежны были эти стволы, настолько прозрачны зеленые листья), *молоденькой* роще вблизи от купальни, прогулки на велосипедах – причем далеко и всегда под луною, чтоб пахнущий медом и клевером ветер дурманил лицо, и так сильно дурманил, что даже хотелось, зажмурившись, мчаться, мелькая колесами, не разбирая, дорога ли это, земля или небо»; «Раненые офицеры спускались по мраморной лестнице господского дома князей Голицыных, неуверенными шагами выходили в сад, полный душистой росы, и шли по аллеям, белея бинтами на фоне *цветущей* и *радостной* зелени» [5]. Эти синонимы получают положительную коннотацию и входят в ядро ассоциативно-смыслового поля. Можно отметить также лексемы «утро», «лето», «свобода», «праздник», «шум», «кровь», «дети», «младенец», воспринимающиеся как символы жизни. Нередко контраст внутри ритмического компонента способствует выделению контекстного синонима и отнесению его к тому или иному концепту: «Это острое животное чувство, что хорошенький, крепкий, с молочного, нежного цвета щеками, с огромными голубыми глазами *сын* вдруг может умереть, было таким постоянным и так мучило ее, что Таня боялась спать и даже когда оставляла его, оставляла не больше, чем на двадцать-тридцать минут, тут же стремилась обратно, в детскую, туда, где был он и изо всех сил таращил голубые, сосредоточенные на своей младенческой жизни глаза» (лексема «сын» становится членом ассоциативно-смыслового поля концепта «жизнь»).

В ритмических конструкциях зачастую имеет место антонимия концептов «жизнь» и «смерть»: «Я теперь понимаю, как это просто. Сегодня *живешь*, *ходишь*, *дышишь*, а завтра…»; «Она догадалась, что все так на свете. Один *умирает*, другой – сидит *ест*. И мухи – на мертвом лице и *на хлебе*» [5]. Вследствие этого у каждого из концептов могут возникать контекстуальные синонимы («живешь», «ходишь», «дышишь»; «жизнь», «хлеб») и контекстуальные антонимы («умирает» – «ест»).

Не случайно концепт «жизнь» представляют прежде всего спрягаемые глагольные формы, категориальным значением которых является действие как процесс («живешь», «ходишь», «дышишь», «ест»), а также связанные с ними причастия, выражающие признак по действию («пришедший», «уходящий», «наставший»), и отглагольные существительные, обозначающие опредмеченное действие («жужжанье», «подход», «пение», «сражение»).

Таким образом, ассоциативно-смысловое поле ключевого слова концепта «жизнь» составляют следующие лексемы: существительные «утро», «лето», «свобода», «праздник», «шум», «кровь», «дети», «младенец», «сын»,

«жужжанье», «подход», «пение», «сражение»; прилагательные «новый», «свежий», «прекрасный», «молодой», «радостный»; глаголы «настать», «становиться», «начинаться», «быть», «появляться», «расти», «нарождаться», «случиться», «вздыматься», «ходить», «дышать», «хохотать», «шуметь»; причастия «наступивший», «цветущий», «пришедший», «уходящий», «наставший»; наречия «сейчас», «теперь», «сегодня», «нынче».

Концепт «смерть» выражен в тексте произведения И. Л. Муравьевой прежде всего лексемой «смерть» (именует концепт и является смысловым центром). В «Словаре русского языка» понятие «смерть» представлено, в первую очередь, как «прекращение жизнедеятельности организма и гибель его», «прекращение существования человека, животного» [15, с. 211].

Тема смерти затрагивается в 14 стихотворных компонентах, где говорится о Первой мировой войне, например: «чернели чужие далекие земли, и некому было отпеть, схоронить (все делалось быстро, небрежно, устало!)». Однако, заметим, что названная тема обозначена не только в стихотворных компонентах, где представлены эпизоды, связанные с войной: тема смерти в произведении зачастую становится рядом с темой жизни, что подтверждает тленность всего живого: «Пахнет снежной пылью, и дверь растворится. И нет человека, растаял»; «поскольку – не будь их на этом катке – никто и не вспомнил бы даже о смерти»; «пришедшим из праха и в прах уходящим, переполняет его собою, сгрызает, съедает его изнутри, а после, оставив обглоданный остов, свободно уходит, куда ей взбредется» [5]. Кроме того, человек обречен на пожизненные раздумья о смерти, и ее смысл является обратной стороной «вечной» проблемы смысла жизни. Таким образом, тема смерти выступает над основным сюжетом, образуя с другими темами единство, отражающее авторское восприятие сущности бытия.

Анализ ритмических компонентов произведения, в которых присутствуют ключевое слово-репрезентант и родственные ему слова, помогает установить первоначальное число лексических единиц, объективирующих художественный концепт «смерть» в тексте: «смерть» (сущ.) – 3; «умерший» (сущ.) – 1; «мертвый» (прил.) – 1; «умирать» (глаг.) – 2; «умереть» (глаг.) – 5. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, отмеченные лексемы включены в словообразовательные гнезда «смерть», «умереть», «мертвый» [16, с. 128, 595].

Концепт «смерть» представлен следующим «ядерными» единицами: 1) лексемой «смерть»; 2) родственными ей словами: «умерший», «мертвый», «умирать», «умереть»; 3) синонимами: «уход», «тот свет», «чернота», «тьма».

Ближнюю периферию ассоциативно-смыслового поля ключевого слова-репрезентанта указанного концепта формируют также лексемы «кровь», «плоть», «тело», «гниль», «душа», «прах», «череп» как непосредственные элементы процесса, связанные с «умиранием»; глаголы «растаять», «убить», «уходить», «отпеть», «схоронить», «завершиться», «пропасть», «погибнуть», «скончаться»; существительные «убитый», «вдова» (лексемы «убитый», «вдова» указывают на умершего человека и, соответственно, на человека, потерявшего близкого).

Лексема «смерть» реализует свои значения как в составе словосочетаний, так и в составе предикативных единиц. Субъект действия выступает в обобщенно-собирательном значении: «все, кто не умер»; «все мы умрем»;

«чувствует каждый умерший» (в выражении субъекта действия участвуют относительные, личные и определительные местоимения) либо называет определенное лицо: «сын может умереть»; «умер Марко Поло»; «умер, скончался, не стало Юаня» (субъект выражен нарицательными конкретными существительными и именами собственными). Атрибутивные словосочетания также подчеркивают наличие определенного субъекта: «мамина смерть», «мертвое лицо». Как правило, в тексте романа явление смерти понимается автором-повествователем как событие неизбежное, в какой-то мере обыденное (подчеркивается местоимениями «каждый», «все»), а значит, в какой-то степени нивелирующее боязнь смерти. Несмотря на это, само явление смерти связано с тяжелыми переживаниями, отрицательными эмоциями.

В результате влияния языковой личности писателя происходит изменение содержания художественных концептов «жизнь» и «смерть», что определяет их особенность.

Концепты «жизнь» и «смерть» репрезентируются не только базовыми лексемами, связанными однокорневыми морфемами с указанными концептами, но и такими, которые коррелируют с обозначенными ключевыми понятиями только в тексте романа «Барышня», являясь контекстуальными синонимами и антонимами, а значит, речь идет об изменении семантики ключевых слов.

В семантической структуре художественных концептов «жизнь» и «смерть» содержатся языковые единицы, позволяющие говорить об индивидуально-авторском понимании сущности бытия, помогающие обнаружить специфику идиостиля И. Л. Муравьевой, ее мировосприятие.

В идиостиле И. Л. Муравьевой содержание концепта «жизнь» намного сложнее содержания концепта «смерть» (бездуховное начало, исключающее движение, развитие).

Таким образом, исследование концептов «жизнь» и «смерть» в тексте романа И. Л. Муравьевой «Барышня» позволяет проникнуть в художественный мир писателя, а также определить особенности его речестилевой системы.

Библиографический список

1. **Мукаржовский, Я.** Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. – М. : Прогресс, 1967. – 560 с.
2. **Маршак, С.** Воспитание словом / С. Маршак. – М. : Советский писатель, 1964. – 584 с.
3. Муравьева, Ирина Лазаревна // Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Муравьева,_Ирина_Лазаревна
4. **Блок, А.** Судьба Аполлона Григорьева / А. Блок // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. Проза 1903–1917. Очерки, статьи, речи / А. Блок ; под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – М. ; Л. : Государственное изд-во художественной литературы, 1962. – 800 с.
5. **Муравьева, И.** Барышня : роман / И. Муравьева. – М. : Эксмо, 2010. – 352 с.
6. **Эпштейн, М.** Власть души, или Похвала сентиментализму / М. Эпштейн // Мы простимся на мосту : роман / И. Муравьева. – М. : Эксмо, 2011. – 320 с.
7. **Кубрякова, Е. С.** Концепт / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой // Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
8. **Вежбицкая, А. И.** Язык. Культура. Познание. Текст / А. И. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1999. – 416 с.

9. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
10. **Рудакова, А. В.** Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2002. – 369 с.
11. **Попова, З. Д.** Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
12. **Лихачев, Д. С.** Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1993. – 342 с.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. – 1-е изд., стереотип. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – Т. 1. А–Й. – 964 с.
14. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 854 с.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. – 1-е изд., стереотип. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – Т. 4. С–Я. – 1088 с.
16. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 2. – 885 с.

References

1. Mukarzhovskiy Ya. *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok: sb. st.* [Prague linguistic club: collected articles]. Moscow: Progress, 1967, 560 p.
2. Marshak S. *Vospitanie slovom* [Fostering with a word]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1964, 584 p.
3. *Wikipedia*. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Murav'eva,_Irina_Lazarevna
4. Blok A. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 5. Proza 1903–1917. Ocherki, stat'i, rechi* [Collected works: in 8 volumes. Vol. 5. Prose of 1903–1917. Essays, articles, speeches]. Eds. V. N. Orlov, A. A. Surkov, K. I. Chukovskiy. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1962, 800 p.
5. Murav'eva I. *Baryshnya: roman* [Baryshnya: novel]. Moscow: Eksmo, 2010, 352 p.
6. Epshteyn M. *Vlast' dushi, ili Pokhvala sentimentalizmu*. [The power of soul, or Praise to sentimentalism]. Moscow: Eksmo, 2011, 320 p.
7. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 245 p.
8. Vezhbitskaya A. I. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie. Tekst* [Language. Culture. Cognition. text]. Moscow: Russkie slovari, 1999, 416 p.
9. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Linguistic culturology: teaching aid for universities]. Moscow: Akademiya, 2001, 208 p.
10. Rudakova A. V. *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitology and cognitive linguistic]. Voronezh: Istoki, 2002, 369 p.
11. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and cognitive language analysis]. Voronezh: Istoki, 2007, 250 p.
12. Likhachev D. S. *Kontseptosfera russkogo yazyka* [Concept sphere of Russian language]. Moscow: Nauka, 1993, 342 p.
13. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 volumes]. 1st ed., stereotip. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1957, vol. 1, A–Y, 964 p.
14. Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Word-building dictionary of Russian language: in 2 volumes]. Moscow: Russkiy yazyk, 1985, vol. 1, 854 p.

15. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 volumes]. 1st ed., stereotip. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1957, vol. 4, S–Ya, 1088 p.
16. Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka : v 2 t.* [Word-building dictionary of Russian language: in 2 volumes]. Moscow: Russkiy yazyk, 1985, vol. 2, 885 p.

Болотская Маргарита Павловна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра русского языка и методики преподавания русского языка, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Bolotskaya Margarita Pavlovna
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, sub-department of Russian language and methods of Russian language teaching, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: margarita_bolotskaya@mail.ru

Зуенкова Анастасия Олеговна
учитель русского языка и литературы, МБОУ СОШ № 30 г. Пензы (Россия, г. Пенза, ул. Мира, 62)

Zuenkova Anastasiya Olegovna
Teacher of Russian language and literature, Secondary School № 30 of the city of Penza (62 Mira street, Penza, Russia)

E-mail: anastasya.emelyanenkowa@yandex.ru

УДК 81’23
Болотская, М. П.
Вербализация концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле И. Л. Муравьевой (на материале текста романа «Барышня») / М. П. Болотская, А. О. Зуенкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 122–131. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-13

УДК 8(47) 82
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-14

Г. Е. Горланов

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПОСТИЖЕНИИ ГЕНЕЗИСА «НЕЗЕМНОГО» В СТИХОТВОРЕНИИ «1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Рассматривается одно из загадочных стихотворений М. Ю. Лермонтова. Автор исследования считает обоснованным использование термина «лермонтовский человек», который вбирает в себя функции понятия «лирический герой» и «авторское «я»». В такой совокупности можно глубже и объективнее выявить процесс самопознания Лермонтова-поэта, начавшийся в его ранних произведениях. Более того, именно в первый период начинается поэтическое познание мира и определение в нем своего особого места. Воображение юноши влекла к себе таинственность вселенной, противостояние земного и небесного мира. Мотивы Земли и Неба часто встречаются в его лирике. Для решения вопроса, обозначенного в названии статьи, важно остановиться на сложной проблеме постижения поэтом мотива «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня».

Материалы и методы. Основное внимание уделяется исследованию проблемы «неземного» в творчестве поэта. Ее выявление осуществляется на основе исследования конкретного произведения, вынесенного в заглавие статьи, но в некоторых случаях в целях большей аргументированности используются другие поэтические произведения, близкие по теме, а также приводятся в качестве примеров строчки романа «Герой нашего времени».

Результаты. В изображении «неземного», по мнению автора статьи, важное место отводится интуиции, которую активно использует Лермонтов в своем творчестве для постижения истины.

Выводы. Стремление к неземному, необычному лермонтовского человека не стоит связывать с некими мистическими силами. Скорее всего, это творческий порыв, высекающий искру душевного озарения, которая преобразуется в образные метафорические откровения.

Ключевые слова: лирический герой, лермонтовский человек, стихотворение, предвидение, предсказание, мистика.

G. E. Gorlanov

LERMONTOV'S PERSON IN UNDERSTANDING THE GENESIS OF THE "UNEARTHLY" IN THE POEM "ON THE 11th OF JUNE 1831"

Abstract.

Background. One of the mysterious poems of M. Yu. Lermontov is considered in the article. The author of the study considers it reasonable to use the term "Lermontov's person", which incorporates the functions of the concept of "lyrical hero" and "author's I". In such a complex, it is possible to reveal more deeply and objectively the process of Lermontov-poet's self-knowledge, which began in his early works. Moreover, it is in the first period that the poetic knowledge of the world begins and the definition of its special place in it. Imagination of the young man attracted to

himself the mystery of the universe, the opposition of the earthly and heavenly world. The motifs of the Earth and Sky are often found in his lyrics. To address the issue identified in the title of the article, it is important to dwell on the complex problem of comprehension by the poet of the motive "unearthly" in the poem "1831 June 11 Day".

Materials and methods. The author of the article focuses his attention on the study of the "unearthly" problem in the poet's work. Its identification is carried out on the basis of the study of a specific work, which was made into the title of the article, but in some cases other poetic works similar in theme are used for greater reasoning, and are also cited as examples of the novel "The Hero of Our Time".

Results. In the image of "unearthly", in the author's opinion, an important place is given to intuition, which Lermontov actively uses in his work to comprehend the truth.

Conclusions. The desire for an unearthly, unusual Lermontov man should not be associated with certain mystical forces. Most likely, this is a creative impulse, cutting a spark of spiritual illumination, which is transformed into figurative metaphorical revelations.

Key words: lyrical, hero, "Lermontov person", poem, prediction, prophecy, mysticism.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «1831-го июня 11 дня» – одно из самых загадочных лирических произведений. Состоит оно из тридцати двух восьмистишных строф. В каждой из них строго соблюдается стихотворная схема, в которой первые четыре строчки имеют перекрестную рифмовку, а следующие четыре – параллельную (abab ccdd). Здесь собрались разные мысли и чувства поэта, образ которого выражает не столько лирический герой, сколько лермонтовский человек, в обобщающем образе которого выступает и мыслящий мечтатель, и эмоциональный романтик, и предсказатель. В нем произошел философский синтез лирического, психологического и гражданского свойств характера. Все строфы не связаны между собой единой сюжетной линией и одной какой-либо идеей. Каждая строфа важна сама по себе и выражает определенную мысль, некоторые из них стали программными для всего творчества. По этой причине авторы, пишущие о Лермонтове, охотно используют стихи в качестве эпиграфов или названий в статьях и книгах. Отдельные строчки стихотворения «1831-го июня 11 дня» вошли в число афористических изречений. Вот некоторые из сгустков мысли рассматриваемого стихотворения: «Холодной буквой трудно объяснить // Боренье дум» [1]; «Неведомый пророк // Мне обещал бессмертье» [1, с. 354]; «Так жизнь скучна, // Когда боренья нет» [1, с. 359]; «Лишь в человеке встретиться могло // Священное с порочным» [1, с. 360]; «Мысль сильна, // Когда размером слов не стеснена» [1, с. 362].

Разумеется, в строфах стихотворения имеются элементы биографического характера, присущие лирическому герою, и все-таки справедливее говорить о лермонтовском человеке. Термин «лирический человек» впервые ввел в употребление в середине двадцатого века исследователь Д. Е. Максимов в книге «Поэтика Лермонтова» [2]. В 2012 г. в Московском государственном областном университете защищена кандидатская диссертация по названной теме [3]. В нашу задачу не входит теоретическое обоснование этого литературоведческого понятия – полагаем, что Д. Е. Максимов убедительно

доказал необходимость его существования. Употребление термина особенно приемлемо при рассмотрении стихотворения «1831-го июня 11 дня».

В анализируемом шедевре Лермонтова образ лермонтовского человека при всей его конкретности необычайно обобщен, он получился сложным, не столько типическим, сколько индивидуализированным. Всякий раз мы видим именно Лермонтова с его конкретной трагической биографией. Лермонтовский человек в художественном отношении выступает как средство самовыражения и самопознания автора. В сложном его характере выделяется трагическое начало, объясняемое реальными биографическими моментами: детство без материнской ласки, частые разногласия между бабушкой и отцом.

Сам автор к этому стихотворению относился бережно: три строфы (1, 2, 5) помещены в «Странном человеке» и три строфы (22, 24, 25) – в поэму «Литвинка». Допускается такое перемещение потому, что каждая отдельная строфа, или реже две рядом стоящие, выполненные как бы разными цветными стихотворными камушками, создают свое специфическое содержание.

Проблем, поставленных поэтом в стихотворении, много, каждая из них важна в понимании идейно-художественного своеобразия как отдельно взятого стихотворения, так и всей лирики Лермонтова в целом. Для решения вопроса, обозначенного в названии статьи, важно остановиться на сложной проблеме постижения поэтом мотива «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня». По своей философской значимости оно значительно выделяется из всего наследия поэта сосредоточением в рамках одного произведения особо значимых для того времени (1830–1831) мировоззренческих размышлений поэта. Отмечу также, что выделенные в соответствующие строфы мысли окажутся по мере роста мастерства создателя в зрелый период более совершенными в художественном отношении. Развитие их найдет завершение в «Думе» (1838), «И скучно и грустно» (1840), «Пророке» (1841), «Родине» (1841), «Выхожу один я на дорогу» (1841).

Лермонтовский герой – это человек мысли и действия, стремящийся знаменовать своим творчеством каждый день пребывания на земле: «Я каждый день // Бессмертным сделать бы желал» [1, с. 359]. То есть прославить каждый земной день своего существования, хотя он мысленно понимает, что такое стремление эгоистично и не возвеличивает личность, но в какой-то степени приближает к идеалу. Подобное копание в собственном «я» делает лермонтовского человека способным на самопознание.

В первых строфах стихотворения он показан в поисках собственного «я», предстает как своеобразный исследователь своего пребывания на земле в будущие и в прошлые века. В поисках «чудесного» душа поэта, по его собственному признанию, «с детских лет // Чудесного искала». В своих мечтах лирический герой, забывая порой о Земле, пребывал в иной жизни, где возникали иные образы, не похожие на те, которые имеются в реальной жизни. Овеществленные в условных воображениях поэта «предметы мнимой злобы и любви» [1, с. 353] приобретали странные, неведомые ранее, фантастические очертания. Он, «встревоженный печальною мечтой», порою путает эти состояния духа. В таких случаях процесс познания еще более усложняется.

С воображаемой неземной орбиты лермонтовский человек легко опускается на грешную Землю с ее светскими салонами, с их обольщениями и любовью. В такой ситуации появляется художественный контраст небесного

и земного, проявляющийся в теме любви. Любовь лермонтовского человека – это чувство страстное, требующее неимоверного напряжения душевных сил и интеллектуальных возможностей. Подобная страсть, отсутствующая у обычных смертных землян, скорее, характеризует воображаемых неземных жителей вселенной. Созданный литературный образ сам называет свои чувства греховными, оценивает их как «порок» и видит «корень мук в себе самом» [1, с. 360]. Все потому, что «Лишь в человеке встретиться могло // Священное с порочным» [1, с. 361]. Природа в данном случае тоже особенная: с бескрайними пустынями, «ветром меж нагих холмов», с «коршуном в небесной вышине». Здесь «тени облаков», «резвые табуны»… Все эти реальные и воображаемые видения выплывают из прошлой жизни, они существуют в прошедшем измерении, изображаются не в настоящее время, а как якобы было когда-то, во времена жизни во внеземной цивилизации.

Стихотворение, написанное 11 июня 1831 г., вмещает в себя много странного и необъяснимого с точки зрения здравых логических рассуждений. Смелые и неожиданные решения загадочных фактов часто высказывают люди творческого труда в разных сферах человеческой жизни. Писатель славянофильского направления А. С. Хомяков, размышляя об открытиях, пришел к интересному выводу о том, что не только строгими научными расчетами, но и с помощью поэтического воображения и творческой интуиции можно «угадывать истину» [4].

А вот еще одно признание известного литературного критика В. Г. Белинского относительно выдвинутой проблемы: «Все талантливое тотчас оценивается каким-то инстинктом, а незаконные и устарелые авторитеты исчезают, как дым, сами собою», – делился он своими жизненными наблюдениями [5]. Интуиция необходима для открытий в науке, технике, в разных видах искусств. Логическое объяснение такого творческого озарения невозможно, хотя, казалось бы, наука в двадцать первом столетии шагнула далеко вперед, по сравнению с тридцатыми годами XIX в.

Лермонтов, как известно, не был политиком, не входил и в число ученых историков, но, будучи первоклассным поэтом, обладал чувством интуиции. По крайней мере он в начале XIX столетия предсказал революцию 1917 г., пытаясь выразить ее результаты в конкретных образных деталях в шести строфах стихотворения «Предсказание». По мнению поэта начала девятнадцатого века, эта революция принесет много горя россиянам. По этой причине он назовет этот год «черным годом» для России [1, с. 257].

Предвидение Лермонтова, как показала история, сбылось. Каким образом можно объяснить такое, говоря словами самого поэта, «предсказание»? Может быть, он обладал телепатическими способностями? Были и такие гипотезы. Предположить можно всякое, точных же, наукой обоснованных данных для объяснения этого феномена у лермонтоведов нет, отсутствуют обстоятельные мемуарные и архивные источники, подтверждающие их убедительными аргументами.

Правда, остались упоминания о необычном взгляде поэта, которым он приводил «в смущение того, на кого он смотрел долго. Лермонтов знал силу своих глаз и любил слушать и мучить людей робких своим долгим и пронзительным взглядом» [6]. Далее И. И. Панаев приводит конкретный случай, произошедший с приятелем его М. Я. Языковым, который не выдержал дол-

гого пронзительного взгляда Лермонтова и вынужден был покинуть комнату. До этого случая они не встречались друг с другом.

Внимательно перечитывая строчки, написанные 11 июня 1831 г., невольно думаешь, что Лермонтов прожил свою жизнь, зная или догадываясь о своей прошлой и будущей жизни. Если бы даже он и хотел забыть о прошедшей внеземной жизни («Виденья прежних лет толпятся предо мной» [1, с. 362]), ему не дозволено это совершить, ибо прошедшее «незабвенно» [1, с. 355]. Лермонтовский человек, постигая законы земной цивилизации, приходит к выводу: «Душа моя должна прожить в земной неволе // Недолго…» [1, с. 334].

Не всякому смертному суждено вспоминать «виденья прежних лет», а вот Лермонтов обладал такими возможностями. Познавая самого себя, он открывает тайны такого необычного состояния духа. Вот потому и признается он: «Узами земными я не связан, // И вечностью и знанием наказан» [2, с. 76]. Однако такой дар судьбы вовсе не радует поэта, он расценивает его как наказание.

Вникая в проявление интуитивных особенностей Лермонтова, отмечаешь его специфическую особенность, рожденную образным мышлением и не связанную с безотчетно неосознанным открытием. Интуиция в стихотворении «11 июня 1831-го года» – чисто художественная, возникшая в результате длительного творческого труда. Только после того, как поэт образно выражает свою гипотезу, невольно поверишь в его предсказание и в теорию переселения человеческих душ. Любопытно было бы на крыльях воображения попутешествовать во времени, заглянуть вслед за автором стихотворения «Гроб Оссиана» (1830) в далекую Шотландию XIII в., побывать в гостях у загадочного предка Михаила Юрьевича. Во времена язычества подобные легендарные путешествия души в нереальной сфере, условно говоря, могли бы сбыться. «Когда человек умирает, – пишет знаток славянской народной мифологии А. Н. Афанасьев в “Поэтическом воззрении славян на природу”, – душе его предстоит далекое и многотрудное странствование, чтобы достигнуть светлого неба и водвориться там, в блаженных селениях» [7].

В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» есть загадочная фраза, записанная главным героем Печориным в дневнике: «В первой молодости моей я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы…» (IV, 129). Цитированная фраза предлагает читателю задуматься о второй молодости. Ведь у всякого смертного она одна, а вот лермонтовский человек, оказывается, одну жизнь уже прожил, вторая же воспринимается им как пройденный этап. То есть пребывание его на целебных водах вторичное. Ему не составляет особого труда вспомнить: «…я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» (IV, 130). Логика рассуждений подводит нас к затасканному за многие годы и необъяснимому термину «мистицизм».

Рассуждая о своей судьбе в стихотворении «1831-го июня 11 дня», поэт отмечает в ней много необычного. Прошедшие века подтвердили его твердую уверенность в своем таланте: «мой гений веки пролетит». Более двух веков пролетело с той поры, а читатели, и не только в России, чтят Лермонтова и цитируют его стихи. Не ошибался он в «Предсказании» революции в России

в 1917 г. Проделанные им разыскания способствовали отысканию своих родословных корней по отцовской линии в Шотландии. Интуиция подсказывала наличие родословных линий с английским поэтом Байроном.

Можно только удивляться детальному предсказанию дуэли (пистолеты, место поединка, условия своей «кровавой смерти») в романе «Герой нашего времени». Правда, в данном случае с некоторой оговоркой: убит не Грушницкий, под фамилией которого подразумевается реальный Н. С. Мартынов, а Печорин – Лермонтов. Во-вторых, подтвердился рисунок Лермонтова, иллюстрирующий момент предсказанной «дуэли», когда до свершения всех необходимых условий дуэли Мартынов в упор стреляет в Лермонтова, не успевшего соскочить с лошади на землю.

Прежде всего он разгадал свое будущее, оттого-то и страдает (28 строфа), что предвидел свою раннюю смерть, особенную, не похожею на кончину большинства других людей:

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец… [1, с. 361].

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом… [1, с. 361].

Подтверждение почти полностью сбылось. Убит он был в упор Мартыновым, когда подъехал на своем Черкесе к месту назначенной дуэли. Это одна гипотеза относительно предполагаемой дуэли. Другая часть лермонтоведов сходится на традиционной версии – случившейся дуэли, на которой был убит Лермонтов. Хоронили «на диком берегу ревущих вод», как и писал поэт 1831-го 11 июня, вдали от родимых Тарханских мест – пророческие слова из анализируемого стихотворения. Оказалась «могила без молитв и без креста» [1, с. 361]. О «кровавой могиле», упомянутой автором стихотворения, можно говорить со всей уверенностью. Рубашка убиенного вся была пропитана кровью…

Мартынов с Васильчиковым взяли на себя большой грех, пуская по Пятигорску слух о якобы совершенной дуэли, которой на самом деле не было [8, 9]. Эта несправедливость, которая была предугадана раньше, более всего терзала душу поэта: «И как я мучусь, знает лишь творец». Первый биограф поэта П. А. Висковатый не напрасно писал о реакции жителей Пятигорска, желающих мстить Мартынову за подлое убийство поэта [10].

Мгновенную смерть автора цитируемого стихотворения подтверждает медицинское «Свидетельство № 35-й» врача Барклая-де-Толе о характере прохождения пули по телу Лермонтова, приведшего к мгновенной смерти [10, с. 387]. Эти официальные данные подтверждены были подписью врача и гербовой печатью с указанием города Пятигорска и с записанной датой 17 июля 1841 г. Приведенный в качестве примера эпизод подтверждает наличие элементов автобиографизма, формирующих составную часть понятия «лермонтовский человек».

Такую нерадостную картину предскажет Лермонтов за десять лет до реальной расправы – 1831-го июня 11 дня. До нас, к сожалению, не дошли

конкретные сведения, объясняющие причины написания такого странного стихотворения с конкретным годом, месяцем и числом.

В 28 строфе есть одно утверждающее резюме: «И не забыт, умру я». Конечно же, не забудут его в родном краю, бабушка пошлет на Кавказ своих людей, дядьку Лермонтова А. И. Соколова и кучера И. Н. Вертюкова, они отыщут могилу с памятным камнем и привезут останки в Тарханы 21 апреля 1842 г. Здесь уже Елизавета Алексеевна, будто бы догадываясь о деталях кровавого бандитского убийства, похоронит внука по всем христианским традициям: в церкви Михаила Архангела, с отпеванием (грех на себя возьмут местные священники) и воздвижением креста. В этой случившейся судьбе, в контексте сказанного, нужно понимать суждение «в родной стране» той памяти, которую, выдумав, распространяли «чуждые края».

Труднее объяснить любовную тайну, о которой знал только поэт. Он обращается к ней: «Со мною не умрешь: моя любовь // Тебя отдаст бессмертной жизни вновь» [1, с. 354]. Как известно, Лермонтов многим девушкам посвящал стихи, благодаря которым они, как и автор посвящений, приобрели известность. Нет смысла называть их по именам и фамилиям. Главное, поэт оказался прав в своих интуициях: с его именем благодарные читатели называют и их имена. В лермонтоведении появилось понятие «мотив любви». Обессмертил Лермонтов многих женщин, которым посвящал стихи: «С моим названьем станут повторять // Твое: на что им мертвых разлучать?» [1, с. 354].

В продолжение своих пророчеств в 29 строфе он, выдвинув предположение о том, что «все проклянут и память» о нем, как бы поправит себя и уточнит, называя одного «ангела любви»: «Пророчество припомнит ум ее, // И взор теперь веселый и живой, // Напрасной отуманится слезой» [1, с. 361]. Известие о гибели автора стихотворения «1831-го июня 11 дня» потрясло многих. А вот кто «не увлечется мнением», официальным мнением, что «это не убийство**,** а честный поединок»? С быстро бегущем временем растет число сторонников, осуждающих вымысел Мартынова и Васильчикова о «честном поединке», дуэльном честном поединке. Пророчества поэта продолжают убеждать в правоте стихотворного воображения и дошедших до нас рисунков поэта.

Стремление к неземному, необычному лермонтовского человека не стоит связывать с некими мистическими силами. Скорее всего, это творческий порыв, высекающий искру душевного озарения, которая преобразуется в образные метафорические откровения. Такое озарение дается только гениальным провидцам. Лермонтов относится к их числу.

Библиографический список

1. **Лермонтов, М. Ю.** Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. – М. : Художественная литература, 1964. – Т. 1. – 332 с.
2. **Максимов, Д. Е.** Поэзия Лермонтова / Д. Е. Максимов. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 266 с.
3. **Милованова, Т. С.** «Лермонтовский человек» как философский и социокультурный феномен в русской литературе первой половины 1830-х годов : автореф. дис. … канд. филол. наук / Милованова Т. С. – М., 2012. – 24 с.
4. **Хомяков, А. С.** Сочинения : в 2 т. / А. С. Хомяков. – М., 1994. – Т. 1. – С. 41.
5. **Белинский, В. Г.** Стихотворения Лермонтова / В. Г. Белинский // М. Ю. Лермонтов в русской критике : сб. ст. / вступ. ст. и примеч. Д. Зонова. – М. : Гослитиздат, 1951. – 295 с.

6. **Панаев, И. И.** Литературные воспоминания / И. И. Панаев. – М. : ГИХЛ, 1950. – 472 с.
7. **Афанасьев, А. Н.** Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1994. – Т. 3. – С. 279.
8. **Горланов, Г. Е.** Уготованная участь. Роман-исследование / Г. Е. Горланов. – Пенза, 2008. – 202 с.
9. **Горланов, Г. Е.** Была ли дуэль? / Г. Е. Горланов // Сура. – 2009. – № 3. – С. 156–163.
10. **Висковатый, П. А.** Михаил Юрьевич Лермонтов. Биография / П. А. Висковатый. – М. : Захаров, 2004. – 416 с.

References

1. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964, vol. 1, 332 p.
2. Maksimov D. E. *Poeziya Lermontova* [lermontov's poetry]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964, 266 p.
3. Milovanova T. S. *«Lermontovskiy chelovek» kak filosofskiy i sotsiokul'turnyy fenomen v russkoy literature pervoy poloviny 1830-kh godov: avtoref. dis. kand. filol. nauk* ["Lermontov's person" as a philosophical and sociocultural phenomenon in the Russian literature of the first half of 1830s: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Moscow, 2012, 24 p.
4. Khomyakov A. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow, 1994, vol. 1, p. 41.
5. Belinskiy V. G. *M. Yu. Lermontov v russkoy kritike: sb. st.* [M.Yu. Lermontov in the Russian critics: collected articles]. Moscow: Goslitizdat, 1951, 295 p.
6. Panaev I. I. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow: GIKhL, 1950, 472 p.
7. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic views od Slavs on the nature: in 3 volumes]. Moscow, 1994, vol. 3, p. 279.
8. Gorlanov G. E. *Ugotovannaya uchast'. Roman-issledovanie* [The settles fate. A novel-study]. Penza, 2008, 202 p.
9. Gorlanov G. E. *Sura*. 2009, no. 3, pp. 156–163.
10. Viskovatyy P. A. *Mikhail Yur'evich Lermontov. Biografiya* [Mikhail Yuryevich Lermontov. Biography]. Moscow: Zakharov, 2004, 416 p.

Горланов Геннадий Елизарович
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания литературы, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: metlit-pgpu@yandex.ru

Gorlanov Gennadiy Elizarovich
Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of literature and literature teaching methods, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 8(47) 82

Горланов, Г. Е.

Лермонтовский человек в постижении генезиса «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня» / Г. Е. Горланов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 132–139. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-14

П Е Д А Г О Г И К А

УДК 37.01
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-15

А. А. Гагаев, П. А. Гагаев

О ЧЕЛОВЕКЕ, ВЕРЕ И ВОСПИТАНИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящее время в научно-педагогической и общественно-педагогической среде обсуждается проблема взаимодействия религиозных институтов и государства. Проблема не решена и на теоретическом уровне. Природа религиозного чувства, его связь с другими базовыми характеристиками человека, религия и светская школа – эти и другие вопросы нуждаются в теоретическом осмыслении. В работе даются контуры теории решения обозначенной проблемы.

Материалы и методы. Осмысление проблемы ведется на основе субстратной рефлексии, согласно которой в предмете постижения удерживается его множественная основа и его внутренняя собранность (А. А. Гагаев).

Результаты. В работе религиозное чувство трактуется как базовая характеристика психики человека, влияющая на все другие его способности (нравственное чувство, интеллект, креативность и пр.). Обосновывается необходимость введения в содержание среднего образования сегмента, представляющего религиозное чувство как базовую черту психики человека. Дается общая характеристика указанного образовательного сегмента (светско-культурологическая основа курса, понятие мира как иррационального, как обращенного к человеку и др.).

Выводы. В старших классах средней школы на светско-культурологической основе необходимо читать курс о базовой способности человека «Религия и человек».

Ключевые слова: человек, изначальность, религиозное чувство (вера), базовая способность, генезис, воспитание, учебный курс.

A. A. Gagaev, P. A. Gagaev

ON THE MAN, FAITH AND EDUCATION

Abstract.

Background. The issue of the interaction between religious institutions and the state is widely discussed in the scientific and social pedagogical environment nowadays. The problem has not been solved at the theoretical level either. Such issues as the nature of religious feeling, its relation to other basic human characteristics, religion, and secular school and many others still lack theoretical understanding. The paper suggests some outlines of the theory of solving the given problem.

Materials and methods. Comprehension of the problem is based on the substratum reflection, according to which the object of comprehension retains its manifold foundation and its internal concentration (A. A. Gagaev).

Results. The paper treats the religious feeling as the basic feature of the human psyche that affects all his other abilities (the moral sense, intelligence, creativity,

etc.). It proves the necessity of introducing a component that represents the religious feeling as the basic feature of the human psyche into the content of secondary education. It also gives the general description of such an educational component (secular and cultural basis of the course, the concept of the world as the irrational, as something addressing the person, etc.).

Conclusions. It is necessary to teach a course in the basic human ability "Religion and Man" on the secular and cultural basis in high school.

Key words: man, origin, religious feeling (faith), basic ability, genesis, education, training course.

Принципы (религии) необходимы
для сохранения людского рода.

Вольтер

Человек и религия. Вера человека и его воспитание. Поразмышляем над этими важными для современного человека вопросами. Опираться будем на субстратную рефлексию [1]. Согласно ей предмет познания постигается как многоосновная реалия, внутренне самостоящая в себе и в этом вопрошающая к познающему.

Изначальность

Человек – существо религиозное. Этот факт не оспаривается ныне и в естественнонаучном сообществе. Страх смерти, интуиция своей неодинокости в мироздании, морфология человеческого мозга, персонифицирующаяся вселенная, другое некое (версии религиозности могут быть самыми различными) сделали человека религиозно мыслящей субстанцией. «Религиозная вера, – пишет один из специалистов в обсуждаемой области, – неотъемлемая часть человеческой натуры, и она будет возникать в любом конкретном обществе с такой же определенностью, как и любые другие наши унаследованные инстинкты» [2, с. 167].

Человек изначально (с момента появления на планете) поверил в свою неодинокость, свою сыновность (тварность), свою избранность в мироздании и свою – боговдохновенную – миссию. Человек изначально поверял и поверяет свое бытие религиозным чувством (человек творил и творит религиозный культ). История человечества, включая современность, подтверждает этот факт. Вера может быть разной (в Бога, богов, в Бога доброго, злого, в Бога вмешивающегося в жизнь человека, Бога, оставляющего человека, в светлое будущее, в научный прогресс и др.), главное – она всегда присутствует в человеческой среде. Присутствует как ее основание, как то, без чего человек не может существовать.

Базовая способность

Вера – основание бытия человека. Религиозность – базовая способность человека как формы жизни на планете.

Человек способен жить с себе подобными (социальная способность человека). Человек способен на рациональной (интеллектуально-логической) основе постигать себя и мир (рефлексия как способность человека). Человек способен к деятельности (целеполаганию, проектированию действий, отбору

последних, движению к поставленной цели и пр.). В той же мере, как и названными (базовыми для него) реалиями, человек одарен и способностью ощущать свою неодинокость, свою тварность, свою бесконечность и свою предназначенность к чему-то высоко-высокому (одаренность религиозной способностью).

Религиозность есть приятие бытия как тварного, как *разумного*, как такого, какое не противопоставлено человеку, не направлено против него, но напротив, открыто ему своими возможностями и ресурсами (включая и возможность преодоления смерти). Религиозность есть наполнение мира смыслом (разумом). Религиозность есть освоение мира, преобразование его из чуждой для себя в родную и принимаемую реалию. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею…» (Бытие. 1: 27–28). Древние евреи выразили переживаемое всеми людьми на планете ощущение сыновнего единства своего с мирозданием.

Без Бога (без богов), без переживания *смысла всего и вся* не существовало ни одно человеческое сообщество. Не существовало и не существует. Бог (осмысление бытия как разумного в основе своей) *не умирает* для человека. Ницше был не прав, утверждая смерть Бога для европейских народов в XIX столетии. Бог в человеческом сознании исторически облекается в разные формы – философию, политику, искусство, науку, потребление и др. Некогда отчетливо об этом писал Л. Фейербах. «Если философия должна заменить религию (а она заменила религию для многих европейцев в XVIII–XX вв. – примечание авторов), то философия, оставаясь философией, должна стать религией, она должна включать в себя в соответствующей форме то, что составляет сущность религии, должна включить преимущества религии» [3, с. 390]. Сущность религии, по Фейербаху, – «сердце человеческое» [3, с. 388]. Вера есть переживание человека, сокровенное переживание, такое, что составляет смысл, средоточие его бытия как думающей и чувствующей субстанции. В основе этого переживания – единство человека и бытия, обращенность последнего к человеку, поддержание последним человека. Как бы человек ни стремился оставить это переживание, отказаться от него – оно (переживание) не оставляет его в его драматической истории и сопровождает его во всех его перипетиях и заблуждениях.

Каков генезис религиозности? На этот вопрос надо пытаться дать ответ, дабы разобраться в сущности искомой реалии. Полагаем, генезис религии не таков, каким он видится представителям рационалистической мысли. Согласно М. Альперу, одному из материалистически мыслящих современных ученых, религия возникает как адаптация рода людей к страху смерти [2, с. 211, 212]. Смерть как неизбежное и побудила человека, вернее его мозг, изыскать режим поведения, снимающий страх смерти как разрушающее человека начало. Таким режимом и стало поведение принимающего Бога (богов) духовного существа.

Уязвимы воззрения Альпера и близких ему исследователей проблем религиозной антропологии в разделении тезиса о понимании человека как одной (всего одной) из форм жизни на планете, задача которой – выживание, и не более того. Феномен человека – явление куда как более сложное, чем он

сам (человек). Мэтью Альпер и другие ученые рационалистического подхода, ища постижения человека, не видят всего мироздания, всего происходящего на планете Земля, т.е. того, что и есть *истина*. Истина есть не адаптация человека к жизни с рефлексией, а *все и вся* (положение, восходящее к В. Соловьеву), в коем и человек с его рефлексией лишь ступень к некоему. Приведенное суждение о человеке как реалии, каковая (есть) больше, чем она сама, разделялось мыслителями прошлого (авторами мифов и эпосов, создателями мировых религий), Сократом и Платоном, Б. Паскалем и И. Кантом, В. И. Вернадским и П. Т. де Шарденом и другими выдающими представителями рода человеческого. Наиболее отчетливо эту мысль выразил Блез Паскаль: «Человек бесконечно выше человека» [4, с. 110].

Человек обрел рефлексию (развился его мозг). Рефлексия сама по себе (без сопровождающего ее чувства тревоги) явно выражает собою некое в мироздании. Рефлексия не адаптация. Во всяком случае не только и не столько адаптация. Рефлексия несет в себе печать бытия *всей* вселенной в ее полноте и сложности. Рефлексирующая субстанция (разумное существо) движется к обретению опыта вневременного (бесконечного; в этом уже проявляется духовное), персонификации, к отвечанию за все и вся, соборности, различению в себе добра и зла, единению всего и вся и прочему, не поддающемуся рациональному осмыслению. Рефлексия, как и инстинкт, связывает индивида со всем и вся. И связывает столь крепко и глубоко, как не связывает никакой инстинкт.

Рефлексия как выражение всего и вся, всего и вся как иррационально-бесконечного и порождает религиозное чувство. Вернее, рефлексия открывает в человеке его связь со всем и вся, в другой стилистике – открывает в нем чувство Бога (богов). Полагаем, об этом пишет в своих исследованиях и один из современных нейробиологов Эндрю Ньюберг («Ум, имеющий мистические способности…» – характерная для его трудов стилистика [5, с. 191]).

Генезис религиозного чувства и объясняет его базовый статус в отношении психики человека. Религиозные переживания вводят человека как существа рефлексирующего в его подлинное бытие – бытие вневременной персонифицирующейся – Боговой – вселенной.

Вопрос о том, такова ли вселенная, какой она видится религиозному сознанию, для нас в настоящей работе не существен. Бог (феномен Бога в восприятии человека) есть то переживание, каковое указывает на нечто несомненно *существующее*, воздействующее на человека и являющееся ему в исторически выверенных им (внятных для него) формах. Данная трактовка Бога (персонифицированной вселенной) нам достаточна для того, чтобы двигаться в направлении поставленных задач в исследовании.

Преимущества

Религиозность в качестве базовой характеристики человека многое дала ему в его планетной истории. Человек к себе и пришел (в процессе своей эволюции) во многом благодаря своей религиозности. Развернем сформулированное.

Рефлексия (осознание себя) ввела человека в новую для всех форм жизни бытийную реалию. Человек стал *противопоставленным* бытию. Все другие формы жизни через инстинкт обретали единство с бытием. Человек,

в отличие от них, утратил инстинкт как доминанту в осуществлении своего поведения и обрел разум, или свободу выбора в той или иной жизненно значимой ситуации. Обретение указанной реалии и противопоставило человека в отношении бытия. Он и оно (бытие) стали равновеликими. Бездна открылась человеку. Ужас объял его. Враг – могучий и безжалостный – рядом с ним. И нет возможности избежать с ним встречи. Разрешение неразрешимого и произошло через рождение в человеке религиозного чувства. Было ли это эволюционной адаптацией homo sapiens (чисто нейрофизиологическое явление; Мэтью Альпер и др.) или явлением в нашей психике чего-то объективно-абсолютного (мы придерживаемся второго положения: адаптация всегда есть выражение некоего более общего), важно, что именно религиозное чувство подвинуло человека в его эволюции на место, с коего он мог уверенно продолжить свою миссию на планете. Ощутив в себе голос вселенной (голос Бога, голос богов), человек обрел согласие с самим собою, мирозданием и в этом стал готов к созиданию новой для планеты реалии – человеческого сообщества.

Религиозное мировосприятие для человека стало тем же, что материнская любовь для ребенка. Общепризнанным фактом является положение о том, что ребенок, не получивший в детстве материнской любви, отстает в развитии. Ему трудно общаться с людьми, встречать удары судьбы, ему не интересен мир, люди, ему сложнее, чем другим детям, познавать внешнее и принимать его как себя самого. Примерно это же, полагаем, наблюдается и в отношении возникновения религиозного чувства в психике человека. Религиозно мыслящий и чувствующий человек себя самого ставит в положение, когда все сферы его духовности развиваются благоприятно: и когнитивная, и ценностно-эмоциональная, и волевая, и деятельно-практическая.

Мир не закрыт для меня. Он со мною, он открыт мне. Рядом со мной могучая персонифицированная вневременная сила. Она многое требует от меня, но она и бережет меня. Бережет и для того, чтобы через меня высоковысокое свершить в мире, преобразовать его на светлых началах, внести в него смысл и радость. Вот эти и подобные переживания сопровождают человека с момента появления его на планете и поддерживают в нем лучшие его качества, те, каковые принято считать подлинно человеческими: склонность к рефлексии, стремление к познанию, способность к удержанию всего и вся, различение добра и зла, чувство ответственности за все и вся, комплиментарность (любовь) ко всему живому, соборность, стойкость, дерзновенность, смирение, деятельный характер и др.

Религиозное чувство стало для человека ориентиром в его планетных странствиях. Оно – и прежде всего оно – безошибочно вело его в его дерзновениях и заблуждениях. Без него *людской род не сохранился бы* (нами использовано в измененном виде выражение Вольтера [6, с. 381]). Не сохранился бы, ибо человек превратился бы в монстра [6, с. 382], близкого человеку только своей способностью осознавать свои поступки, но не нести ответственность за них перед самим собой (Бог, по Вольтеру, есть табу, накладываемое человеком на самого себя).

Преимущества религиозного бытия в сравнении с атеистическим отмечают и современные исследователи. Нравственная чистота, устойчивость против суицидальных переживаний, внимание к семье, детству, искание вы-

сокого долга в жизни – это и другое важное фиксируется социологами, социальными психологами, специалистами в области медицины в отношении людей, религиозно мыслящих и чувствующих (Мэтью Альпер, Эндрю Ньюберг, Джозеф Кэмпбелл, Харольд Кениг и др. [2, 5, 7, 8]).

Религия не мешает человеку осуществлять и научную деятельность. И этому можно найти подтверждение в наблюдениях больших ученых. Так, П. Т. де Шарден отмечает, что именно *религиозная проницательность* помогла человеку в эпоху Просвещения постигать тайны мира [9, с. 166]. Религиозно чувствующий человек мыслит категорией *единства всего и вся* и своим *личным* участием в бытии мира. Он не противопоставляет себя миру как некое другое по отношению к нему, а в себе готовится услышать биение его жизни (феномен интуитивно-религиозного мышления). Это-то и дарит человеку глубокую проницательность. Полагаем, о чем-то подобном думал П. Т. де Шарден, когда писал очерк развития философской мысли в Европе.

В развитие мыслей П. Т. де Шардена заметим, что большинство ученых прошлого и значительное число настоящего идентифицировало и идентифицирует себя людьми верующими.

Подчеркнем: формулируемое нами о религии и ее воздействии на развитие человека дается не в связи с теми или иными конкретно-историческими процессами, а в контексте общей истории человечества и в отношении среднестатистического представителя рода людей. Религия на протяжении эволюции нашего вида на планете *в целом* играла и играет положительную роль. В этом вывод данной части нашей работы.

Вера и воспитание

Как в воспитании относиться к религиозной стороне бытия маленького человека? Вопрос важен и для всего человечества, и для нашей страны в частности.

На Западе обсуждаемая проблема исторически всегда была значимой. «В теоретических дискуссиях о религиозном образовании в Западной Европе на протяжении десятилетий большое внимание уделяется вопросам религиозной и теологической детерминированности образования и педагогики» [10, с. 10]. В нашей стране в силу ее истории проблема религиозного бытия человека и образования носила и носит последовательный политический характер.

Исходя из вышеприведенных положений о религиозной стороне бытия человека, правомерным видится положение о том, что воспитание как социальный институт не может игнорировать религиозное чувство как одну из базовых способностей всякого из людей. В детстве индивид *должен* получить религиозное воспитание. Оно (религиозное воспитание) есть колыбель его психики. В нем душа его раскрывается отчетливо и полно. В вере человек обретает свою неистребимую связь со всем и вся и прежде всего с самим собою как дитятей вселенной (Бога).

В детстве человек открывает в себе искание чего-то запредельного, высоко-высокого, в детстве его душа мятется, что-то слышится ей и в себе самой и вовне, некое ее влечет к себе, влечет настойчиво. Душа наша в детстве слышит в себе то, что Августин и Паскаль, Данте и Шарден, Пушкин и Достоевский определяли как глас Божий (в светской стилистике – голос Вселен-

ной). В этот период детской душе показаны встречи с умным педагогом, каковой сможет объяснить и интерпретировать происходящее с нею (объяснить на светско-человековедческой основе). Сможет объяснить и поддержать естество развития психики маленького человека (что вовсе не означает навязывание ему того или иного религиозного мировидения). Поддержать естество развития психики означает укрепить в ее (психики) когнитивных структурах семантики иррационально-вселенского статуса [11], укрепить и в этом обогатить ее (обогатить смыслами, каковые суть основа многих и многих глубоких интуиций).

Полагаем, наша страна вполне готова к тому, чтобы без излишней политизации приступить к осмыслению приведенного антрополого-психологического положения и разрешению объективно возникшей в XX столетии социально-культурной и социально-психологической проблемы – вытеснения религиозного мировоззрения из жизни русского человека и, как следствие этого, снижения его духовно-творческого потенциала.

Религиозное воспитание должно быть соотнесено прежде всего с материнской для ребенка религиозной традицией. Человеческий мозг – в этом нейрофизиологи правы – несет в себе память об опыте многих предшествующих поколений людей и потому предрасположен Бога (богов) воспринимать в виде, характерном для определенной культурно-исторической традиции (что, к слову, вовсе не является аргументом в пользу нейрофизиологической природы веры). Откликается дитя на близкие ему (со стороны генетики) религиозные вопрошания и чувства.

Материнская вера, отцовское восприятие образа жизни верующего человека – основание религиозного воспитания дитяти. В России это православная вера, мусульманская религия, буддистское мировосприятие.

Первый опыт приобщения к материнской религии получать следует в семье.

А вот что делать (отечественной) школе как государственному институту воспитания в связи с проблемой религиозного просвещения индивида? Школе надлежит принять – и самое активное участие – в решении этой проблемы. Таков наш тезис. Таков, несмотря на то что, по Конституции, наша страна – Российская Федерация – является светским государством.

Школа может остаться светским учреждением и вместе с тем послужить тому, чему она обязана служить как институт воспитания юношества. Школа – в этом наша мысль – может и должна предоставить маленькому человеку опыт *знакомства* с религией как социокультурной реалией в истории человечества. Школа на профессионально-педагогической основе должна актуализировать перед своими воспитанниками самостоятельный учебный курс «Религия и человек» (так в первом приближении называем эту дисциплину). Задачей этого *светско-человековедческо-культурологического* курса является ознакомление обучающегося с фундаментальной характеристикой человека в его земной истории.

Конституирующими понятиями данного курса являются мир как иррациональное, мир как обращенное к человеку, мир как выражение некоего персонифицированного и обращенного к человеку, человек как существо тварное, человек как ступень к некоему высоко-высокому, человек как существо религиозное, миссия человека на планете и в космосе, религия отцов,

религии мира. Совокупность этих содержательно-гносеологических реалий обеспечивает понимание индивидом его собственной религиозно-мистической природы как представителя рода homo sapiens.

Методологией курса должны стать рефлексии, основывающиеся на положениях классической идеалистической философии (феноменологической, субстратной, интуитивно-логической, религиозно-логической и др.) и русского вселенско-планетарного естествознания (воззрения на веру и науку, мироздание и познавательную деятельность человека М. В. Ломоносова, Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского и других отечественных ученых).

Курс «Религия и человек» читается как альтернатива идеологии (методологии) естественнонаучных дисциплин в школе. Читается не на конфронтационной, а на комплиментарной основе. Это возможно. Возможно, если предмет обсуждения не та или иная сторона бытия, а *все* оно, все в его полноте и сложности. Обращение к этому предмету и порождает здоровый скепсис ученого (сомнения в возможности все и вся объяснить на рациональной основе) и смирение пред таинством открывающегося человека (обращение к мистическому восприятию мироздания). «Правда и вера суть две сестры родные, дщери одного Всевышнего родителя: никогда между собою в распрю прийти не могут…» – некогда утверждал М. В. Ломоносов [12, с. 488]. Правда (истина, в том числе научная) не может быть противоположна вере, по мнению мыслителя. Правда (истина) и есть то, что укрепляет человека *в разумности* происходящего в нем и во внешнем мире. Это суждение (эта семантика) должно стать методологией защищаемого нами курса.

Курс читается параллельно с естественнонаучными дисциплинами. Наука и религия в содержании курса трактуются как стороны одного большого человеческого знания, одновременно пересекающиеся и не пересекающиеся по тем или иным основаниям [13].

Курс читается в старших классах, в возрасте, когда мировоззрение обучающегося в основах своих сложилось, когда индивид в состоянии взглянуть на самого себя и, не теряя некое в себе, по-иному принять свою духовность.

Усвоивший курс воспитанник вводится в миры альтернативного рационалистическому восприятию мира и человека – миры мистико-идеалистического понимания бытия и человеческого сообщества. Данное введение и служит, в нашем прочтении, поддержанию в психике индивида ее базовой составляющей – иррационально-вселенского отношения к себе самой и внешней среде.

Курс, разумеется, читается не обычным учителем. Учитель России глубок знаниями – он наследует традицию советского учительства. Но и среди учителей школы России доверить чтение предлагаемого курса можно не всякому. Кому можно? Тому, кто выделяется особо глубокими знаниями (большое знание смиряет человека; мысль А. С. Хомякова [14, с. 511]). Тому, кто религиозен (тому, чье мышление иррационально, светло мистично и соответственно кто может, не напрягаясь и не фальшивя, являть существенное в религиозном чувстве). Тому, кто не фанатик (в религиозном чувстве). Тому, кто ответствен в особой степени за духовное и физическое здоровье детей (кто не преступит черту между прочтением светско-культурологического курса и исправлением какого-либо культа). Где найти такого учителя? Среди учителей России. Он был среди них в советское время (такой, как В. А. Сухомлин-

ский), Он есть и ныне. Государству нужно только заметить его, поддержать в стремлении приобрести необходимые знания и не мешать ему в решении намеченной задачи.

Предлагаемый курс послужит раздвижению границ гносеологического опыта воспитуемых. И в советское время, и, что более возмутительно, в наше время когнитивное развитие обучающихся осуществлялось и осуществляется в рамках лишь одной гносеологии (в советское время – марксистско-ленинской, в наше время – рационально-позитивистской). Следствием этого является однобокое развитие интеллектуально-познавательной сферы человека. Предлагаемый нами курс при его прочтении в школе в определенной мере снимет обозначенную проблему.

Каким бы ни стал для воспитанника актуализируемый нами опыт (принимаемым, не принимаемым обучающимся), в целом он послужит *общему обогащению* психического бытия юного человека. Когнитивная, эмоционально-отношенническая, волевая, деятельностно-практическая сферы личности последнего под воздействием возникающего иррационально-идеалистического взгляда на мироздание раздвинутся в своих границах и в этом создадут условия для роста духовности человека.

В заключение заметим: курс «Религия и человек» не может быть заменен никаким другим предметом (образовательным опытом). Он фундаментален. Фундаментален как курс математики, родного языка, физики и других дисциплин, выражающих базовые характеристики бытия человеческой духовности.

Библиографический список

1. **Гагаев, А. А.** Теория и методология субстратного подхода в научном познании / А. А. Гагаев. – Саранск : МГУ им. Н. П. Огарева, 1994. – 47 с.
2. **Альпер, М.** Бог и мозг: научное объяснение Бога, религиозности и духовности / М. Альпер. – М. : Эксмо, 2013. – 444 с.
3. **Фейербах, Л.** Необходимость реформы философии // Сочинения : в 2 т. / Л. Фейербах. – М. : Политическая литература, 1991. – Т. 2. – С. 388–392.
4. **Паскаль, Б.** Мысли / Б. Паскаль. – М. : Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
5. **Ньюберг, Эндрю.** Тайна Бога и наука о мозге / Эндрю Ньюберг, Юджин Д.'Аквили, Винс Рауз. – М. : Эксмо, 2013. – 320 с.
6. **Вольтер.** Назидательные проповеди / Вольтер // Мир философии : в 2 ч. – М. : Политическая литература, 1991. – Ч. 2. – С. 381–386.
7. **Campbell, J.** Myths to Liwe By / J. Campbell. – New York : Viking Press, 1972. – 287 p.
8. **Koenig, H. G.** The Healing Power of Faith / H. G. Koenig. – New York : Simon & Schuster, 1999. – 145 p.
9. **Тейяр де Шарден, П.** Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 232 с.
10. **Крылов, А. Н.** Проблемы религиозного образования в Западной Европе / А. Н. Крылов // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 9–16.
11. **Гагаев, А. А.** Педагогика невмешательства / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. – СПб. : Алетейя, 2014. – 283 с.
12. **Ломоносов, М. В.** Полное собрание сочинений : в 11 т. / М. В. Ломоносов. – М. ; Л. : АН СССР, 1954. – Т. 5. – 747 с.
13. **Васильев, Н. А.** Воображаемая логика. Избранные труды / Н. А. Васильев. – М. : Наука, 1989. – 264 с.

14. Антология педагогической мысли России первой половины XIX века / под ред. М. И. Кондакова, Ю. К. Бабинского. – М. : Педагогика, 1987. – 560 с.

References

1. Gagaev A. A. *Teoriya i metodologiya substratnogo podkhoda v nauchnom poznanii* [The theory and methodology of substrate approach in scientific cognition]. Saransk: MGU im. N. P. Ogareva, 1994, 47 p.
2. Al'per M. *Bog i mozg: nauchnoe ob"yasnenie Boga, religioznosti i dukhovnosti* [God and mind: scientific explanation of God, religiousness and spirituality]. Moscow: Eksmo, 2013, 444 p.
3. Feyerbakh L. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow: Politicheskaya literatura, 1991, vol. 2, pp. 388–392.
4. Paskal' B. *Mysli* [Thoughts]. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 1995, 480 p.
5. N'yuberg Endryu. ,'Akvili Yudzhin D., Rauz Vins *Tayna Boga i nauka o mozge* [The mystery of God and studies on brain]. Moscow: Eksmo, 2013, 320 p.
6. Vol'ter. *Mir filosofii: v 2 ch.* [The world of philosophy: in 2 parts]. Moscow: Politicheskaya literatura, 1991, part 2, pp. 381–386.
7. Campbell J. *Myths to Liwe By*. New York: Viking Press, 1972, 287 p.
8. Koenig H. G. *The Healing Power of Faith*. New York: Simon & Schuster, 1999, 145 p.
9. Teyyar de Sharden, P. *Fenomen cheloveka* [Human phenomenon]. Moscow: Ustoychivyy mir, 2001, 232 p.
10. Krylov A. N. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2013, no. 2, pp. 9–16.
11. Gagaev A. A., Gagaev P. A. *Pedagogika nevmeshatel'stva* [Pedagogy of noninterference]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2014, 283 p.
12. Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t.* [Complete collection of works: in 11 volumes]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1954, vol. 5, 747 p.
13. Vasil'ev N. A. *Voobrazhaemaya logika. Izbrannye trudy* [Imaginary logic. Selected works]. Moscow: Nauka, 1989, 264 p.
14. *Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii pervoy poloviny XIX veka* [Anthology of pedagogical thought in Russia in the first half of XIX century] Eds. M. I. Kondakov, Yu. K. Babinskiy. Moscow: Pedagogika, 1987, 560 p.

Гагаев Андрей Александрович
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: gagaev2012@mail.ru

Gagaev Andrey Aleksandrovich
Doctor of philosophy, professor, head of sub-department of humanitarian disciplines, Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

Гагаев Павел Александрович
доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gagaevp@mail.ru

Gagaev Pavel Aleksandrovich
Doctor of pedagogical sciences, professor, sub-department of pedagogy and psychology, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 37.01
Гагаев, А. А.
О человеке, вере и воспитании / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 140–150. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-15

УДК 378.4-057.87
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-16

Л. В. Масленникова, Д. В. Окунев, С. Э. Майкова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ УНИКАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящее время одним из приоритетных направлений высшего образования является усиление роли научной деятельности университетов, фундаментальных и прикладных исследований в подготовке высококвалифицированных конкурентоспособных кадров. Целью работы является идентификация факторов формирования научной компетентности студентов и особенностей эффективной интеграции образования и науки в исследовательских университетах.

Материалы и методы. В качестве методов структуризации категориального аппарата исследования был выбран ретроспективный контент-анализ, факторный анализ для идентификации факторов интеграции науки и образования в исследовательском университете.

Результаты. В исследовании проведена систематизация категориального аппарата, применяемого при изучении научной компетентности студентов. Определены условия эффективной интеграции науки и образования и идентифицированы факторы формирования уникальных научных, научно-практических компетенций обучающихся исследовательских университетов. Дана оценка результатам интеграции научно-исследовательской деятельности и образовательного процесса в исследовательских университетах Российской Федерации.

Выводы. Теоретическая значимость заключается в разработке научно-обоснованного подхода к формированию научной компетентности на основе интеграции науки и образования. Практическая значимость исследования определяется универсальностью применения предложенных рекомендаций в рамках процесса обучения по различным направлениям подготовки в исследовательских университетах.

Ключевые слова: научная компетентность, профессиональная компетентность, исследовательский университет, интеграция образования и науки, формирование научной компетентности обучающихся.

L. V. Maslennikova, D. V. Okunev, S. E. Maykova

IDENTIFICATION OF FACTORS OF UNIQUE SCIENTIFIC COMPETENCES DEVELOPMENT IN STUDENTS OF RESEARCH UNIVERSITIES

Abstract.

Background. Currently, one of the priority areas of higher education is the strengthening of the role of scientific activity of universities, fundamental and applied research in the preparation of highly qualified competitive personnel. The purpose of the work is to identify the factors of the formation of scientific competence of students and the features of effective integration of education and science in research universities.

Materials and methods. As methods of structuring the categorical research apparatus, retrospective content analysis, factor analysis for identification of the factors of integration of science and education in the research university was chosen.

Results. The study systematizes the categorial apparatus used in studying the scientific competence of students. The conditions for the effective integration of science and education are determined, and the factors determining the formation of unique scientific, scientific and practical competencies of students of research universities are identified. The results of the integration of research activities and the educational process in the research universities of the Russian Federation are assessed.

Conclusions. The theoretical significance lies in the development of a scientifically grounded approach to the formation of scientific competence based on the integration of science and education. The practical importance of the study is determined by the universality of the application of the proposed recommendations within the learning process in various areas of training in research universities.

Key words: scientific competence, professional competence, research university, integration of education and science, formation of scientific competence of students.

Введение

В современной экономике знаний исследовательские университеты относятся к числу главных субъектов развития высшего образования [1, с. 32]. В новой технологии обучения проявляются преимущества таких университетов, в кадровый состав которых входят высококвалифицированные специалисты различных научных направлений. Только в этом случае возможна интеграция науки и образования, отвечающая требованиям высокой активности и интенсивности обучения. Отличительным признаком такого университета становится способность генерации нового научного знания на основе широкого спектра фундаментальных и прикладных исследований [2, с. 111]. Создание базовых кафедр на ведущих предприятиях, внедрение новых информационных технологий, привлечение преподавателей-практиков позволит студентам национальных исследовательских университетов (НИУ) эффективно участвовать в научно-исследовательской работе. В этой связи основной задачей современной системы образования в исследовательских университетах должна стать разработка концепции обучения, которая позволит не только сформировать общекультурные и профессиональные компетенции, но и обеспечить развитие научной компетентности. С этих позиций исследование является весьма актуальным и своевременным.

Выделенная проблема требует дополнительного исследования, которое будет направлено на разработку методических основ формирования научной компетентности обучающихся исследовательских университетов на основе влияния факторов, обеспечивающих уникальные условия ее создания.

Материал и методика

Одной из главных современных тенденций в мировой образовательной практике является компетентностный подход к обучению. Его родоначальниками являются ученые стран Европейского Союза [3–7]. Они ввели в профессиональный терминологический оборот понятия «компетентность» и «компетенции». В российской педагогике и психологии подходы к изучению данно-

го проблемного поля широко представлены работами Н. В. Кузьминой, И. А. Зимней, Л. А. Петровской, А. К. Марковой, Л. М. Митиной [8–12] и др.

Новая стадия исследований научных компетенций связана с моделированием взаимодействия науки и образования. Основным результатом таких исследований стала универсальная модель поэтапного и последовательного формирования научных компетенций. Авторы монографии Н. П. Анисимова, В. А. Мазилов, О. В. Ракитина [13] выявляют ряд закономерностей формирования научных компетенций. В частности, авторы указывают, что формирование научно-исследовательских компетенций осуществляется как на основе принципа инвариантности образовательного контента на всех стадиях образования, так и через возникновение новых, специализированных компетенций, которые проявляются на каждой следующей ступени образования. Эти компетенции находятся в непрерывном единстве и интеграции.

Приведенный литературный обзор свидетельствует о достаточно глубокой степени изучения как дидактических, так и методических сторон рассмотрения вопроса о формировании научной компетенции в сфере учебной, научной, исследовательской и инновационной деятельности вуза. Исследуемая проблема формирования научной компетенции рассматривается в частных областях (укрупненных группах подготовки: технических, естественнонаучных, гуманитарных) [1, 14–18]. Целостная система реализации формирования научной компетенции у студентов исследовательских университетов отсутствует. Причиной этого является их дискретность, недостаточная методическая проработанность и отсутствие единой методической системы по формированию научной компетентности у студентов исследовательских университетов.

Учитывая дискретность базиса исследований в изучаемой области, необходимо не только идентифицировать факторы формирования уникальных профессиональных, научных, исследовательских компетенций обучающихся и сотрудников вуза, но и предложить методические основы формирования научной компетентности студентов исследовательских университетов.

Формирование научной компетентности обучающихся на основе интеграции науки и образования в исследовательских университетах позволит подготовить высококвалифицированных специалистов, способных самостоятельно решать сложные профессиональные задачи.

Результаты и обсуждение

Понятие «компетентность» получило широкое распространение в конце 1960-х – начале 1970-х гг. XX в. с появлением специального направления исследований – компетентностного подхода в образовании [19–25]. В современных теоретических и практических исследованиях процесса обучения и его результативности отмечается частое применение категорий «компетенция» и «компетентность». Компетентность подготовленного специалиста реализуется в профессиональных видах деятельности и отражает полученные в ходе обучения способности, знания, умения и навыки. Дж. Равен определяет понятие компетентности как специфическую способность, необходимую для эффективного выполнения конкретного действия в определенной предметной области [19, с. 151]. По его мнению, она включает узкоспециальные знания, особого рода предметные навыки и способы мышления. При этом

следует отметить, что до настоящего времени наблюдается не только смешение, но и отождествление понятий «компетенция» и «компетентность».

Структурный анализ применения в научных исследованиях терминов «компетенция» и «компетентность» позволил сделать заключение: наряду с известными понятиями «знания», «умения», «навыки», включают в свое сущностное содержание свойства и характеристики конкретной личности, ее интеллектуальные качества, черты характера и способности осуществлять умственные операции (анализ, систематизация, обобщение, экстраполяция, прогнозирование).

В современных исследованиях, посвященных педагогике, понятие «профессиональная компетентность», как правило, определяется следующим образом. Это определенная совокупность знаний, умений, объем приобретенных навыков решения задачи. Зачастую данное понятие характеризуется как комплекс знаний и качеств, присущих профессиональной области деятельности, как некий вектор профессионализации, а также как единство теоретической подготовленности и практической способности действовать в профессиональной области с высокой результативностью [1, с. 33].

В терминологическом плане в понятие «профессиональная компетентность» имплантированы представления дифференцированных системных связей с термином «компетентность». Оно обогащено целями, содержанием и применяемыми технологиями обучения. Вектор профессионального обучения направлен не столько на становление ключевых компетентностей специалиста, что является основополагающей задачей образовательной деятельности, сколько на стимулирование роста творческого потенциала, наращивание частных личностных и профессиональных компетентностей составляющих в совокупности профессионализм.

Развитие профессиональной компетентности базируется на фундаментальности и профессиональной направленности процесса обучения [26], интегративном подходе к комплексу учебных дисциплин, используемых для поступательного накапливания необходимых знаний на примерах, непосредственно связанных с будущей профессиональной деятельностью, при этом реализуется принцип, сформулированный еще Леонардо да Винчи: «Когда будешь излагать науку, не забудь по каждым положениям приводить его практическое применение, чтобы твоя наука не была бесполезна» [27].

Важным направлением формирования профессиональной компетентности у студентов вуза является активное участие в исследовательской деятельности. Оно позволяет сформировать научную компетентность как ключевой элемент общей профессиональной компетентности будущего специалиста. Поэтому научная компетентность представляет собой совокупность личностных качеств, позволяющую субъекту профессиональной деятельности составлять достоверную экспертную оценку фундаментальных и прикладных исследований в определенной предметной области.

В настоящее время более перспективным направлением компетентностного подхода является разрабатываемый компетентностно-деятельностный подход. Он основан на формировании комплекса компетентностей в процессе образовательной и научно-исследовательской деятельности вместо простой совокупности знаний, умений и навыков. Основы данного подхода заложены

в работах Л. С. Выгодского, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, И. А. Зимней, Л. В. Масленниковой, Э. В. Майкова [21, 28–31].

Базируясь на компетентностно-деятельностном подходе, следует сделать вывод, что формирование научной компетентности обучающихся должно осуществляться на основе органического сочетания учебной, учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности в образовательном процессе. Наиболее эффективный синтез данных видов деятельности возможен на базе исследовательского университета.

Исследовательский университет должен обеспечить образовательный процесс на основе интеграции передовых образовательных технологий и результатов научной деятельности. Для эффективного решения такой задачи исследовательским университетам необходима интеграция трех взаимосвязанных наборов факторов: 1) концентрация опыта, знаний, талантов – кадровый потенциал университета [32]; 2) финансовые ресурсы, позволяющие создавать высокотехнологичные лабораторные комплексы, осуществлять научно-исследовательскую работу в совокупности с реализацией образовательной функции (государственные источники финансирования, фонд целевого капитала, гранты на исследования, внебюджетные источники финансирования (плата за обучение), доходы от коммерческого использования результатов исследовательской деятельности); 3) эффективный менеджмент, обеспечивающий реализацию образовательного, научно-исследовательского и творческого потенциала коллектива вуза (команда руководителей, стратегическое видение, поддерживающая нормативно-правовая база, академическая свобода, культура академического мастерства, система академической мобильности); 4) инфраструктура научных исследований и разработок вуза, обеспечивающая процесс практического применения результатов интеллектуальной деятельности на практике (научно-исследовательские лаборатории, центры коллективного пользования, технопарки и бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, венчурные фонды и малые инновационные предприятия, информационно-телекоммуникационная инфраструктура).

Главными результатами эффективной интеграции перечисленных факторов будет формирование уникальных научных, научно-практических компетенций бакалавров, магистров, слушателей, позволяющих проводить фундаментальные и прикладные научные исследования мирового уровня, генерировать новые знания, осуществлять их трансфер в технологии и конкурентоспособные наукоемкие продукты, расширять спектр образовательных услуг, разрабатывать и внедрять новые образовательные программы, обеспечивать эффективную интеграцию в мировое образовательное и научное пространство [1, с. 32]. Создание условий для формирования научной компетентности у обучающихся реализуется через непротиворечивое взаимодействие структуры и содержания образовательной и практической деятельности, способствующих созданию осознанной научной картины мира и формированию нового качества мышления. В решении данной задачи НИУ способны максимально эффективно обеспечить синергию научных знаний и образовательной деятельности в образовательном пространстве.

Новое качество научных исследований, их масштаб и сложность, ставшие возможными в результате переоснащения материальной базы, делают необходимым значительную модернизацию структуры и содержания учеб-

ных курсов. Создаются и реализуются образовательные программы в сетевой форме с участием ведущих исследовательских центров и предприятий реального сектора экономики, междисциплинарные и практико-ориентированные по содержанию программы, обеспечивающие формирование уникальной исследовательской компетентности обучающихся. Дополнительные возможности открываются на базе применения электронных образовательных ресурсов, в том числе и дистанционное образование, позволяющее нивелировать географические барьеры в образовательном процессе. Синтез новых возможностей и созданных в современных исследовательских университетах условий образования обеспечит формирование уникального комплекса компетентностей обучающихся и обеспечит повышение их конкурентоспособности.

Создание уникальных условий формирования научной компетентности на основе интеграции научно-исследовательской деятельности и образовательного процесса в исследовательских университетах подтверждают следующие факты. На реализацию программ развития НИУ Российской Федерации в течение 2009–2014 гг. направлено 48 068 млн руб. из федерального бюджета и 20 696 млн руб. собственных средств вузов [33, с. 18]. Для проведения широкого спектра фундаментальных и прикладных исследований и создания уникальных возможностей формирований научной компетентности обучающихся национальные исследовательские университеты израсходовали 77,0 % средств федерального бюджета для обновления материально-технической базы за счет закупки современного научного и учебного оборудования, 10,3 % средств – на развитие информационных ресурсов, 4,5 % – на разработку учебных программ, 4,3 % – на повышение квалификации персонала, 3,2 % – на совершенствование системы управления, 0,6 % – на иные цели.

В 2014 г. по сравнению с 2010 г. общий объем финансирования научных исследований увеличился в два раза: с 17 млрд 733 млн руб. до 36 млрд 326 млн руб., причем в общем объеме научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на 6 % возросла доля опытно-конструкторских работ. В 2014 г. преподавателями, научными работниками, студентами, аспирантами и докторантами НИУ опубликованы 40 020 научных работ в периодике, индексируемой иностранными и российскими организациями (Web of Science, Scopus, РИНЦ), а за период реализации программ развития с 2009 по 2014 г. – 157 272 публикации. Необходимо отметить, что за время реализации программ развития НИУ в 2009–2014 гг. количество индексированных публикаций в среднем на один университет возросло почти в 2,5 раза [33, с. 22]. В целях коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в инновационном поясе НИУ созданы 625 малых инновационных предприятий на 3570 рабочих мест, которыми в 2014 г. выполнены заказы в объеме более 2 млрд 204 млн руб., а за период 2010–2014 гг. – более 12 млрд руб. [34, с. 103].

Одним из ключевых результатов развития НИУ является значительное увеличение включенности обучающихся в реализацию научно-исследовательских проектов. За пять лет реализации проекта их число увеличилось в 1,57 раза и составило 28,5 % от общей численности. Современная материально-техническая база научных исследований обеспечила значительный рост вовлеченности обучающихся в исследовательские проекты различного уровня. Получили распространение такие формы развития научной компе-

тентности, как студенческие научные общества, конструкторские бюро, молодежные инновационные центры, в работе которых задействовано абсолютное большинство обучающихся второй и третьей ступеней высшего образования в РФ.

Выводы

В исследовании идентифицированы факторы, обеспечивающие особые условия формирования научной компетентности в НИУ, выработаны методические аспекты формирования научной компетентности обучающихся исследовательских университетов, основанные на принципах интеграции теоретических и практических исследований, междисциплинарности, системности, научности, последовательности и методах структурно-функционального, системного, категориального анализов, классификации и индивидуальности.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать тот факт, что модель формирования научной компетентности в современном образовании определяет новое качество конкурентоспособного высококвалифицированного работника в современной экономике знаний.

Библиографический список

1. **Окунев, Д. В.** Формирование научной компетентности у студентов национальных исследовательских университетов / Д. В. Окунев, С. Э. Майкова, Л. В. Масленникова // Интеграция образования. – 2015. – № 2 (79). – С. 31–38.
2. **Майкова, С. Э.** Коммерциализация результатов научно-исследовательской деятельности как основной фактор инновационного развития национального исследовательского университета / С. Э. Майкова, И. А. Головушкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4 (24). – С. 110–118.
3. **Bader, R.** Entwicklung Beruflicher Handlungs-Kompetenz in der Berufsschule / R. Bader. – Dortmund : Universität, 1990. – P. 3.
4. **Mertens, D.** Schlüsselqualifikationen. Thesen zur Schulung für eine moderne Gesellschaft / D. Mertens. – Stuttgart ; Berlin ; Keln : Verlag W. Kohlhammer, 1974.
5. **Оскарссон, Б.** Базовые навыки как интегрирующий фактор учебного плана. Оценка качества профессионального образования. Доклад 5 / Б. Оскарссон ; под ред. В. И. Байденко, Дж. ван Зантворта. – М., 2001.
6. **Schelten, A.** Einfbhrung in die Berufspädagogik / A. Schelten. – Stuttgart, 1991. – P. 141.
7. **Shaw, S.** Development of Core Skills Training in the Partner Countries. Subgroup D. Final Report / S. Shaw. – Turin, 1998. – 64 p.
8. **Кузьмина, Н. В.** Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования / Н. В. Кузьмина. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. – 144 с.
9. **Зимняя, И. А.** Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 6. – С. 2–10.
10. **Петровская, Л. А.** Общение – компетентность / Л. А. Петровская. – М. : Смысл, 2007. – 688 с.
11. **Маркова, А. К.** Акмеологическое содержание профессионального становления психолога в сфере образования / А. К. Маркова // Акмеология. – 2003. – № 3 (7). – С. 47–50.
12. **Митина, Л. М.** Психология профессионального развития личности: теоретико-методологические проблемы / Л. М. Митина // Российский научный журнал. – 2010. – № 14. – С. 57–63.

13. **Анисимова, Н. П.** Эффективность научно-исследовательской работы в пед-вузе: бакалавриат, магистратура, аспирантура / Н. П. Анисимова, В. А. Мазилов, О. В. Ракитина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – 131 с.
14. **Брылина, И. В.** Формирование ведущих исследовательских университетов мирового класса в России (на примере томских национальных исследовательских университетов) / И. В. Брылина, А. В. Кузьмина // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 4 (6). – С. 49–58.
15. **Салми, Дж.** Создание университетов мирового класса / Дж. Салми = Salmi, J. The Challenge of Establishing World-Class Universities / J. Salmi. – Washington : World Bank, 2009. – P. 382.
16. **Натырова, Е. М.** Формирование общенаучной компетентности студентов в процессе организации научно-исследовательской деятельности в вузе / Е. М. Натырова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2 (77). – С. 41–44.
17. **Чечулина, Н. А.** Компетентность студента при разработке гранта, научно-исследовательской и научно-практической работы / Н. А. Чечулина, А. С. Лихачев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 1 (15). – С. 131–140.
18. **Скибицкий, Э. Г.** Формирование компетентности начинающего исследователя / Э. Г. Скибицкий // Инновации в образовании. – 2007. – № 9. – С. 80–89.
19. **Равен, Джон.** Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация / Джон Равен. – М. : Когито – Центр, 2002. – С. 396.
20. **Байденко, В. И.** Мониторинговое исследование болонского процесса: некоторые результаты и взгляд в будущее / В. И. Байденко // Высшее образование в России. – 2009. – № 7. – С. 147–155.
21. **Зимняя, И. А.** Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблеме образования? / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 20–26.
22. **Новиков, А. М.** От школы знаний к технологической школе / А. М. Новиков // Педагогический журнал Башкортостана. – 2006. – № 7 (7). – С. 5–17.
23. **Краевский, В. В.** Науки об образовании и наука об образовании (методологические проблемы современной педагогики) / В. В. Краевский // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 77–82.
24. **Сериков, В. В.** Модернизация образования: взгляд с позиции личностно-развивающей модели / В. В. Сериков // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 2. – С. 27–33.
25. **Боликова, Л. Ю.** О соотношении понятий «компетентность» – «компетенция» – «эрудиция» / Л. Ю. Боликова, А. Н. Жалдыбина, Н. Н. Таньков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 190–199.
26. **Масленникова, Л. В.** Взаимосвязь фундаментальности и профессиональной направленности в подготовке по физике студентов инженерных вузов : дис. … д-ра пед. наук / Масленникова Л. В. – Саранск, 2001. – 398 с.
27. **Да Винчи, Л.** Избранные естественнонаучные произведения / Л. да Винчи ; ред., пер., ст. и коммент. В. П. Зубова. – М. : Академия наук СССР, 1955. – 1028 с.
28. **Выготский, Л. С.** Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1983. – С. 123.
29. **Леонтьев, А. Н.** Инновационный потенциал студентов: формы реализации / А. Н. Леонтьев // Актуальные вопросы профессионального образования. – 2014. – Т. 11, № 14 (141). – С. 79–82.
30. **Ананьев, Б. Г.** Интеллектуальное развитие взрослых людей как характеристика обучаемости (к постановке вопроса) / Б. Г. Ананьев // Человек и образование. – 2008. – № 1. – С. 45–53.

31. **Масленникова, Л. В.** Интеграция фундаментализма с профессиональной направленностью в системе высшего технического образования / Л. В. Масленникова, А. П. Фомин, Э. В. Майков // Интеграция образования. – 2000. – № 3. – С. 68–71.
32. **Deem, Rosemary.** Transforming Higher Education in Whose Image? Exploring the Concept of the "World-Class" University in Europe and Asia / Rosemary Deem, Ka Ho Mok, Lisa Lucas // Higher Education Policy. – 2008. – March. – Vol. 21. – P. 83–97.
33. **Жураковский, В. М.** Интеграция образования и науки в национальных исследовательских университетах: системный эффект для российской высшей школы / В. М. Жураковский, А. Б. Воров // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2015. – № 4 (20). – С. 18–27.
34. **Gvozdetskaya, I. V.** System analysis of marketing tools for commercialization of intellectual property items at a national research university / I. V. Gvozdetskaya, I. A. Golovushkin, S. E. Maykova, D. V. Okunev // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – T. 9, iss. 12. – P. 100–109. – URL: http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/download/89527/68132

References

1. Okunev D. V., Maykova S. E., Maslennikova L. V. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education]. 2015, no. 2 (79), pp. 31–38.
2. Maykova S. E., Golovushkin I. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 4 (24), pp. 110–118.
3. Bader R. *Entwicklung Beruflicher Handlungs-Kompetenz in der Berufsschule* [Development of professional competence at vocational colleges]. Dortmund : Universität, 1990, p. 3.
4. Mertens D. *Schlüsselqualifikationen. Thesen zur Schulung für eine moderne Gesellschaft* [Key qualifications. Theses on education of the modern society]. Stuttgart; Berlin; Keln: Verlag W. Kohlhammer, 1974.
5. Oskarsson B. *Bazovye navyki kak integriruyushchiy faktor uchebnogo plana. Otsenka kachestva professional'nogo obrazovaniya. Doklad 5* [Fundamental sciences as an integrating factor of the curriculum. Vocationa education quality assessment. Report 5]. Moscow, 2001.
6. Schelten A. *Einfbhrung in die Berufspädagogik* [Introduction into vocational education]. Stuttgart, 1991, p. 141.
7. Shaw S. *Development of Core Skills Training in the Partner Countries. Subgroup D. Final Report*. Turin, 1998, 64 p.
8. Kuz'mina N. V. *Akmeologicheskaya teoriya povysheniya kachestva podgotovki spetsialistov obrazovaniya* [Acmeological theory of educational specialist training quality improvement]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2001, 144 p.
9. Zimnyaya I. A. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 2012, no. 6, pp. 2–10.
10. Petrovskaya L. A. *Obshchenie – kompetentnost'* [Communication – competence]. Moscow: Smysl, 2007, 688 p.
11. Markova A. K. *Akmeologiya* [Acmeology]. 2003, no. 3 (7), pp. 47–50.
12. Mitina L. M. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian scientific journal]. 2010, no. 14, pp. 57–63.
13. Anisimova N. P., Mazilov V. A., Rakitina O. V. *Effektivnost' nauchno-issledovatel'skoy raboty v pedvuze: bakalavriat, magistratura, aspirantura* [Research efficiency at peda-

gogical universities: bachelor, master, postgraduate]. Yaroslavl: Izd-vo YaGPU, 2012, 131 p.
14. Brylina I. V., Kuz'mina A. V. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve* [Philosophy and humanities in the informational society]. 2014, no. 4 (6), pp. 49–58.
15. Salmi Dzh. *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [Creation of world class universities]. Washington: World Bank, 2009, p. 382.
16. Natyrova E. M. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. 2013, no. 2 (77), pp. 41–44.
17. Chechulina N. A., Likhachev A. S. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Science about humans: humanitarian research]. 2014, no. 1 (15), pp. 131–140.
18. Skibitskiy E. G. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovations in education]. 2007, no. 9, pp. 80–89.
19. Raven Dzhon. *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve. Vyyavlenie, razvitie i realizatsiya* [Competence in the modern society. Identification, development and implementation]. Moscow: Kogito – Tsentr, 2002, p. 396.
20. Baydenko V. I. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2009, no. 7, pp. 147–155.
21. Zimnyaya I. A. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today]. 2006, no. 8, pp. 20–26.
22. Novikov A. M. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical journal of Bashkortostan]. 2006, no. 7 (7), pp. 5–17.
23. Kraevskiy V. V. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 2009, no. 3, pp. 77–82.
24. Serikov V. V. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian pedagogical journal]. 2006, no. 2, pp. 27–33.
25. Bolikova L. Yu., Zhaldybina A. N., Tan'kov N. N. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2016, no. 2 (38), pp. 190–199.
26. Maslennikova L. V. *Vzaimosvyaz' fundamental'nosti i professional'noy napravlennosti v podgotovke po fizike studentov inzhenernykh vuzov: dis. d-ra ped. nauk* [Interrelation of fundamentality and vocational orientation in teaching physics to students of engineering universities: dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Saransk, 2001, 398 p.
27. Da Vinchi L. *Izbrannye estestvennonauchnye proizvedeniya* [Selected natural scientific works]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1955, 1028 p.
28. Vygotskiy L. S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Moscow: Pedagogika, 1983, p. 123.
29. Leont'ev A. N. *Aktual'nye voprosy professional'nogo obrazovaniya* [Topical problems of vocational education]. 2014, vol. 11, no. 14 (141), pp. 79–82.
30. Anan'ev B. G. *Chelovek i obrazovanie* [Person and education]. 2008, no. 1, pp. 45–53.
31. Maslennikova L. V., Fomin A. P., Maykov E. V. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education]. 2000, no. 3, pp. 68–71.
32. Deem Rosemary., Ka Ho Mok, Lucas Lisa *Higher Education Policy*. 2008, March, vol. 21, pp. 83–97.
33. Zhurakovskiy V. M., Vorov A. B. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Vocational education in Russia]. 2015, no. 4 (20), pp. 18–27.
34. Gvozdetskaya I. V., Golovushkin I. A., Maykova S. E., Okunev D. V. *Indian Journal of Science and Technology*. 2016, vol. 9, iss. 12, pp. 100–109. Available at: http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/download/89527/68132

Масленникова Людмила Васильевна
доктор педагогических наук, профессор, кафедра конструкторско-технологической информатики, Рузаевский институт машиностроения (филиал), Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия, г. Рузаевка, ул. Ленина, 93)

E-mail: maslennikova-lv@mail.ru

Maslennikova Lyudmila Vasil'evna
Doctor of pedagogical sciences, professor, sub-department of design and technological informatics, Ruzaevka Institute of Mechanical Engineering (branch) of Ogarev Mordovia State University (93 Lenina street, Ruzaevka, Russia)

Окунев Денис Викторович
кандидат экономических наук, доцент, кафедра теоретической экономики и экономической безопасности, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: okunev_d@mail.ru

Okunev Denis Viktorovich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics and economic security, Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

Майкова Светлана Эдуардовна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра маркетинга, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: maikova_s@rambler.ru

Maykova Svetlana Eduardovna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of marketing, Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

УДК 378.4-057.87
Масленникова, Л. В.
Идентификация факторов формирования уникальных научных компетенций студентов исследовательских университетов / Л. В. Масленникова, Д. В. Окунев, С. Э. Майкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 151–161. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-16

УДК 378.14.015.62
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-17

К. С. Шевырдяева, М. А. Лыгина

ИЗУЧЕНИЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ НА ВЕДЕНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И СФОРМИРОВАННОСТИ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ЗДОРОВЬЮ

Аннотация.

Актуальность цели. В отношении здоровья студенты выделяются в категорию повышенного риска. Основанием для этого является существующее противоречие между необходимостью оптимизировать здоровье студентов и одновременной интенсификацией учебного процесса с целью повышения качества их готовности к профессиональной деятельности.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения педагогической, научно-методической литературы, использования эмпирических методов, таких как анкетирование, беседа, наблюдение, тестирование.

Результаты. Поведена, качественно и количественно обработана первичная диагностика готовности студентов высшего образовательного учреждения к здоровьесберегающей профессиональной деятельности. Проанализированы и обобщены первичные результаты исследования

Выводы. Исходя из анализа полученных эмпирических данных будет построена модель и структура реализации здоровьесберегающих технологий в высшем учебном заведении. На основе первичной диагностики будет разработана программа курса «Здоровьесбережение студентов как основа их учебно-профессиональной деятельности».

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, здоровьесберегающая профессиональная деятельность, здоровьесбережение.

K. S. Shevyrdyaeva, M. A. Lygina

A STUDY OF STUDENT'S ORIENTATION TO MAINTAIN A HEALTHY LIFESTYLE AND THE DEGREE OF DEVELOPMENT OF STUDENTS' VALUE ATTITUDES TOWARDS HEALTH

Abstract.

Background. In health students are allocated to a category of increased risk. The reason for this is the existing contradiction between the need to optimize the activity of higher educational institutions with the aim of preserving the health of students and the simultaneous intensification of the educational process with the aim of improving the quality of their readiness to professional activity.

Materials and methods. Implementation of research tasks was achieved through the study of pedagogical, scientific-methodical literature, using empirical methods such as questionnaire, interview, observation, testing.

Results. The primary diagnostics of readiness of students of higher educational institution for health-saving professional activity has been introduced, qualitatively and quantitatively. The first results of the diagnostics are analyzed and summarized.

Conclusions. The model and structure for the implementation of health-saving technologies in higher education institutions, which is based on the analysis of empirical data will be build. The program of the course "Health of students as the basis of their educational and professional activities" will be developed on the basis of the initial diagnosis.

Key words: health, healthy way of life, health-saving professional activity, health saving.

Проводя анализ психолого-педагогической литературы по проблеме реализации здоровьесберегающих технологий в условиях высшего учебного заведения, можно отметить тенденцию к ухудшению здоровья молодежи, а именно студентов. В первую очередь это связано со сменой социальной ситуации и переходом в учебно-профессиональную деятельность. Зачастую большинство молодых людей не готовы принять для себя новую социальную роль. При переходе на новый этап развития личности студенты сталкиваются с определенными трудностями. В университетах их ожидает большой объем учебной нагрузки, который, как следствие не равномерного распределения времени, приводит к неправильному образу жизни и ухудшению здоровья. В связи с этим студентам необходимо знать определенные нормы здоровья и правила здорового образа жизни (ЗОЖ). Но, к сожалению, не во всех вузах существуют определенные программы и курсы, касающиеся здоровьесбережения студентов.

Главной задачей нашего исследования является первичная диагностика уровней здоровья и здорового образа жизни у студенческой молодежи, на основании которой осуществится разработка программы курса «Здоровьесбережение студентов как основа их учебно-профессиональной деятельности».

На начальном этапе реализации здоровьесберегающих технологий в условиях высшего учебного заведения была проведена первичная диагностика здоровья и здорового образа жизни студентов, которая строилась на взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентах готовности личности к здоровьесберегающей профессиональной деятельности:

– мотивационно-потребностный компонент (представляет формирование потребности в осознанном отношении студентов к здоровью и здоровому образу жизни, устойчивой мотивации овладения навыками самостоятельной деятельности, осознание личностного смысла полученных знаний о здоровом образе жизни);

– когнитивно-ценностный компонент (характеризуется совокупностью знаний о получении, использовании и передаче информации о здоровье и здоровом образе жизни на осознанном уровне развития личности);

– практико-деятельностный компонент (характеризуется комплексом умений и навыков, направленных на реализацию полученных знаний о здоровье и здоровом образе жизни, включает в себя умение применять знание о здоровье и ЗОЖ на практике в знакомой и новой ситуации);

– рефлексивно-оценочный компонент (самостоятельная здоровьесберегающая профессиональная деятельность студента, которая заключается в самоконтроле своего здоровья и здорового образа жизни).

Исходя из определений и структуры компонентов исследования был подобран следующий диагностический инструментарий:

– методика «Выявление ориентации личности студента на ЗОЖ» (модифицированная методика В. И. Андреева);

– анкета «Выявление сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни» (Е. В. Жданов);

– опросник «Отношение к здоровью и здоровому образу жизни» (С. Дерябо, В. Ясвин);

– анкета «Готовность студентов к профессиональной оздоровительной деятельности» (О. Н. Шкитырь).

Исследование проходило на базе Пензенского государственного университета, в нем приняли участие 300 студентов 1 и 2 курса (Педагогического института им. В. Г. Белинского – 100 человек, Политехнического института – 100 человек и Медицинского института – 100 человек).

После количественной и качественной обработки массива данных нами были получены следующие результаты.

Методика «Выявление ориентации личности студента на ЗОЖ».

В ходе обработки и анализа данных по методике была подсчитана сумма баллов за все ответы и по сумме баллов определился уровень ориентации каждого испытуемого, а затем был выявлен общий уровень ориентации, который присущ в целом для всех трех групп студентов. Результаты представлены на рис. 1.

Рис. 1. Уровень ориентации студентов на ЗОЖ (в баллах)

Исходя из представленной диаграммы, можно сделать вывод, что у студентов Педагогического института уровень ориентации на ЗОЖ выше среднего (48 баллов), у студентов Политехнического – средний уровень (37 баллов) и у студентов Медицинского института высокий уровень ориентации на ЗОЖ (51 балл). Исходя из качественного анализа, показатели свидетельствуют о развитости у испытуемых таких личностных качеств, как обязательность, совестливость, общительность, эрудиция, находчивость и целеустремленность.

В целом, исходя из данных, можно сделать вывод о высоком развитии мотивационно-потребностного компонента.

Анкета «Выявление сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни».

В результате обработки данных были получены количественные показатели, которые представлены на рис. 2.

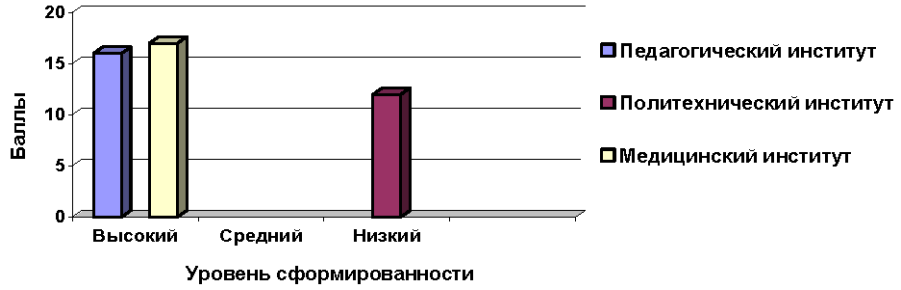

Рис. 2. Уровень сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни (в баллах)

Студентам Политехнического института присущ средний уровень сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни (12 баллов). Их характеризует использование полученных знаний о здоровье и ЗОЖ в повседневной жизни ситуативно, крайне редкое обсуждение вопросов, связанных со здоровьем и ЗОЖ.

Из рис. 2 видно, что для студентов Педагогического и Медицинского институтов характерен высокий уровень сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни (16 и 17 баллов соответственно). Испытуемые дают полную формулировку понятия «здоровье», в подготовке к занятиям активно используют дополнительную литературу по здоровью и ЗОЖ, активно используют знания о здоровье и ЗОЖ в повседневной жизни, также студенты признают практическую необходимость получения знаний о здоровье и ЗОЖ на изучаемых дисциплинах.

Низкого уровня сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни выявлено не было.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что когнитивно-ценностный компонент находится на высоком уровне. Студенты владеют большим количеством знаний о здоровье и ЗОЖ. У студентов в целом сформировано ценностное отношение к здоровью и ЗОЖ.

Опросник «Отношение к здоровью и здоровому образу жизни».

Полученные результаты представлены на рис. 3.

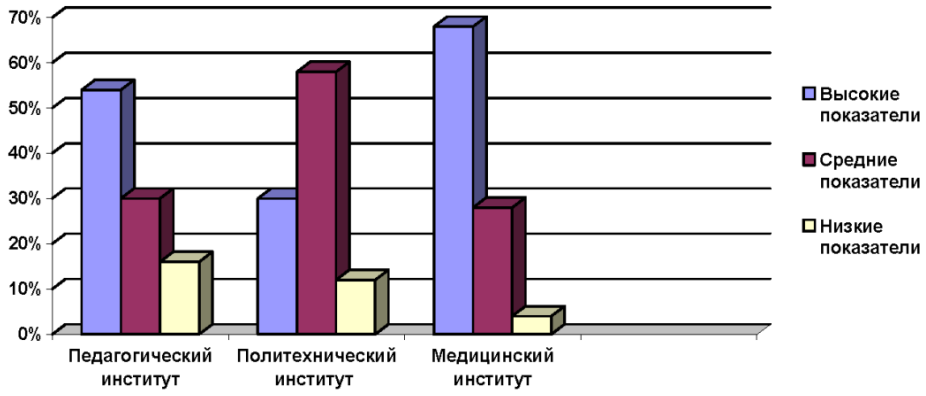

Рис. 3. Отношение к здоровью и здоровому образу жизни (в процентах)

В результате анализа полученных данных можно сделать вывод о том, что высокий показатель отношения студентов к здоровью и ЗОЖ характерен для 54 % выборки в Педагогическом, 30 % выборки в Политехническом и 68 % выборки в Медицинском институтах.

Средний показатель отношения студентов к здоровью и ЗОЖ присущ 30 % выборки в Педагогическом, 58 % выборки в Политехническом и 28 % выборки в Медицинском институтах.

Для 16 % выборки в Педагогическом, 12 % выборки в Политехническом и 4 % выборки в Медицинском институтах характерен низкий показатель отношения к здоровью и здоровому образу жизни.

Делая общий вывод по опроснику, можно сказать, что практико-деятельностный компонент достаточно развит и находится на среднем уровне. Можно предположить, что это связанно с начальным этапом профессиональной подготовки и, возможно, в ходе последующей диагностики будет наблюдаться положительная динамика практико-деятельностного компонента.

Анкета «Готовность студентов к профессиональной оздоровительной деятельности».

Результаты анкеты представлены на рис. 4.

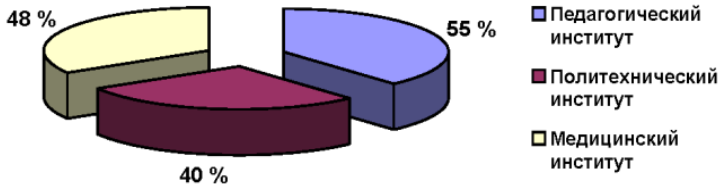

Рис. 4. Уровень готовности студентов к профессиональной оздоровительной деятельности (в процентах)

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что готовность студентов к профессиональной оздоровительной деятельности находится на среднем уровне во всех представленных институтах. Студенты не готовы в полной мере применять на практике полученные сведения в вузе по вопросам здоровья и здорового образа жизни. Из этого следует общий вывод о том, что рефлексивно-оценочный компонент пока еще находится на среднем уровне. Также можно предположить, что это связанно с тем, что студенты находятся пока еще только на начальном этапе своей профессиональной подготовки. Возможно, на старших курсах рефлексивно-оценочный компонент будет развит на достаточно высоком уровне.

Проведенное исследование дает качественную и количественную основу для разработки программы курса «Здоровьесбережение студентов как основа их учебно-профессиональной деятельности».

Таким образом, представленное исследование – это только начальная часть нашей многоуровневой, неоднократной работы по реализации здоровьесберегающих технологий в условиях высшего учебного заведения. Подводя итог исследования по данному аспекту, можно сделать вывод о необходимости системно-деятельностной реализации содержания образовательного процесса вуза, в котором определяющим компонентом является осмысленное отношение студентов к своему здоровью и здоровому образу жизни.

Библиографический список

1. **Сохранов-Преображенский, В. В.** Развитие профессиональных умений студентов в образовательной среде вуза как основа их смыслообразующей профессиональной подготовки / В. В. Сохранов-Преображенский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 162–169.
2. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (действующая редакция, 2016) // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174
3. **Шахова, А. В.** Здоровьесберегающий потенциал образования / А. В. Шахова, Т. В. Челышева, Н. И. Хасанова. – Майкоп : Аякс, 2008. – 145 с.

References

1. Sokhranov-Preobrazhenskiy V. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 3 (27), pp. 162–169.
2. *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii : Feder. zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (deystvuyushchaya redaktsiya, 2016)* [On education in the Russia Federation: the Federal Law from 29.12.2012 № 273-FZ]. ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174
3. Shakhova A. V., Chelysheva T. V., Khasanova N. I. *Zdorov'esberegayushchiy potentsial obrazovaniya* [Health-saving potential of education]. Maykop: Ayaks, 2008, 145 p.

Шевырдяева Ксения Сергеевна
ассистент, кафедра педагогики и психологии, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ksenija-shev@yandex.ru

Shevyrdyaeva Kseniya Sergeevna
Assistant, sub-department of psychology and pedagogy, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Лыгина Марина Аркадьевна
доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: lyginamarinaark@gmail.com

Lygina Marina Arkad'evna
Doctor of philosophy, associate professor, head of sub-department of pedagogy and psychology, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378.14.015.62
Шевырдяева, К. С.
Изучение ориентации студентов на ведение здорового образа жизни и сформированности ценностного отношения студентов к здоровью / К. С. Шевырдяева, М. А. Лыгина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 162–167. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-17

УДК 796-957.815:004
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-18

Е. В. Витун, Н. С. Бакурадзе, Т. В. Нурматова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящее время во всех сферах общественной жизни широко используются различные компьютерные технологии. В связи с этим использование информационно-компьютерных технологий в любой дисциплине образовательного процесса вуза будет являться объективным и закономерным условием. Одним из основных компонентов профессиональной подготовки будущего специалиста становятся вопросы овладения современными информационными и компьютерными технологиями. Целью нашего исследования является поиск наиболее эффективных информационно-компьютерных технологий, которые можно использовать в учебном процессе по физической культуре.

Материалы и методы. К материалам исследования относятся Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по дисциплине «Физическая культура», рабочая программа по дисциплине «Физическая культура» для всех направлений подготовки бакалавриата и специалитета, а также научная литература отечественных и зарубежных авторов по теме исследования. В исследовательской работе были использованы следующие эмпирические методы: наблюдение, опрос, анкетирование, практические тесты.

Результаты. Анкетирование, предложенное студентам, подтвердило наличие у студентов интереса к внедрению в учебный процесс по физическому воспитанию мультимедийного обеспечения, средств компьютерного тестирования, видеосъемки выполняемых упражнений, других средств информационно-компьютерных технологий, которые, по их мнению, повысят мотивацию к учебным занятиям и различным видам физкультурно-спортивной деятельности. Использованные практические тесты по оценке уровня физической и функциональной подготовленности студентов были обработаны при помощи компьютера, что существенно упростило процедуру получения и оценки результатов.

Выводы. Для повышения эффективности занятий по физической культуре в вузе считаем необходимым применение в учебном процессе информационно-компьютерных технологий. Это позволит вывести качество преподавания на более высокий уровень, а также окажет положительное влияние на потребностно-мотивационную сферу студентов к физической культуре.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, физическая культура, информационно-компьютерные технологии, формы физической культуры, физкультурно-спортивная деятельность.

E. V. Vitun, N. S. Bakuradze, T. V. Nurmatova

THE USE OF INFORMATION AND COMPUTER TECHNOLOGIES AT PHYSICAL EDUCATION CLASSES AT UNIVERSITIES

Abstract.

Background. At present, various computer technologies are widely used in all spheres of public life. In this regard, the use of information and computer technolo-

gy (ICT) in any discipline of the educational process of the university will be an objective and logical condition. One of the main components of professional training for a future specialist is the acquisition of modern information and computer technologies. The purpose of our research is to find the most effective information and computer technologies that can be used in the educational process of physical culture.

Materials and methods. The research materials include: the State educational standard of higher professional education in the discipline "Physical Culture", the work program on the discipline "Physical Culture" for all areas of bachelor and specialist training, as well as scientific literature of domestic and foreign authors on the research topic. In the research work the following empirical methods were used: observation, questioning, questioning, practical tests.

Results. The questionnaire offered to students confirmed the students' interest in introducing multimedia support, computer testing tools, video shooting of the exercises of other ICT tools in the educational process of physical education, which, in their opinion, will increase the motivation for training and various sports and sports activities. The practical tests used to assess the level of physical and functional preparedness of students were processed using a computer, which greatly simplified the procedure for obtaining and evaluating the results.

Conclusions. To increase the effectiveness of physical education classes at the university, we consider it necessary to use information and computer technologies in the educational process. The use of ICT in the educational process for physical education will make it possible to improve the quality of teaching to a higher level, and will also have a positive impact on the needs-motivational sphere of students for physical education.

Key words: vocational training, physical culture, information and computer technologies, forms of physical culture, physical culture and sports activities.

Актуальность

В результате создания новой компьютерной техники и других, аналогичных средств информационно-компьютерных технологий (ИКТ) образование приобрело новое качество, связанное в первую очередь с возможностью оперативно получать информацию из любой точки земного шара.

Через глобальную компьютерную сеть Интернет возможен мгновенный доступ к мировым информационным ресурсам (электронным библиотекам, базам данных, хранилищам файлов и т.д.).

Обеспечение образовательного процесса компьютерными программами всегда сопутствовало развитию теоретической и практической мысли по их эффективному использованию в педагогической деятельности [1].

Современные информационные технологии представляют собой соединение процессов, методов поиска, сбора, хранения и обработки информации, а также способы осуществления таких процессов и методов [2].

Современный специалист любого профиля должен легко ориентироваться в свободных потоках, уметь получать, обрабатывать и использовать информацию с помощью компьютеров и других средств информационных технологий.

Информатизация общества влечет за собой необходимость постоянного повышения профессионального уровня в области владения информационными и коммуникационными технологиями будущих специалистов, обучающихся по различным программам бакалавриата и специалитета. Потребность

большинства членов современного общества в познании и реализации возможностей этих технологий для повышения общекультурного и профессионального уровня определяется тем, что производственные и образовательные технологии приобретают все большую зависимость от информационных технологий, на базе которых они создаются и совершенствуются [3, 4].

Отечественными и зарубежными исследователями подчеркивается значимость дисциплины «Физическая культура» в образовательном процессе вуза и ее необходимость наряду с другими учебными дисциплинами [5–8].

Цель нашего исследования – изучить необходимость использования в учебном процессе по дисциплине «Физическая культура» информационно-компьютерных технологий как средства методической поддержки учебного процесса и обосновать необходимость их применения.

Информационные технологии используются в различных учебных дисциплинах вуза, в том числе и в дисциплине «Физическая культура». Применение современных технологий в образовательном процессе вуза стимулирует познавательный интерес у студентов к физической культуре, создавая условия для мотивации к изучению этого предмета, тем самым способствуя повышению качества образования в целом.

Материалы и методы исследования

К материалам исследования относятся следующие: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по дисциплине «Физическая культура», рабочая программа по дисциплине «Физическая культура» для всех направлений подготовки бакалавриата и специалитета, а также научная литература отечественных и зарубежных авторов по теме исследования.

Практическая часть исследования выполнялась с использованием аппаратно-программного комплекса (АПК) «НС-Психотест» (ООО «Нейрософт, г. Иваново»).

В исследовании использовался обзор и анализ научной литературы по выбранной теме, который позволил нам обосновать необходимость использования информационно-компьютерных технологий в учебном процессе по физической культуре. Также были рассмотрены основные формы физкультурно-спортивной деятельности, которые используются в учебном процессе вуза, и возможность применения ИКТ для каждой из этих форм.

Практическая часть исследования, в которой принимало участие 120 студентов первого и второго курса, проводилась с использованием следующих эмпирических методов: наблюдение, опрос, анкетирование.

Кроме того, проводилось тестирование психологического и физиологического состояния студентов с применением информационно-компьютерных технологий.

Результаты и обсуждение

Физическая культура по своей специфике отличается от других дисциплин, и на первый взгляд кажется, что использование информационных технологий в процессе занятий не представляется возможным, потому что основное направление дисциплины – двигательная активность.

Но, тем не менее, задача преподавателя любой дисциплины – создать условия для овладения студентами полноценными знаниями, и, как правило, в любой дисциплине используются общедидактические методические принципы обучения.

Необходимость использования информационно-компьютерных технологий в процессе физического воспитания студентов вызвана потребностью в повышении его качества с помощью применения компьютеров.

Информационно-компьютерные технологии позволяют организовать учебный процесс на новом, более высоком уровне и обеспечивают более полное усвоение студентами учебного материала.

В настоящее время существуют различные разработки, позволяющие использовать компьютерные технологии: создание банка данных показателей здоровья и физических качеств студентов, мониторинг уровня физического и функционального состояния студентов, проектный метод и многое другое.

К сожалению, данные разработки не всегда используются в учебном процессе в достаточной степени.

По мнению исследователей (В. Ю. Волков, М. Н. Гуслова, Ю. Д. Железняк, Л. И. Лубышева и др. [1, 4, 6, 9]), на занятиях физической культурой целесообразно использовать ИКТ в следующих случаях:

– осуществление поиска и сбора информации;

– написание учебных пособий и методических рекомендаций;

– развитие исследовательских способностей студентов (создание проектов, презентаций);

– диагностика (тестирование, экспресс-диагностика, мониторинг полученных данных);

– использование таблиц, графиков, итоговых протоколов при проведении соревнований;

– контроль знаний (компьютерное тестирование изученного теоретического материала).

На наш взгляд, использование информационных технологий на занятиях физической культурой будет способствовать увеличению заинтересованности в занятиях, так как молодежь с увлечением воспринимает все новое.

Кроме того, как было указано ранее, любой учебный процесс осуществляется в соответствии с дидактическими принципами. А одним из основных принципов обучения является принцип наглядности, и применение, например, мультимедийных средств на занятиях по физической культуре поможет более эффективно овладеть техникой изучаемых упражнений.

С учетом вышеизложенного мы предлагаем выделить следующие направления использования информационных технологий в физической культуре в вузе:

– в качестве средств обучения, совершенствующих процесс преподавания и повышающих его эффективность;

– в качестве средств информационно-методического обеспечения и управления учебно-воспитательным и организационным процессом в вузе;

– в качестве средств автоматизации процессов контроля, коррекции результатов учебной и учебно-тренировочной деятельности;

– в качестве средств компьютерного тестирования физического, функционального и психологического состояния занимающегося;

– в качестве средств автоматизации процессов обработки результатов сдачи контрольных нормативов, подведения итогов различных соревнований;

– в качестве средств организации мониторинга физического состояния и здоровья студентов.

Дисциплина «Физическая культура» преподается на протяжении всего периода обучения студентов и осуществляется в различных формах, которые взаимосвязаны, дополняют друг друга и представляют собой процесс физического воспитания студентов.

Существуют различные формы физической культуры, подразделяющиеся на обязательные (урочные) и неурочные.

Основной формой физической культуры в вузе являются учебные занятия, которые планируются учебной программой по всем специальностям вуза.

Учебные занятия могут быть теоретические, практические, контрольные; элективные практические занятия (по выбору) и факультативные.

Отличие учебных занятий от других форм физической культуры в том, что они обязательно проводятся под руководством преподавателя кафедры физического воспитания, проводятся по заранее разработанной программе, по расписанию, контингент занимающихся в одном спортивном зале одинаков по возрасту, полу, уровню физической и функциональной подготовленности.

Кроме того, в высших учебных заведениях получили распространение такие формы организации физкультурно-оздоровительной работы, как группы спортивного совершенствования, массовые оздоровительные, физкультурные и спортивные мероприятия, самостоятельные занятия.

В последние годы широкое распространение получила подготовка и сдача нормативов комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Массовые оздоровительные, физкультурные и спортивные мероприятия направлены на широкое привлечение студенческой молодежи к регулярным занятиям физической культурой и спортом, на укрепление здоровья, совершенствование физической и спортивной подготовленности студентов. Они организуются в свободное от учебных занятий время. К таким мероприятиям можно отнести областной фестиваль студенческого спорта, спартакиады «Первокурсник», «Университет», а также различные спортивные праздники (День знаний, день здоровья, спортивные праздники на факультетах).

Широкую популярность у студентов приобретают самостоятельные занятия различными видами физкультурно-спортивной деятельности. Самостоятельные занятия студентов (по заданию преподавателей) физической культурой, спортом, туризмом позволяют выполнить недельный объем двигательной активности, рекомендованный для студентов Министерством здравоохранения, что составляет 10–14 ч.

Кроме того, самостоятельные занятия способствуют усвоению учебного материала по физическому воспитанию, ускоряют процесс физического совершенствования.

Задания для самостоятельных занятий должны быть интересными, доступными, но требующими некоторых усилий для их выполнения. Преподаватель должен доступно объяснить каждое задание, указать его продолжитель-

ность, количество повторений упражнений, обратить внимание на темп выполнения, в отдельных случаях – на режим дыхания.

Следует дать примерные варианты отдельных заданий, научить, лично контролировать качество выполнения упражнений. И обязательно ознакомить студентов с техникой самоконтроля при занятиях физическими упражнениями.

Для активизации физического воспитания будущих специалистов, ориентации их на самостоятельные занятия физической культурой и спортом преподавателю необходимо:

– придавать занятиям по физическому воспитанию привлекательность и эмоциональность – знакомить студентов с новыми современными системами физических упражнений;

– на занятиях по физическому воспитанию расширять арсенал физических упражнений, которые возможно выполнять в процессе самостоятельных занятий в домашних условиях и которые не требуют специального оборудования;

– обеспечивать психологический настрой студентов на постепенное повышение интенсивности самостоятельных занятий с неизбежным неприятным ощущением (мышечная боль, усталость и т.д.).

В настоящее время студенты нашего вуза приступили к сдаче норм комплекса ГТО, которой предшествовала определенная подготовка.

Студенты относятся к возрастной группе шестой ступени комплекса ГТО и для получения золотого значка должны успешно выполнить нормативы восьми контрольных тестов, для серебряного значка следует выполнить семь тестов, для бронзового значка – шесть.

Для сдачи данных нормативов требуется физическая подготовленность, которая осуществляется преподавателями кафедры физического воспитания в вузе.

Занятия по подготовке рекомендуется проводить на спортивных площадках, а если есть возможность – на открытом воздухе. На занятиях по подготовке к сдаче нормативов ГТО используется разнообразный спортивный инвентарь и оборудование: гимнастические скамейки, перекладина, гантели, эспандеры, силовые тренажеры, гири и др.

При помощи подбора определенных средств ИКТ, можно повысить у студентов интерес к различным формам физической культуры, а также улучшить качество преподавания данной дисциплины.

1. *Учебные занятия.*

Учебный процесс по физической культуре для всех направлений подготовки бакалавров и специалистов предполагает достаточный объем теоретического материала, для которого выделяется небольшое количество лекционных часов и то только для студентов третьего курса.

При помощи информационных технологий преподавателями разработаны обучающие системы, направленные на сообщение студентам теоретических сведений и фактов по физической культуре, осуществляется контроль усвоения теоретических знаний.

Кроме того, используются электронные презентации, при помощи которых студенты могут наглядно овладеть техникой разучиваемых движений, а затем использовать их на практике.

Видеосъемка упражнений, выполняемых после обучения, позволяет после просмотра визуально увидеть свои ошибки и недостатки техники выполнения упражнений и затем постараться их скорректировать. Очень эффективна видеосьемка при обучении плаванию. Из-за шума в бассейне студенту сложно услышать методические указания преподавателя, а просмотрев видеозапись, очень легко проанализировать свои ошибки и постараться их устранить.

На занятиях используются компьютерные тестирующие программы, которые являются актуальными на любом этапе обучения.

Компьютерные тесты предусматривают работу с подсказкой ответов или без них. На каждый вопрос дается несколько вариантов ответа и определенное время на весь тест. Например, данное тестирование позволяет экономить время при проверке теоретических знаний после лекционного курса.

Для определения эффективности занятий и для профилактики негативных последствий, которые могут возникнуть в результате неправильной организации занятий, при избыточной нагрузке необходимо использовать функциональные пробы, которые позволяют оценить состояние сердечно-сосудистой, дыхательной и других систем организма студентов [10].

Исследование функционального состояния студентов на базе нашего университета возможно при помощи аппаратно-программного комплекса «НС-Психо-Тест» (ООО «Нейрософт, Россия, г. Иваново»).

Данный программный комплекс кроме исследования функционального состояния студентов позволяет выполнить 120 психологических и психофизиологических методов тестирования, а также имеет возможность проводить одновременное тестирование сразу нескольких студентов, что существенно повышает его пропускную способность.

2. Физкультурно-спортивная деятельность.

Физкультурно-спортивная деятельность ставит задачу рационально организовать свободное время студентов для укрепления их здоровья и для улучшения их физической и функциональной подготовленности.

Данная деятельность проводится в виде различных внутривузовских мероприятий, которые осуществляются в следующих формах:

– областной фестиваль студенческого спорта;

– первенство города по различным видам спорта;

– спортивные соревнования (спартакиады «Первокурсник», «Университет»);

– спортивные праздники (день здоровья, день Космонавтики, спортивные праздники на факультетах и др.);

– спортивные мероприятия, организованные областным комитетом по спорту, туризму и молодежной политике (Кросс наций, лыжня России и др.).

Для привлечения студентов к участию в данных мероприятиях используются различные наглядные средства, в первую очередь компьютерный сайт университета, а также плакаты, таблицы, афиши, организовывается активная работа пресс-службы университета.

При помощи информационных технологий проводится эффективное подведение итогов и подсчет очков для определения победителей спартакиад «Первокурсник» и «Университет», спортивных праздников.

3. Самостоятельные занятия по физической культуре.

Как было отмечено ранее, обязательные занятия по физической культуре в вузах не достаточны для преодоления дефицита двигательной активности студентов. В связи с этим большое внимание должно уделяться организации самостоятельных занятий студентов по заданию преподавателей.

Задачами самостоятельных занятий являются сохранение здоровья, поддержание высокого уровня физической и умственной работоспособности коррекция физического развития, формирование двигательных умений и навыков, развитие физических качеств, а также активный отдых.

Для того чтобы самостоятельные занятия приносили желаемый результат, студенты должны быть мотивированы:

– к пониманию роли самостоятельных занятий для сохранения здоровья и подготовке к профессиональной деятельности;

– овладению методами и приемами самоконтроля при занятиях физическими упражнениями;

– формированию у себя мотивационно-ценностного отношения к самостоятельным занятиям, потребности в регулярных занятиях физическими упражнениями.

Применение информационных технологий для организации самостоятельных занятий по физической культуре возможно в следующих направлениях:

– студенты могут использовать возможности компьютера в качестве организации своей работы путем создания индивидуального информационного пространства для оптимизации своей работы;

– создавать папки с разработками занятий, которые содержат весь необходимый иллюстративный материал, аудио- и видеофрагменты;

– использовать программы для определения своей физической активности (измерять пройденное расстояние в течение дня, недели, месяца), а также следить за своим самочувствием (определение ЧСС, измерение АД) и др.;

– студенты, освобожденные от практических занятий по состоянию здоровья, могут получать индивидуальные теоретические задания от преподавателя и выполнять их на компьютере, а также сдавать теоретический зачет при помощи выполнения тестов.

Каждый студент, занимающийся самостоятельно, обязательно должен вести дневник самоконтроля, в котором регистрируются объективные (рост, вес, ЧСС, АД, частота дыхания) и субъективные (сон, аппетит, самочувствие, настроение, желание тренироваться и др.) показатели самоконтроля и анализируется их динамика [11].

4. Сдача норм комплекса ГТО.

В настоящее время в соответствии с указом Президента № 172 от 24 марта 2014 г. «О всероссийском физкультурно-спортивном комплексе “Готов к труду и обороне” (ГТО)» перед преподавателями вузов стоит задача эффективной подготовки студентов к сдаче нормативов данного комплекса [12].

Прежде всего им необходимо оценить функциональные и физические возможности студентов для сдачи нормативов. Это можно сделать при помощи определения и оценки у студентов индекса Рюффье, индекса массы тела, приема теста Купера. Компьютерные технологии также могут облегчить

процесс анализа, при помощи статистической обработки полученных результатов.

Кроме того, объективная оценка результатов во время сдач нормативов комплекса ГТО возможна с использованием специальной электронной аппаратуры, нередко с обратной связью (видео- и звуколидеры, указывающие, например, на расхождение между правильным и фактическим вариантом исполнения) [13].

Мы рассмотрели основные возможности реализации на практике информационно-компьютерных технологий в процессе физического воспитания студентов в вузе, которые требуют максимально тщательной разработки. Только на практике в процессе занятий можно определить эффективность той или иной компьютерной технологии и подобрать необходимые для соответствующей формы обучения.

В процессе исследовательской работы нами было проведено анкетирование студентов по вопросам использования информационно-компьютерных технологий в процессе физкультурно-спортивной деятельности в университете.

В анкетировании приняло участие более 120 студентов (четыре группы различных специальностей, в программу обучения которых входит дисциплина «Физическая культура»).

В анкету входили вопросы, касающиеся внедрения ИКТ в программу физического воспитания в вузе, отношения к ним студентов, приходилось ли им использовать средства ИКТ в процессе занятий, и др. Результаты анализа анкетирования представлены на рис. 1.

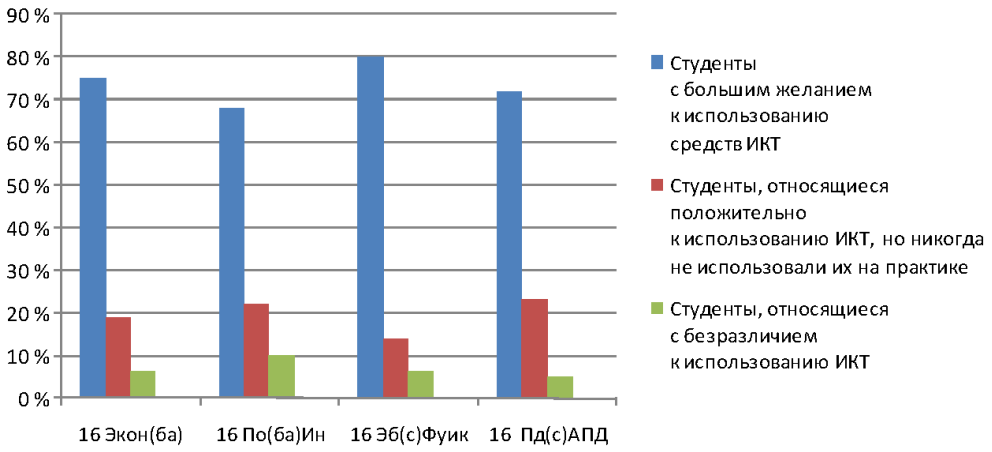

Рис. 1. Результаты анкетирования студентов

Анализ анкетирования показал, что большинство студентов отметило положительное влияние использования ИКТ в учебном процессе, которое, во-первых, облегчит усвоение изучаемого материала, а во-вторых, несомненно, повысит мотивацию, интерес к занятиям. Многие студенты с удовольствием пользовались бы предложенными технологиями, особенно представители тех специальностей, в которых во многих учебных дисциплинах используются ИКТ.

Но, к сожалению, было отмечено недостаточное использование компьютерных технологий на занятиях по физической культуре в настоящее время, что существенно снижает эффективность и качество современного образования.

Выводы

В результате нашей исследовательской работы были подобраны информационно-компьютерные технологии, а именно мультимедийное обеспечение учебного процесса, аппаратно-программный комплекс «НС-Психо-Тест», тестирование в системе АИССТ, видеосъемка выполняемых упражнений и др. Подобранные технологии, на наш взгляд, будут эффективными для использования в учебном процессе по физической культуре в вузе. Данные средства предложены к различным формам физической культуры, таким как учебные занятия, физкультурно-спортивная деятельность, самостоятельные занятия физическими упражнениями, сдача норм комплекса ГТО.

Использование ИКТ позволяет вывести занятия по физической культуре на качественно новый уровень, повысить статус преподавателя, использовать различные виды деятельности в процессе занятия, эффективнее организовать контроль и учет знаний студентов.

Таким образом, социальная значимость и социальные функции информационных технологий в процессе занятий по физическому воспитанию в вузе должны не просто стать важной стороной мотивации студенческой молодежи, но и рассматриваться с позиции повышения качества современного образования как социального института.

Библиографический список

1. **Волкова, Л. М.** Современные информационно-диагностические технологии в практике физического воспитания / Л. М. Волкова, В. Ю. Волков // Физическая культура, спорт и здоровье. – 2014. – № 23. – С. 17–20.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 61798
3. **Грачева, А. П.** ИКТ в управлении образовательным процессом в условиях введения ФГОС / А. П. Грачева. – М. : УЦ Перспектива, 2015. – 27 с.
4. **Гуслова, М. Н.** Инновационные педагогические технологии : учеб. пособие для студ. учреждений сред. проф. образования / М. Н. Гуслова. – 4-е изд., испр. – М. : Академия, 2013. – 288 с.
5. **Дружинина, Э. А.** Значимость физкультурной деятельности в сознании будущих специалистов / Э. А. Дружинина // Теория и практика физической культуры. – 2008. – № 3. – С. 88.
6. **Железняк, Ю. Д.** Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. для студ. учреждений высш. проф. образования / Ю. Д. Железняк, П. К. Петров. – 7-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2014. – 288 с.
7. **Pulkkinen, Z.** Self control and continuity from childhood adolescence / Z. Pulkkinen // Life span development and behavior / ed. by P. Baltes, O. G. Brim. – New York : Academic Press, 1982. – Vol. 4.
8. **Robertso, A.** New health promotion movement / A. Robertso, M. Munkler // Health Educ. – 1994. – Vol. 21 (3). – P. 295–312.
9. **Лубышева, Л. И.** Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. И. Лубышева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2010. – 272 с.

10. **Витун, Е. В.** Психологические тесты в практике физического воспитания студенческой молодежи Оренбургской области / Е. В. Витун, И. И. Черемушникова // Вестник ОГУ. Спец. выпуск: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы экологии Южного Урала». – 2009. – № 9. – С. 703–705.
11. **Витун, Е. В.** Анализ уровня физической и функциональной подготовленности студентов в процессе физического воспитания в вузе / Е. В. Витун, В. Г. Витун, Т. А. Глазина // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 9. – С. 91–94.
12. О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО) : Указ Президента Российской Федерации от 24 марта 2014 г. № 172. – URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102171981
13. **Фураев, А. Н.** К вопросу о компьютеризации анализа выполнения спортивных упражнений / А. Н. Фураев // Теория и практика физической культуры. – 1996. – № 11. – С. 83–85.

References

1. Volkova L. M., Volkov V. Yu. *Fizicheskaya kul'tura, sport i zdorov'e* [Physical education, sport and health]. 2014, no. 23, pp. 17–20.
2. *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii : Feder. zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ* [On information, information technologies and information secutiry: the federal Law from 27th of July 2006 № 149-FZ]. ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
3. Gracheva A. P. *IKT v upravlenii obrazovatel'nym protsessom v usloviyakh vvedeniya FGOS* [Information and communication technologies in educational process management in conditions of FSES introduction]. Moscow: UTs Perspektiva, 2015, 27 p.
4. Guslova M. N. *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdeniy sred. prof. obrazovaniya* [Innovation pedagogical technologies: tutorial for students of vocational educational institutions]. 4th ed., ispr. Moscow: Akademiya, 2013, 288 p.
5. Druzhinina E. A. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practicy of physical education]. 2008, no. 3, p. 88.
6. Zheleznyak Yu. D., Petrov P. K. *Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'ture i sporte: ucheb. dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya* [Foundations of scientific and methodological work in physical education and sport: tutorial for university students]. 7th ed., stereotip. Moscow: Akademiya, 2014, 288 p.
7. Pulkkinen Z. *Life span development and behavior*. New York: Academic Press, 1982, vol. 4.
8. Robertso A., Munkler M. *Health Educ*. 1994, vol. 21 (3), pp. 295–312.
9. Lubysheva L. I. *Sotsiologiya fizicheskoy kul'tury i sporta : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Sociology of physical education and sport: tutorial for university students]. 3d ed., pererab. i dop. Moscow: Akademiya, 2010, 272 p.
10. Vitun E. V., Cheremushnikova I. I. *Vestnik OGU. Spets. vypusk: Materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. «Problemy ekologii Yuzhnogo Urala»* [Bulletin of OSU. Special issue: proceedings of IV All-Russian scientific and practical conference “Ecological problems of the South Ural”]. 2009, no. 9, pp. 703–705.
11. Vitun E. V., Vitun V. G., Glazina T. A. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments]. 2014, no. 9, pp. 91–94.
12. *O Vserossiyskom fizkul'turno-sportivnom komplekse «Gotov k trudu i oborone» (GTO): Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24 marta 2014 g. № 172* [On the All-Russian physical traning and sport complex “Gotov k trudu i oborone (GTO) (Ready for labor and defence)”: the ordeinance of the RF President from 24th of March 2014 № 172]. Available at: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102171981
13. Furaev A. N. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical training]. 1996, no. 11, pp. 83–85.

Витун Елена Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физического воспитания, Оренбургский государственный университет (Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13)

E-mail: qwertyuiop_1960@inbox.ru

Vitun Elena Vladimirovna
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, sub-department of physical education, Orenburg State University (13 Pobedy avenue, Orenburg, Russia)

Бакурадзе Наталья Сергеевна
старший преподаватель, кафедра физического воспитания, Оренбургский государственный университет (Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13)

E-mail: bakuradze.bakuradze@yandex.ru

Bakuradze Natal'ya Sergeevna
Senior lecturer, sub-department of physical education, Orenburg State University (13 Pobedy avenue, Orenburg, Russia)

Нурматова Татьяна Владимировна
старший преподаватель, кафедра физического воспитания, Оренбургский государственный университет (Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13)

E-mail: nurimatova@mail.ru

Nurmatova Tat'yana Vladimirovna
Senior lecturer, sub-department of physical education, Orenburg State University (13 Pobedy avenue, Orenburg, Russia)

УДК 796-957.815:004

Витун, Е. В.

Использование информационно-компьютерных технологий на занятиях по физической культуре в высшем учебном заведении / Е. В. Витун, Н. С. Бакурадзе, Т. В. Нурматова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 168–179. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-18

УДК 378.111
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-19

М. В. Воропаев, Н. В. Толкачева

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Анализ и осмысление категории «образовательное пространство регионального вуза», выделение и раскрытие его структурных компонентов и их функций позволит проследить характер отношения и уровень влияния образовательного пространства вуза на образовательное пространство региона. Цель исследования – выявить и обосновать структурные компоненты образовательного пространства регионального вуза, необходимые для интеграции с образовательным пространством региона на всех уровнях (глобальном, региональном, уровне образовательной организации).

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования системы методов, соответствующих поставленной цели: теоретических (анализ, сравнение, обобщение, систематизация, моделирование), эмпирических (изучение передового педагогического опыта, анкетирование, беседа, наблюдение, эксперимент). Экспериментальной базой исследования стало ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». Методологической основой для изучения образовательного пространства регионального вуза выступают системный анализ, аксиологический, личностно-деятельностный, компетентностный, средовой подходы.

Результаты. Результатом исследования является обоснование структуры образовательного пространства регионального вуза, выявление взаимосвязи и взаимопроникновения образовательных пространств вуза и региона на глобальном, региональном уровнях и уровне вуза.

Выводы. Образовательное пространство регионального вуза должно рассматриваться во взаимосвязи с регионом, где расположен вуз, как открытое пространство, отражающее особенности развития образования в регионе. Вуз может выступать в этой проекции как индикатор системы образования региона. Региональные аспекты должны найти отражение на всех этапах образовательного цикла и во всех компонентах образовательного пространства, в первую очередь в содержании образования.

Ключевые слова: высшее образование, образовательное пространство регионального вуза, образовательное пространство региона, интеграция образовательных пространств, открытое образовательное пространство.

M. V. Voropaev, N. V. Tolkacheva

THE PROBLEM OF STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALISYS OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A REGIONAL UNIVERSITY

Abstract.

Background. The analysis and the comprehension of the category of the educational space of the regional University, the allocation and the disclosure of its structural components and their functions allows us to trace the nature of relationships

and the level of influence of the University educational space to the educational space of the region. The purpose of the study is to identify and to explain some structural components of the educational space of the regional University needed for integration with the educational space of the region at all levels (global, regional, the level of the educational organization).

Materials and methods. The realization of research tasks was reached according to the system of methods which were consistent with envisaged targets: theoretical (analysis, comparison, integration, systematization, simulation); empirical (studying of advanced pedagogical experience, questioning, conversation, supervision, experiment). The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University" was chosen as the experimental basis of this research. The methodological framework for researching of the educational space of the region is based on the following: the system analysis, the axiological approach, the personal and activity analysis approach, the competence analysis approach, the complex approach.

Results. The result of this research is substantiation of the structure of the educational space of the regional University, to identify the relationship and interpenetration of the educational spaces of the University at the global, regional level and the institutional level.

Conclusions. The educational environment of a regional University should be considered in conjunction with the region where the institution is located – as an open space, reflecting the characteristics of education development in the region. In this projection the University can act as an indicator of the system of region educational level. Firstly, regional aspects should be reflected in the content of education, at all stages of the educational cycle and in all components of the educational space.

Key words: Higher education, educational space of the regional University, educational space of the region, integration of educational space, open educational space.

Изучение образовательного пространства в современной отечественной педагогике реализуется во многих направлениях. Проблематике образовательных сред и образовательного пространства посвящены научные исследования М. Я. Виленского, В. И. Гинецинского, В. Я. Конева, Е. В. Мещеряковой, В. И. Панова, В. И. Слободчикова, И. Г. Шендрика, И. Фрумина и других ученых.

В научной историографии вопроса многократно описаны особенности подходов названных выше авторов, что избавляет нас от необходимости повторять этот анализ.

Мы опираемся на позиции, высказанные Е. П. Белозерцевым [1], Ю. М. Гришаевой [2], Э. К. Самерхановой [3], Ф. К. Тугузом [4], Р. Е. Пономаревым [5], А. В. Шумаковой [6], А. Я. Данилюком [7] и др., которые сводятся к тому, что в образовательном пространстве выделяются несколько элементов, соотнесенных с пространственно-предметной средой, ценностными компонентами среды, содержанием образования.

Однако, по нашему мнению, более правильно при формулировке понятия образовательного пространства в педагогике опираться на устоявшиеся научные подходы в социальной философии. Одним из таких подходов является социальная феноменология (А. Щюц, Н. Н. Козлова [8], Н. М. Смирно-

ва [9]). Существуют и примеры прямого использования идей социальной феноменологии в педагогике (М. В. Воропаев [10], Р. А. Куренкова [11]).

Базовой для формирования адекватных представлений об образовательном пространстве, по нашему мнению, является идея рассмотрения его как сочетания институциональных феноменов и субъективных и интерсубъектных смыслов.

Опираясь на позиции указанных выше исследователей, определим образовательное пространство как разновидность социального пространства, целостную, открытую систему, сформированную, с одной стороны, взаимодействиями в образовательных системах, а с другой – их смысловой значимостью для субъектов образования. Данная система элементов имеет уровневую организацию: можно выделить глобальный, региональный уровни и уровень образовательной организации; допускает взаимопроникновение и интерференцию между различными уровнями и отдельными образовательными пространствами. Индивидуальная образовательная траектория обучающегося может проходить по различным образовательным пространствам и различным уровням образовательного пространства.

В целом ряде исследований изучаются те или иные аспекты регионального образовательного пространства (Р. М. Чумичова [12], В. И. Слободчиков [13]). В условиях, когда в отечественном образовании развивается концепция региональных опорных вузов, проблема построения регионального образовательного пространства и его интеграции вокруг опорного вуза становится особенно актуальной.

В научно-педагогической литературе насчитывается немало современных исследований, посвященных образовательному пространству высших учебных заведений (С. К. Бондырева [14], Д. А. Коноплянский [15], О. А. Леонова [16], Е. Н. Николаева, М. Д. Щелкунов [17], Н. М. Стадник [18], А. В. Шумакова [6], А. А. Шустова и многие другие).

Опираясь на позиции А. С. Гаязова [19], Г. В. Жеребятниковой и др., мы выделяем следующие уровни образовательного пространства регионального вуза: глобальный, региональный, уровень вуза.

Наш подход позволяет описать взаимодействия образовательного пространства вуза с региональными особенности развития образования, степенью развития его инфраструктуры. При таком подходе образовательное пространство регионального вуза может рассматриваться как индикатор системы образования региона.

Распространена точка зрения о трехкомпонентной структуре образовательного пространства. Значительным количеством авторов выделяются пространственно-предметный, социальный и психодидактический компоненты образовательного пространства.

Поскольку в центре внимания в нашем исследовании модельное образовательное пространство регионального вуза, целесообразным является расширить трехкомпонентное наполнение структуры образовательного пространства, дополнив его компонентами, позволяющими раскрыть его региональные особенности, отражающими основные задачи, стоящие перед вузом как ядром образовательного кластера региона.

Выделим следующую структуру образовательного пространства регионального вуза (табл. 1).

Таблица 1

Структура образовательного пространства регионального вуза

Название компонента структуры
1. Содержательный компонент
2. Организационно-технологический компонент
2.1. Пространственно-предметный структурный элемент
2.2. Социальный структурный элемент
2.3. Психодидактический структурный элемент
3. Информационный компонент

Выше нами были выделены уровни, на которых может быть представлен каждый из обозначенных компонентов и структурных элементов образовательного пространства. Таким образом, рассмотрим структуру образовательного пространства регионального вуза, представив его компоненты на трех уровнях: уровне вуза, региональном уровне, глобальном уровне.

1. Содержательный компонент предполагает наполнение образовательного пространства целеориентированным содержанием. Выстраивание целевой структуры образования должно вестись в соответствии с миссией регионального вуза и с опорой на стратегию развития региона. Содержание образования должно обеспечивать достижение задач регионального вуза, обозначенных в программах развития вуза, миссии, а также основных документах стратегической направленности вуза. В качестве примера приведем миссию Пензенского государственного университета, который является базой нашего исследования, она звучит как «…подготовка высококвалифицированных, конкурентоспособных и социально активных кадров, способных обеспечить поступательное и устойчивое развитие Пензенской области и Российской Федерации, на основе интеграции образовательной, научной и социокультурной деятельности университета».

Опираясь на выделенное в качестве базового в работе представление о сущностных характеристиках пространства как освоенной, воспринятой субъектами среды, мы можем определить содержательный компонент образовательного пространства как актуализированное для субъекта содержание образования, как то содержание, к которому сформировано субъектное отношение.

Поскольку образовательное пространство вуза рассматривается нами во взаимосвязи с регионом, то на всех уровнях оно должно, согласно нашей позиции, отражать региональные аспекты и особенности (а в идеале и выступать интегратором регионального образовательного пространства).

На уровне вуза содержательный компонент включает комплекс дисциплин и спецкурсов, имеющих региональную направленность. Помимо традиционных аспектов краеведения, культурологии в комплексе основных дисциплин курса, на первый план, на наш взгляд, выходит спектр дисциплин, ориентированных на региональный рынок труда. Это могут быть курсы по выбору или занятия в рамках кураторских часов, направленные на отработку техники написания резюме, самопрезентации и базовых аспектов прохождения собеседования, а также дисциплины профориентационной направленности.

Анкетирование, проведенное среди 75 обучающихся 3 курса различных направлений подготовки бакалавриата Пензенского государственного университета, показало, что только 20 % могут без затруднений самостоятельно составить резюме, остальные 80 % респондентов отметили, что не знакомы с техникой его написания и воспользуются готовыми шаблонами из Интернета, при этом 60 % из этого числа (36 человек) не готовы дать оценку правильности и полноте приведенного образца.

Прозрачность границ образовательного пространства позволяет региону гибко реагировать на тенденцию интернационализации образования, которая ярко прослеживается в Пензенской области (в первую очередь в региональных вузах, каким является Пензенский государственный университет: за период 2010–2017 гг. количество иностранных обучающихся увеличилось с 450 до 1700, представительство стран – с 10 до 45; активно развиваются программы двусторонней академической мобильности преподавателей и студентов; вуз активно участвует в международных образовательных программах). Это в свою очередь должно стать толчком для усиления регионального компонента образования в условиях его поликультурности. Должен быть сделан акцент на историко-культурную, образовательную и социальную особенности региона пребывания в рамках образовательного процесса иностранных обучающихся.

Общественно-политическая ситуация в стране и мире (укрепление сотрудничества со странами ближнего зарубежья, в том числе и с бывшими союзными республиками, обратная миграция, воссоединение целостности границ России с присоединением Крыма и т.д.) позволяет говорить о проявлении тенденции культурной и образовательной реинтеграции (объединение и возрождение традиций и ценностей в культуре и образовании, распавшихся вследствие процессов миграции, распада бывших советских республик и т.д.), которая также влияет на образовательное пространство.

Содержательный компонент нормативно определяют на федеральном уровне – ФГОС, на уровне вуза – локальные акты, в том числе УМК по дисциплинам, планы работы научного студенческого общества, научных кружков разной направленности, планы воспитательной и социальной работы вуза и т.д.

На региональном уровне содержательный компонент отражает сетевую образовательную деятельность вуза, его взаимодействие с другими региональными образовательными институтами, а также субъектами реального сектора экономики, участвующими в образовательной деятельности и оказывающими влияние на систему высшего образования. Региональный вуз – интегратор образовательного пространства региона.

Формы взаимодействия определяются чаще всего договорами о сотрудничестве в области образования. Примером формы взаимодействия вуза и субъекта экономики может быть базовая кафедра.

Пензенским государственным университетом созданы семь базовых кафедр различной направленности: «Банковское дело» (базовая кафедра Сбербанка России, работающая в ПГУ как дополнительный офис финансовой организации); «Ракетное и авиационно-космическое приборостроение» (базовая кафедра вуза на предприятии «НИИФИ»); «Информационные системы и технологии» (базовая кафедра ОАО «Оператор электронного правительства»

на площадях технопарка «Яблочков»); «Биомедицинская инженерия» (базовая кафедра ЗАО «НПП “МЕДИНЖ”»); «Технические средства информационной безопасности» (базовая кафедра ОАО «ПНИЭИ»); «Автоматизированные системы безопасности» (базовая кафедра ЗАО «ЦеСИС НИКИРЭТ»); «Проектирование и технология электронных приборов радиоэлектроники» (базовая кафедра ОАО «НИИЭМП»). В перспективе создание базовой кафедры на одном из предприятий IT-кластера.

Создание вузом базовых кафедр позволяет интегрировать процесс обучения и производства, сделать обучение максимально практикоориентированным.

Интеграционные процессы в образовательных пространствах на региональном уровне могут проявляться посредством совместных (для различных категорий субъектов) образовательных событий.

Категория «образовательное событие», несмотря на то что является относительно новой для педагогики, достаточно разработана (Н. В. Волкова, В. В. Лобанов, Г. Н. Прозументова и др.).

В. В. Лобанов определяет образовательное событие как «специально организованный педагогический факт, ограниченный образовательной ситуацией, но жестко не детерминированный ею и выводящий образовательный процесс за границы обыденности» [20, с. 40]. Образовательное событие представляет собой некое «действо» образовательного характера, которое существенным образом изменяет компетенции обучающихся.

Таким образом, основываясь на вышеназванной позиции, уже сам процесс обучения на базовой кафедре (в большем временном промежутке проходящий не на территории вуза, а непосредственно на предприятии) является «образовательным процессом за границей обыденности», за границами образовательной повседневности, существенным образом изменяет компетенции обучающихся (формирование компетенций с учетом потребностей рынка труда), может быть приравнен к образовательным событиям.

Традиционно к образовательным событиям регионального значения можно отнести совместные научно-практические конференции и форумы, образовательные выставки, практикумы, семинары, мастер-классы и т.д.

На глобальном уровне содержательный компонент, также как и на региональном, отражает сетевую образовательную деятельность вуза, его взаимодействие с зарубежными научно-образовательными институтами (вузами, центрами, посольствами и консульствами, фондами и т.д.). Формы взаимодействия также определяются договорами о сотрудничестве.

2. Организационно-технологический компонент структуры образовательного пространства регионального вуза отражает обеспеченность образовательного процесса высокотехническими, технологическими ресурсами, а также достаточность объема знаний, практических навыков, обладания основными компетенциями для самореализации обучающихся.

Организационно-технологический компонент структуры образовательного пространства регионального вуза включает следующие элементы:

1. Пространственно-предметный элемент:

– материальное окружение, объекты инфраструктуры в вузе (архитектура учебных корпусов и дизайн учебных помещений, планировка университетского городка, возможность, доступность и широта пространственных перемещений в них субъектов образования; организация навигации вуза);

– образовательная инфраструктура регионального значения, лояльность к ней и вовлеченность в реализуемые на ее базе процессы субъектов образовательного пространства вуза;

– глобальные и общероссийские образовательные ресурсы и вовлеченность в них субъектов образовательного пространства вуза.

Региональность в пространственно-предметном элементе организационно-технологического компонента образовательного пространства вуза ярко выражена посредством интеграции образовательной инфраструктуры регионального значения в образовательный процесс вуза и работает на повышение эффективности образования.

Здесь еще раз можно отметить опыт работы базовых кафедр на предприятиях и организациях, где действует принцип практикоориентированной направленности производства и обучения. Инфраструктура предприятий в значительном объеме задействована в образовательном процессе. Цикл производственного процесса тесно переплетается с циклом образовательного процесса, материально-техническая база предприятий становится основой технического обеспечения конкретной дисциплины и является составляющей учебно-методического комплекса по дисциплине.

Велика значимость объектов инфраструктуры регионального значения на формирование образовательного пространства вуза. Влияние оказывают как объекты образовательной и научной инфраструктуры, культурно-исторические объекты, так и досуговые центры и центры коллективного пользования. К последним, к примеру, можно отнести технопарки. Субъекты образовательного пространства вуза (как обучающиеся, так и представители научно-педагогических работников (НПР)) участвуют в работе технопарков в качестве резидентов; образовательный процесс у обучающихся, в первую очередь технических направлений подготовки, включает образовательные модули, реализуемые на базе лабораторий, центров коллективного пользования и других объектов технопарков города; обучающиеся закрепляются для прохождения производственных практик в организации, являющиеся резидентами технопарков; на площадях технопарков работают базовые кафедры вуза. Таким образом, пример взаимной интеграции образовательного пространства вуза и образовательного пространства региона через вовлеченность его субъектов в деятельность технопарков позволяет говорить о влиянии высшей школы на процесс формирования единого образовательного регионального пространства. Базовые кафедры университета, территориально расположенные вне вуза (на предприятиях, в технопарках), фактически являясь структурным подразделением вуза, могут быть рассмотрены как носители образовательного пространства вуза. Тем самым можно говорить о том, что образовательное пространство вуза не ограничивается только пределами университета, а является более широким и открытым.

2. Второй составной частью организационно-технологического компонента структуры образовательного пространства регионального вуза является социальный элемент.

На уровне вуза данный элемент проявляется прежде всего в восприятии корпоративной культуры, кодекса этики образовательной организации, включенности и соблюдении их субъектами образовательного пространства.

В качестве примера воздействия на данный элемент можно привести проект Педагогического института им. В. Г. Белинского ПГУ «Неделя погружения в профессию».

На уровне региона социальный элемент проявляется, во-первых, включенностью субъектов образовательного пространства вуза в корпоративные культуры региональных групп.

Во время занятий на базовых кафедрах, в процессе прохождения производственной, педагогической, медицинской и других учебных практик обучающиеся становятся частью коллектива предприятия или организации, на базе которой проходит их практика. Тем самым они становятся субъектами нового, отличного от вуза пространства (образовательного, культурного, производственного). Традиции и ценности нового сегмента социального пространства, воспринятые субъектами образовательного пространства вуза в процессе взаимодействия с его субъектами, впоследствии оказывают влияние на образовательное пространства вуза: часть из них могут быть интернированы в образовательное пространство самого вуза.

Включенность в корпоративные культуры региона субъектов образовательного пространства регионального вуза характерна для открытого образовательного пространства и является важным условием при формировании единого образовательного пространства региона. Взаимообогащение пространств должно сделать их восприятие для субъектов органичным.

Социальный элемент организационно-технологического компонента образовательного пространства на уровне региона проявляется через круг общения его субъектов. Здесь важным является как проявление субъектной позиции, культуры отношений в группах, так и то, насколько субъект идентифицирует себя с регионом проживания. Например, насколько обучающиеся из других регионов и из-за рубежа готовы к восприятию регионального образовательного пространства.

Социальный элемент в существенной степени определяется профессиональной позицией научно-педагогических работников. Считаем целесообразным рассматривать данный феномен не на уровне вуза, а именно в связи с региональным образовательным пространством. Это связано с активно проявляющейся в образовании (особенно в высшей школе) тенденцией мобильности НПР (совмещение деятельности в нескольких образовательных организациях), а также распространением технологий дистанционных, онлайн-курсов, делающих преподавателя субъектом не столько образовательного пространства вуза, сколько пространства регионального и даже глобального.

Важно учитывать ожидание и готовность субъектов образовательного пространства вуза (обучающихся) к профессиональной самореализации (как во время обучения, так и перспективы профессиональной самореализации после окончания вуза).

На глобальном уровне социальный элемент организационно-технологического компонента образовательного пространства регионального вуза определяется готовностью субъектов образования к взаимодействию с «чужими» культурами, или более точно – к построению собственной индивидуальной образовательной траектории в иных образовательных пространствах с другим социально-культурным контекстом.

3. Психодидактический элемент организационно-технологического компонента на уровне вуза определяется педагогическими технологиями, используемыми в образовательном процессе.

Поскольку основное значение в анализе структуры образовательного пространства вуза нами отводится его взаимодействиям с региональными образовательными и социальными системами, то на первый план выходит принцип практикоориентированности, который в большей степени может быть реализован с использованием активных образовательных технологий, предполагающих современные инновационные образовательные подходы.

На уровне региона психодидактический элемент может опираться на сетевое межвузовское взаимодействие, в том числе включающее создание образовательных и профессионально-образовательных кластеров регионального значения.

Примером такого сетевого взаимодействия может служить образовательный педагогический кластер, куда входит Министерство образования Пензенской области, Управление образования г. Пензы, Педагогический институт им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета и 12 средних общеобразовательных школ. Одним из значимых проектов, реализуемых участниками педагогического кластера, является проект «Школа молодого учителя». Ее участниками становятся молодые педагоги, выпускники Педагогического института, чей педагогический стаж не превышает 5 лет. В течение года в рамках курсов повышения квалификации молодые педагоги принимают участие в мастер-классах, семинарах и других образовательных проектах, организованных для них с целью методической поддержки, повышения профессионального мастерства и создания комфортного психологического климата. За время реализации проекта более 1000 педагогов школ, а также учреждений дошкольного и дополнительного образования приняли в нем участие.

Анализ программы образовательных модулей Школы молодого учителя показал, что в работе со слушателями используются активные образовательные технологии и инновационные образовательные подходы. Основная форма проведения занятий – мастер-класс.

На глобальном уровне психодидактический элемент организационно-технологического компонента образовательного пространства регионального вуза может быть представлен через восприятие субъектами образовательного пространства образовательных возможностей и готовность стать участниками глобального образовательного пространства.

Развитие современных технологий, беспроводного доступа к локальной сети вуза и Интернет; модернизация сетевой инфраструктуры для стабильной, безопасной и высокопроизводительной работы информационных сервисов корпоративной сети, электронного документооборота и электронной информационно-образовательной среды – реновация технической базы для научно-образовательного процесса – даст возможность сформировать развитую инновационную инфраструктуру университета, способствующую полноценному решению задач в образовательной, научной и социальной сферах. Все это открывает перед субъектами образовательного пространства вуза возможность участвовать в открытых образовательных пространствах не покидая пределов вуза и региона.

Важным проектом в Пензенском государственном университете является Единая электронная информационная образовательная среда (ЭИОС), личный кабинет в которой имеет каждый преподаватель, сотрудник и студент университета. Здесь для внутреннего пользования представлены все нормативно-правовые акты вуза, УМК по всем дисциплинам, реализуемым в вузе; в открытом доступе представлены портфолио студентов, которые интегрированы с системой службы трудоустройства, что является удобным механизмом подбора кадров из числа выпускников вуза для работодателей.

Активность взаимодействия субъектов образовательного процесса обеспечивается внедрением современных образовательных технологий как аудиторного формата, так и внеаудиторного (онлайн и оффлайн). Детерминирование с региональным и глобальным образовательным пространством позволяет наметить пути внедрения индивидуальных образовательных траекторий обучающихся. Создание и использование сети виртуальных методических кабинетов, реализация проекта «Портфолио студента» как визитной карточки на региональном рынке труда – это и многое другое становится связующим звеном вуза и региона.

3. Информационный компонент структуры образовательного пространства регионального вуза является, по сути, обслуживающим, однако, несмотря на его факультативность, он играет важную роль. Подчеркнем, что пространство в нашем понимании рассматривается как освоенная, воспринятая субъектами среда. В связи с этим информационный компонент пространства может быть рассмотрен как словесное, вербальное, выражение данного восприятия. Уровень лояльности субъектов образовательного пространства к информационному компоненту может стать индикатором лояльности к образовательному пространству регионального вуза в целом.

Информационный компонент в структуре образовательного пространства отражает объемы информационных потоков, необходимых для функционирования образовательного пространства и поддержания корпоративной культуры регионального вуза, стимулирует интерес субъектов к образовательному пространству регионального вуза, выступает мотиватором включенности субъектов образования в формирование образовательного пространства в вузе.

Содержание информационного компонента является неограниченным на всех трех уровнях. Это связано с открытостью информационных потоков в современных условиях.

Педагогическое воздействие информационного компонента на субъектов образовательного пространства может быть представлено через систему ценностей, сформированных (воспринятых) в процессе их непосредственного или опосредованного участия в процессе формирования информационного поля регионального вуза.

Таким образом, в рамках структуры образовательного пространства ярко прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость его уровней – глобального, регионального, уровня вуза. Особенностью образовательного пространства регионального вуза является то, что оно, с одном стороны, выступает интегратором для субъектов образования региона, а с другой – является открытым в глобальное образовательное пространство.

Проведенный нами анализ показал, что использование предложенной нами структурной модели образовательного пространства регионального вуза дает возможность адекватно описать как само образовательное пространство, так и его важнейшие взаимодействия – как на уровне отдельных субъектов, так и не межсистемном уровне.

Библиографический список

1. **Белозерцев, Е. П.** Образование. Историко-культурный феномен / Е. П. Белозерцев. – СПб., 2004.
2. **Гришаева, Ю. М.** Об аспектах информационного взаимодействия системы профессионального образования и рынка труда (на примере педагогического вуза) / Ю. М. Гришаева, И. В. Круглова, В. А. Дикарев // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Педагогика. – 2014. – № 3. – С. 8–12.
3. **Самерханова, Э. К.** Принципы организации единого образовательного пространства в вузе / Э. К. Самерханова // Alma mater. – 2006. – № 4. – С. 54–56.
4. **Тугуз, Ф. К.** Социализация личности в культурно-образовательном пространстве современного классического университета в России : автореф. дис. … д-ра филос. наук / Тугуз Ф. К. – Ростов н/Д, 2015.
5. **Пономарев, Р. Е.** Образовательное пространство / Р. Е. Пономарев. – М., 2014.
6. **Шумакова, А. В.** Сущностные основания проектирования интегративного образовательного пространства педагогического вуза в условиях модернизации российского общества / А. В. Шумакова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2 (45). – С. 144–146.
7. **Данилюк, А. Я.** Теоретико-методологические основы проектирования интегральных гуманитарных образовательных пространств : дис. … д-ра пед. наук / Данилюк А. Я. – Ростов н/Д, 2001. – 347 с.
8. **Козлова, Н. Н.** Социология повседневности: переоценка ценностей / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 16–23.
9. **Смирнова, Н. М.** От социальной методологии к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании) / Н. М. Смирнова. – М. : ИФ РАН, 1997. – 222 с.
10. **Воропаев, М. В.** Социально-феноменологические механизмы функционирования рефлексии в массовом педагогическом сознании / М. В. Воропаев // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18, № 1-1. – С. 240–242.
11. **Куренкова, Р. А.** Философия. Феноменология. Образование / Р. А. Куренкова, Е. А. Плеханов, Е. Ю. Рогачева, А.-Т. Тименецки. – Владимир, 2000. – 180 с.
12. **Чумичова, Р. М.** Теоретические подходы и проектирование образования в современных условиях / Р. М. Чумичова, Л. Л. Редько. – Ставрополь, 1996. – 24 с.
13. **Слободчиков, В. И.** Новое образование как путь к новому сообществу / В. И. Слободчиков // Новые ценности образования. – М., 1996. – С. 24–28.
14. **Бондырева, С. К.** Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства: Избранные труды / С. К. Бондырева. – М., 2003. – 352 с.
15. **Коноплянский, Д. А.** Организация образовательного пространства и ее роль в обеспечении конкурентоспособности выпускника вуза / Д. А. Коноплянский // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4-2 (64). – С. 51–55.
16. **Леонова, О. А.** Региональное образовательное пространство: принципы формирования и прогнозирования развития : дис. … д-ра пед. наук / Леонова О. А. – Волгоград, 2008. – 332 с.

17. **Николаева, Е. Н.** Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты / Е. Н. Николаева, М. Д. Щелкунов // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 1. – С. 107–117.
18. **Стадник, Н. М.** Научно-организационные основы создания и функционирования единого образовательного пространства (на примере региона «Пермская область») : дис. … д-ра пед. наук / Стадник Н. М. – М., 1996. – 22 с.
19. **Гаязов, А. С.** Европейское измерение в высшем педагогическом образовании : монография / А. С. Гаязов, Э. Ш. Хамитов, Э. Ш. Каримов. – Уфа, 2005. – 248 с.
20. **Лобанов, В. В.** Образовательное событие как педагогическая категория / В. В. Лобанов // Образование и наука. – 2015. – № 1. – С. 33–42.

References

1. Belozertsev E. P. *Obrazovanie. Istoriko-kul'turnyy fenomen* [Education. A historical and cultural phenomenon]. Saint-Petersburg, 2004.
2. Grishaeva Yu. M., Kruglova I. V., Dikarev V. A. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Pedagogika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogy]. 2014, no. 3, pp. 8–12.
3. Samerkhanova E. K. *Alma mater*. 2006, no. 4, pp. 54–56.
4. Tuguz F. K. *Sotsializatsiya lichnosti v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo klassicheskogo universiteta v Rossii: avtoref. dis. d-ra filos. nauk* [Personality socialization in the cultural educational environment of a modern classical university in Russia: author's abstract to apply for the degree of the doctor of philosophy]. Rostov-on-Don, 2015.
5. Ponomarev R. E. *Obrazovatel'noe prostranstvo* [Educational environment]. Moscow, 2014.
6. Shumakova A. V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of sciences, culture, education]. 2014, no. 2 (45), pp. 144–146.
7. Danilyuk A. Ya. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy proektirovaniya integral'nykh gumanitarnykh obrazovatel'nykh prostranstv: dis. d-ra ped. nauk* [Theoretical and methodological foundations of integral humanitarian educational environment design: dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Rostov-on-Don, 2001, 347 p.
8. Kozlova N. N. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and the present]. 1992, no. 3, pp. 16–23.
9. Smirnova N. M. *Ot sotsial'noy metodologii k fenomenologii «estestvennoy ustanovki» (fenomenologicheskie motivy v sovremennom sotsial'nom poznanii)* [From social methodology to phenomenology of "natural set" (phenomenological motives in modern social cognition)]. Moscow: IF RAN, 1997, 222 p.
10. Voropaev M. V. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy, psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics]. 2012, vol. 18, no. 1-1, pp. 240–242.
11. Kurenkova R. A., Plekhanov E. A., Rogacheva E. Yu., Timenetski A.-T. *Filosofiya. Fenomenologiya. Obrazovanie* [Philosophy. Phenomenology. Education]. Vladimir, 2000, 180 p.
12. Chumichova R. M., Red'ko L. L. *Teoreticheskie podkhody i proektirovanie obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh* [Theoretical approaches and design of education in modern conditions]. Stavropol, 1996, 24 p.
13. Slobodchikov V. I. *Novye tsennosti obrazovaniya* [New values of education]. Moscow, 1996, pp. 24–28.
14. Bondyreva S. K. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy integrirovaniya obrazovatel'nogo prostranstva: Izbrannye trudy* [Psychological and pedagogical problems of educational environment integration]. Moscow, 2003, 352 p.

15. Konoplyanskiy D. A. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015, no. 4-2 (64), pp. 51–55.
16. Leonova O. A. *Regional'noe obrazovatel'noe prostranstvo: printsipy formirovaniya i prognozirovaniya razvitiya: dis. d-ra ped. nauk* [Regional educational environment: principles of development forecasting and formation: dissertation to apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Volgograd, 2008, 332 p.
17. Nikolaeva E. N., Shchelkunov M. D. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Series: Humanities]. 2015, vol. 157, bk. 1, pp. 107–117.
18. Stadnik N. M. *Nauchno-organizatsionnye osnovy sozdaniya i funktsionirovaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva (na primere regiona «Permskaya oblast'»): dis. d-ra ped. nauk* [A scientific and organizational basis of establishment and functioning of the unified educational environment (by the example of Perm region): dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Moscow, 1996, 22 p.
19. Gayazov A. S., Khamitov E. Sh., Karimov E. Sh. *Evropeyskoe izmerenie v vysshem pedagogicheskom obrazovanii: monografiya* [European dimension in higher pedagogical education: monograph]. Ufa, 2005, 248 p.
20. Lobanov V. V. *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. 2015, no. 1, pp. 33–42.

Воропаев Михаил Владимирович
доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (Россия, г. Москва, Столярный переулок, 16)

E-mail: voropmv@gmail.com

Voropaev Mikhail Vladimirovich
Doctor of pedagogical sciences, professor, deputy director for research, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University (16 Stolyarny lane, Moscow, Russia)

Толкачева Наталья Викторовна
начальник Управления информационной политики и связей с общественностью, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Press_pgu@mail.ru

Tolkacheva Natal'ya Viktorovna
Head of department of information policy and public relations, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378.111

Воропаев, М. В.

Проблема структурно-функционального анализа образовательного пространства регионального высшего учебного заведения / М. В. Воропаев, Н. В. Толкачева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 180–192. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-19

УДК 130.3
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-20

В. А. Бобров, Г. М. Кириллов, А. А. Парменов

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОФАКТОРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. В рамках изменений, произошедших в XXI в. в системе образования РФ, а также в свете вызовов нового тысячелетия, потребовавших внесение коррективов подходов к воспитанию, рассматриваются проблемы нравственного воспитания личности в условиях наступления информационной эры. Выделяется ведущая роль воспитания в социализации обучающегося, формировании у него способности к самоактуализации, умению противостоять множественным негативным воздействиям со стороны медиасреды. Цель работы – выявить проблемы, связанные с формированием личности подростков, и наметить пути их решения.

Материалы и методы. Реализация задач настоящего исследования осуществлена на основе данных, полученных из средств массовой информации, а также публикаций статей современных педагогов, посвященных проблемам образования и воспитания. Авторы обращают внимание как на положительные процессы, происходящие в сфере образования, так и на негативные явления, связанные с развитием и саморазвитием личности. Метод наблюдения, используемый авторами, позволяет отобрать факты, способствующие достижению цели статьи. Сравнительный метод позволил провести аналогию между разными подходами к воспитанию и отметить различие между ними.

Результаты. Рассмотрены различные подходы к проблеме формирования личности подростка. Проанализированы молодежные проблемы, вызывающие беспокойство и тревогу современного общества. Исследованы материалы, представленные в сети Интернет, касающиеся негативных черт, проявляющихся в характере подростков. Обозначены проблемы формирования личности, требующие пристального внимания со стороны как родителей, так и педагогов.

Выводы. Изучение проблем формирования личности в условиях многофакторного воздействия информационной среды позволило выявить самые актуальные из них. Намечены пути преодоления негативных явлений, связанных с формированием личности подростков. Предложен список необходимой литературы по вопросам воспитания личности современного подростка. Обозначены основные задачи формирования личности, которые предстоит решить родителям и педагогам.

Ключевые слова: личность, воспитание, отчуждение, медиасреда, конфликт, самодетерминация, социализация, цель, ценности.

V. A. Bobrov, G. M. Kirillov, A. A. Parmenov

THE PROBLEM OF PERSONAL FORMATION UNDER THE CONDITIONS OF MULTIPLE INFLUENCE OF INFORMATION MEDIA

Abstract.

Background. The problems of moral upbringing of the individual within the framework of the changes that took place in the Russian education system in the

21st century as well as in the light of the challenges of the new millennium which required adjustments to approaches to upbringing in the context of the information age are considered. The leading role of upbringing in the socialization of the learner, the formation of his ability to self-actualization, the ability to withstand multiple negative influences from the media environment is singled out. The purpose of the work is to identify the problems associated with the formation of the personality of adolescents and outline ways to address them.

Materials and methods. The implementation of the tasks of this study was carried out on the basis of data obtained from the media as well as publications of articles by modern teachers devoted to the problems of education and upbringing. The authors pay attention to both the positive processes taking place in the sphere of education and the negative phenomena associated with the development and self-development of the individual. In the article The method of observation which has been used by the authors allows to select facts that contribute to the purpose of the article. Comparative method allows to draw an analogy between different approaches to education and specifies the difference between them.

Results. Various approaches to the problem of the formation of the adolescent personality are considered. The youth problems that cause anxiety of modern society are analyzed. The materials presented on the Internet dealing with the negative features that are manifested in the nature of adolescents have been studied. The problems of personality formation which require close parents and teachers' attention are identified.

Conclusions. The study of the problems of personality formation in conditions of multifactorial influence of the information environment makes possible to identify the most urgent of them. The ways of overcoming the negative phenomena associated with the formation of the personality of adolescents are outlined. A list of necessary literature on the upbringing of the personality of a modern teenager is offered. The main tasks of personality formation that parents and teachers have to solve are indicated.

Key words: personality, education, alienation, media environment, conflict, self-determination, socialization, purpose, values.

Формирование личности в каждый исторический период ставит перед обществом новые задачи. Начало XXI в. высветило целый ряд проблем, связанных с образованием и воспитанием подрастающего поколения. По мнению некоторых педагогов, современное образование переживает кризис, так как в обществе произошла трансформация духовно-нравственных ориентиров, отсутствуют определенные ценностные установки, нет единых требований к ребенку со стороны педагогов и родителей. Непосредственное общение преподавателя и обучающегося заменили электронные и SMS-сообщения, информацию об оценках ребенка можно узнать лишь в электронном дневнике. Разумеется, прямой контакт с воспитанником или с его родителями приносил гораздо больше пользы, чем виртуальное общение. Кроме того, в современном образовательном пространстве закономерно возникает вопрос о роли педагогов в формировании личности, о недостатке квалифицированных педагогических кадров в школах и в вузах. Проблема усложняется и тем, что самоидентификация личности современного подростка проходит в условиях информационного конфликта.

Вначале попробуем определить, что такое личность. Ли́чность – понятие, отображающее социальную природу человека, восприятие его как субъ-

екта социокультурной жизни, как носителя уникального индивидуального начала, которое реализуется в контексте социальных отношений.

В работе «О воспитании» И. Кант пишет, что человек становится человеком только благодаря воспитанию. Он становится тем, что делает из него воспитание, что требует от него общество. Кант отмечает, что человек может быть воспитан только людьми, которые так же, как и он, получили нравственное воспитание [1, с. 8].

Обращаясь к опыту педагогов XX в., можно с уверенностью сказать, что сегодня, как и прежде, очень важно воспитание духовности, нравственности, воспитание сердца. Современный ребенок часто не видит перед собой идеала, к которому надо стремиться, он находится в духовном вакууме, видя вокруг себя культ денег, стремление к обогащению любой ценой, попрание таких ценностей, как честность, справедливость, человеческое достоинство. А подросток XXI в., как и его ровесники всех времен, по-прежнему нуждается в таких непреходящих нравственных качествах, как Доброта, Милосердие, Любовь, Благородство, Красота. Используя развернутую метафору, обращаясь к лучшим традициям советской школы, можно, перефразируя идею Шалвы Амонашвили, сказать, что Храм Нравственности должен быть основан на твердыне Сердца [2, с. 16]. Эти слова известного педагога удивительным образом перекликаются с мыслями философа Г. С. Сковороды, для которого источником вдохновения послужило Евангелие. Философ сравнивает доброе сердце человека с источником, несущим животворную влагу: «Сердце благое есть то же, что приснотекущий источник, вечно точащий чистые струи, знай, мысли… Вся влага от корня, от сердца же все советы» [3, с. 569]. «Какой плод тонкой науки без сердца благого?» – вопрошает далее Г. С. Сковорода [3, с. 370]. Главная мысль философа заключается в том, что нужнее всего воспитание природное, естественное, воспитание целостного духа, которое способствует формированию гармонической личности.

Конечно, современному молодому человеку сложно самоопределиться, выбрать правильный жизненный путь, когда в обществе настолько остро стоит вопрос о конфликте системы ценностей. Ценностные ориентиры включают в себя убеждения, принципы, нормы и правила поведения, которыми человек должен руководствоваться в своей жизни. Выбор жизненных ориентиров отражается на социализации личности, ее адаптации в жизни. Необходимо, чтобы человек, вступающий в жизнь, не просто усвоил определенные моральные нормы, но и действовал соответственно им в трудных ситуациях. Эти нормы, правила должны стать у воспитанника убеждениями. Для этого нужно готовить его к реалиям современной жизни, умению противостоять негативному воздействию информационной среды.

Полагаем, что разговор о нравственном воспитании личности является очень актуальным. Неслучайно Министр образования РФ О. Ю. Васильева, говоря о приоритетах современной школы, отметила, что образование – это обучение воспитанию, воспитание – обучению. Далее она подчеркнула, что школа во все времена формировала личность одного человека, а не узкого специалиста [4]. Поэтому приоритетным О. Ю. Васильева считает именно воспитание.

В Концепции духовно-нравственного воспитания школьников, которая входит в ФГОС, сформулирован идеал современного человека, гражданина

России, который характеризуется такими качествами, как высокая нравственность, творческая активность, высокая духовность, компетентность. Он принимает судьбу Отечества как свою личную, осознает ответственность за настоящее и будущее своей страны. Это означает, что сегодняшняя школа должна воспитать человека, живущего по принципам высокой духовности, в согласии с такими нравственными понятиями, как честь, совесть, чувство собственного достоинства. Это личность, в основе поведения которой лежат такие добродетели, как благородство, дружелюбие, порядочность, готовность прийти на помощь нуждающемуся, любовь к людям. Кроме того, это человек креативный, ориентированный на развитие своих способностей, знакомый с духовными ценностями отечественной и зарубежной культуры. Это патриот Отечества, готовый защищать свою Родину. Это гражданин в высоком смысле этого слова.

Однако декларировать, какой должна быть высоконравственная личность, – это одно, а помочь ребенку выбрать правильные жизненные ориентиры – другое. Развитие личности прямо связано с ее самодетерминацией, самоактуализацией, способностью разрешения противоречий с социальной действительностью. Человек действует в рамках объективно возможного, т.е. обстоятельства заставляют его поступать определенным образом. В связи с произошедшими в обществе качественными социально-экономическими преобразованиями меняются нормы морали, ценности, характер отношений между людьми, особенно ярко этот процесс прослеживается в молодежной среде. Непосредственно от того, какие нормы, правила, моральные ценности примет подросток, молодой человек, как и какие у него будут формироваться нравственные качества, зависит содержание и направленность его деятельности.

Задача обучающегося в настоящее время заключается в том, чтобы познать отчужденный от него мир, приспособиться к нему, а затем его преобразовать. При этом необходимо учитывать те вызовы, которые нам предлагает современная реальность. В условиях информационной войны становятся актуальными такие проблемы, как конфронтация нашей страны с Западом, борьба с терроризмом, воздействие на сознание человека различных тоталитарных сект, компьютерный троллинг, влияние на ребенка деструктивных интернет-сообществ. Все эти явления оказывают негативное влияние в первую очередь на подростков, поэтому преодолеть эти вызовы информационного общества непросто. Становится очевидным, что современная школа должна осознать всю степень ответственности, которую на нее возлагает государство, и направить усилия на формирование личности. Л. С. Выготский писал, что «личность есть понятие социальное, личность не врожденна, но возникает в результате культурного и социального развития» [5, с. 115].

Формирование личности подростка проходит несколько стадий. Остановимся на некоторых из них. В раннем подростковом возрасте у ребенка появляется осознание своего «Я», утверждение себя в этом мире, он стремится подражать старшим; неуважительное отношение к личности ребенка воспринимается им драматически, вызывает саботаж, приводит к срывам. Поэтому важно, чтобы подросток ощущал уважение к себе, чувствовал себя комфортно. Педагогам и родителям необходимо понимать, что быстро взрослеть подростка заставляют также физиологические изменениями, происходящие в его организме, и нужно относиться к нему с пониманием и доверием.

Если подросток, попадая в трудное положение, не получает помощи от родителей, учителей, воспитателей, то процесс его социализации сильно усложняется.

Новый этап в жизни подростка характеризуется подражанием внешним атрибутам взрослого человека. У девочек это косметика, украшения, «модный» сленг. Волевые качества, смелость, выносливость, дерзость, независимость – основные черты, которые старается выработать в характере подросток-мальчик. Подростки в этот период активно общаются в социальных сетях, через WhatsApp и Viber. Им кажется, что они живут насыщенной и яркой жизнью. На самом деле они часто не имеют нужных жизненных ориентиров, не умеют справляться с первыми жизненными трудностями. Переоценка общепринятых понятий в наше время требует во многом, по сравнению с прошлым, нового подхода к вопросам воспитания ребенка в семье, школе, выработки иных механизмов и критериев правильного направления развития личности. Здесь очевидна культура и осведомленность в актуальных проблемах самих воспитателей, их педагогическая и психологическая подготовка к работе с детьми. Следует отметить, что некоторые подростки в 13–14-летнем возрасте начинают активно заниматься самовоспитанием. Повзрослевшие мальчики уделяют внимание развитию волевых качеств личности. Многие из них подражают известным спортсменам, актерам, родителям. Физическому развитию способствуют занятия спортом. В этой связи необходима ситуация успеха, поощрение, положительная мотивация. В данном случае речь идет о развитии подростков, чье формирование не имеет особых отклонений от нормы. Однако не всегда взросление ребенка не вызывает проблем.

А. В. Мудрик подчеркивает, что подросток может не только самосовершенствоваться, но и саморазрушаться. Куда будет направлен вектор самоизменения, зависит от того, как будет проходить социализация подростка, его вхождение в самостоятельную жизнь, какую роль сыграют взрослые в этом процессе. И. Г. Песталоцци мечтал, чтобы каждый ребенок ощутил тепло и заботу своей семьи и прошел по ступеням нравственности от «пункта» любви к матери до чистого подражания богочеловеку, принесшего себя в жертву ради нас [6, с. 352].

Но нам хотелось привлечь внимание к тем молодежным проблемам, которые вызывают беспокойство и тревогу за судьбы тех, кто только вступает в жизнь. Стремительные социальные события, происходящие в стране, занятость взрослого населения, недостаточное внимание родителей и педагогов к интересам детей заставляют подрастающее поколение делать собственный выбор, адаптироваться в современных условиях, иметь свои суждения по тем или иным вопросам и формировать собственный взгляд на мир. Нельзя не согласиться с известным педагогом В. С. Мухиной в том, что реальность окружающего мира имеет особое значение для развития личности. Поэтому, вступая в жизнь, личность должна обладать определенной самостоятельностью [7, с. 49]. В то же время не всегда такая «самостоятельность» дает положительные результаты. Остановимся на некоторых проблемах, свидетельствующих о драматических тенденциях в формировании личности подростка.

Достаточно напомнить читателям о нескольких острых проблемах, которые прочно заняли место в современной действительности. В последнее время в соцсетях получила распространение суицидальная игра «Синий кит»,

некая новинка, которая стремительно распространилась среди молодежи «ВКонтакте». Согласно условиям этой «продвинутой» и «модной» игры, подростку предлагается выполнить 50 далеко не безопасных заданий. Одно из них заключается в том, что участник сообщества должен лезвием нарисовать на руке синего кита. В квестах предлагаются и другие задания, имеющие не менее авантюрный и жесткий характер. К примеру, «разбуди меня в 4.20», «пойди на крышу и встань на самом краю» и т.д. В финале появляется задание, которое… убивает. Не менее азартной и популярной стала игра «Беги или умри», которая пришла на смену небезызвестным «группам смерти». Информация о модной штучке появилась в социальных сетях еще в прошлом году. О флешмобе «Беги или умри» сообщил и один из телевизионных каналов. Как считают педагоги и психологи, эта игра может унести жизни многих детей, стремящихся во всем походить на своих отчаянных сверстников. Правила игры просты и лаконичны: в чате или закрытой группе подросткам дается «безобидное» задание, связанное с бегом: перебежать дорогу на «красный» сигнал светофора или «пронестись» по крыше высотного здания. Информацию о выполнении задания надо выложить в Сеть в виде фотографий и видео. Подобная информация стремительно распространяется среди неокрепших умов, повышая рейтинг сомнительного «удовольствия». Большинство подростков осведомлено о подобных играх. К тому же не у каждого ребенка «модные штучки» вызывают негативную реакцию. Тем не менее нельзя освобождать ребенка от ответственности за свои действия и поступки, так как, по словам Ф. М. Достоевского, безответственность доводит человека «до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга...» [8, с. 16].

Продолжая разговор о негативном влиянии на подростка информационной среды, обратимся к такому явлению, как азартные игры. Этому греху подвержены как взрослые, так и дети. Наиболее рискованна игромания именно в подростковом возрасте. Количество индивидов, совершивших преступление на почве азартной игры среди подростков, достаточно велико. Не может не беспокоить не менее тяжкий недуг – наркомания. Согласно статистике, каждый месяц от наркотиков в России погибают 6500 человек.

Кто бы мог подумать несколько лет назад, что желание сфотографироваться будет связано с риском для жизни? Но немало примеров современных селфи свидетельствует о полученной подростками психической или физической травме. Так, за шесть месяцев 2016 г. в нашей стране пострадали более 100 молодых людей при съемке фотографий, которые делались в условиях «экстрима». В неудержимом желании сделать эффектное фото, получить побольше лайков от почитателей подростки отчаянно рискуют, и, к несчастью, очень часто ценой одной фотографии становится жизнь молодого человека. К сожалению, взрослые редко осведомлены о рискованном досуге детей. Чаще всего они узнают о драматических последствиях модных увлечений постфактум.

История со студенткой МГУ Варварой Карауловой, получившая огласку летом 2015 г., напоминает о том, что существует еще одна проблема, свидетельствующая о кризисе идентичности. Девушка, родившаяся в обеспеченной семье, обучающаяся на философском факультете МГУ, знающая несколько иностранных языков, решила поехать в Сирию, чтобы вступить в ря-

ды боевиков группировки ИГИЛ. По словам отца девушки, она постоянно общалась со своими вербовщиками не в социальных сетях, а в закрытой группе в WhatsApp. Павел Караулов отмечает, что группа WhatsApp является достаточно закрытой, поэтому переписка дочери не вызывала у близких никаких подозрений. По мнению отца, Варвара была «ослеплена», попав под влияние вербовщиков. В обвинительном заключении, предъявленном Карауловой, указано, что она приняла решение вступить в группировку ИГИЛ и могла впоследствии осуществлять диверсионную деятельность на территории Сирии. Согласитесь, такое трудно представить, учитывая происхождение и уровень образования девушки. В настоящее время Варвара отбывает наказание в «Лефортово». Ей предстоит провести в тюрьме 4,5 года [9].

В этой связи представляет интерес исследование в этой области Р. Д. Лэнга, шотландского психиатра. Лэнг рассматривает поведение каждого пациента как выражение личностной свободы, опыта, а не симптомов заболевания. Метафора, которую он использует в названии и содержании своей книги «Расколотое “Я”», многозначна: она отражает духовный мир не только больного человека, сделанного из стекла, «из такого прозрачного и хрупкого вещества», которое может рассыпаться на мелкие кусочки при одном взгляде на него, но во многом жизнь современного человека в информационном обществе с его открытостью и прозрачностью [10, с. 31]. Лэнг склоняется к тому, что причина «расколотости» лежит в самой личности. Такое состояние может быть вызвано тем, что индивид переживает «раскол» с самим собой, ощущая себя нереализованным, ненужным. В этом случае разум слабо связан с телом, с душой. Такое состояние часто является болезненным. Кроме того, индивид может находиться в разладе с обществом, где его не понимают, не находить взаимопонимания с родителями. Ощущая себя в «изоляции» от других, он испытывает неудовлетворенность, ощущает себя одиноким. Думается, что в случае с Варварой Карауловой все произошло подобным образом. К счастью, такие ситуации случаются не так часто. Тем не менее коллектив школы или вуза должен создавать такую атмосферу, при которой личность могла бы раскрыться и реализовать себя в полной мере. Обособление происходит тогда, когда человек чувствует свою оторванность от окружающих.

Мы видим, что личность подростка и молодого человека сталкивается с новыми вызовами. Основная проблема этой истории: самоидентификация личности в условиях информационного конфликта, желание заявить о себе в мире разными способами. Причин, повлекших негативные явления, очень много. И в них предстоит разбираться как родителям, так и педагогам. Целью воспитания в наше время является воспитание человека, умеющего не только принимать решения, но и способного к самоопределению в ситуациях нравственного выбора. Социальная обусловленность обстоятельств, сложившихся в ситуации морального выбора, неразрывно связана с характером взаимоотношений обучающегося с окружающими людьми, определением своего положения среди сверстников, начиная с подросткового возраста. Положительный или отрицательный опыт взаимоотношений с людьми формирует и соответствующий внутренний мир личности, ее моральные качества.

Характерно, что в этом году, накануне Рождества, Министр образования РФ О. Ю. Васильева в беседе с патриархом Кириллом подчеркнула, что

для нее самыми главными качествами в подрастающем человеке являются справедливость, доброта, любовь, уважение к старшим, забота о старших. Она посетовала на то, что «из нашего языка, к сожалению, совсем ушли слова “милосердие”, “сострадание”» [11].

Что нужно сделать для воспитания личности в современном обществе? Разумеется, на этот вопрос существует множество ответов. Л. В. Николаева, педагог, занимающийся изучением вопроса поликультурной среды, полагает, что в настоящее время для формирования толерантной личности, способной интегрироваться в современном обществе, важно объединение всех социальных институтов: детского сада, школы, вуза – с родительской общественностью, что, безусловно, принесет пользу в ценностном воспитании подрастающего поколения [12, с. 141–154]. Главное же состоит в том, что настоящий педагог должен находиться в постоянном поиске, используя в своей работе как методы классической педагогики, начиная с Яна Амоса Коменского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, так и исследования педагогов-новаторов. Однако здесь мало теоретизирования. Нужна конкретная разнообразная работа с ребенком, учитывающая и уровень его интересов, и его возрастные особенности. Мы приведем пример, который нам кажется весьма убедительным и своевременным. Одной из альтернатив современной общеобразовательной школы является авторская школа.

Авторская школа – это весьма перспективное учебное заведение. Моделью одной из таких школ, «школы для всех», является функционирующая в Москве 109 школа. Это учебное заведение, созданное Е. А. Ямбургом, прошло испытание временем, заявив о себя как об инновационном учебном заведении. Е. А. Ямбург – заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской академии образования. Он разработал и реализовал современную модель адаптивной школы – учебного заведения нового типа. Это разноуровневая и многопрофильная общеобразовательная школа, в которой могут учиться дети, имеющие разные интеллектуальные способности, различный уровень материального достатка. В этой школе обучаются и те дети, которые имеют физические недостатки и нуждаются в особом подходе. Здесь ребенку предоставлена возможность выбирать, что ему нужно, он не чувствует себя белой вороной, отщепенцем, ему спокойно и комфортно, с ним считаются, его уважают, видя в нем прежде всего личность, уникальную, неповторимую, нуждающуюся в любви и понимании. В школе существуют лицейские и гимназические классы, классы общеобразовательные и коррекционные. Достигнув определенных успехов, обучающийся может повысить планку, перейдя из обычного класса в гимназический. Директор школы утверждает, что его школа дает возможность развиваться каждому ребенку, формировать его личность. Выпускники школы быстро адаптируются в социуме, находят дело по душе, реализуют свой творческий потенциал. Центральная задача школы – сохранение личности воспитанника в весьма сложных, зачастую драматических жизненных обстоятельствах полностью реализуется.

Итак, в нашей жизни многое изменилось в сравнении с минувшей эпохой, потому что школа, как писал Корчак, находится не на Луне. Изменилось многое. Современные дети стали более недоверчивыми, критичными. Ими невозможно манипулировать, они прагматичнее и рациональнее, чем их ро-

дители, порою осведомленнее во многих вопросах, чем педагоги. Они владеют разнообразными техническими средствами. Однако многим из них «труд упорный тошен», хотя выдающийся педагог прошлого столетия В. А. Сухомлинский видел в труде основу всестороннего развития личности, подчеркивая, что радость труда воспитывает в человеке чувство гордости [13, с. 534]. Думается, что в труде ребенок тоже может реализовать свою активность. Родителям надо с детства воспитывать в детях трудолюбие.

Возвращаясь к теме статьи, отметим, что через сеть Интернет подросткам открыт весь мир. Тем не менее им необходима наша поддержка и помощь. Надо считаться с тем, что им предстоит жить в этом непростом мире, выражать себя, делать карьеру. Поэтому надо с пониманием относиться к их мнению, к их категоричности и амбициям.

В заключение отметим, что универсальными, непреходящими средствами воспитания личности являются любовь к ребенку, понимание трудностей и проблем, которые он переживает, принятие ребенка таким, каков он есть. Педагоги должны работать в тесной связи с родителями. В арсенале педагогических средств должны быть все виды воспитания: семейное, социальное, религиозное, коррекционное, при этом необходимо понимать, что формирование личности складывается из всех аспектов воспитания. Очень актуальным будет напутствие известного педагога А. В. Мудрика, который советовал педагогам предвидеть неизбежное и уменьшать эффект случившегося [14, с. 7]. Педагоги должны обладать такими качествами, как доброта, сострадание, участие, умение оказать воспитаннику необходимую помощь; владеть приемами саморегуляции и обучать им своих подопечных, ведь весь мир, по словам Н. А. Бердяева, – ничто по сравнению с человеческой личностью [15, с. 310]. Осознание важности своего труда перед грядущими поколениями поможет педагогам найти верную тропинку к сердцу ребенка.

Библиографический список

1. **Бим-Бад, Б. М.** Лекции Иммануила Канта о педагогике: перевод и комментарий / Б. М. Бим-Бад. – М., 1983. – С. 8.
2. **Амонашвили, Ш. А.** Без сердца что поймем? / Ш. А. Амонашвили. – М. : Изд. дом Шалвы Амонашвили, 2004. – С. 16.
3. **Эрн, В. Ф.** Борьба за логос: Г. Сковорода: Жизнь и учения / В. Ф. Эрн. – Минск : Харвест, 2000.
4. Ольга Васильева: «Учитель – это служение». – URL: https://www.ucheba.ru/article/3310
5. Краткий курс по общей психологии : учеб. пособие. – М. : РИПОЛ классик : Окей-книга, 1988. – С. 115.
6. Педагогическое наследие. Я. А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци / сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. – М. : Педагогика, 1988. – С. 352.
7. **Мухина, В. С.** Личность: Мифы и Реальность: альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты / В. С. Мухина. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010. – С. 49.
8. **Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя. 1873 / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – М., 1980. – Т. 21. – С. 16.
9. Вербовка смертниц: Как студентка МГУ вступила в ИГИЛ и поехала в Сирию // Русская весна. – URL: http://rusvesna.su/news/1481448171

10. **Лэнг, Р. Д.** Расколотое «Я» : пер. с англ. / Р. Д. Лэнг. – СПб. : Белый Кролик, 1995. – С. 31.
11. Ольга Васильева – патриарху Кириллу: главная цель – воспитание в людях нравственности // Фома. – URL: http://foma.ru/olga-vasileva-patriarhu-kirillu-glavnaya-tsel-vospitanie-v-lyudyah-nravstvennosti.html
12. **Николаева, Л. В.** Проблема воспитания толерантности личности в поликультурной среде / Л. В. Николаева // Воспитание поликультурной личности: проблемы, поиски, решения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (14–19 мая 2012 г.). – Якутск : АГИКИ, 2012. – С. 141–154.
13. **Сухомлинский, В. А.** Избранные педагогические сочинения : в 3 т. / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1979. – Т. 1. – С. 534.
14. **Мудрик, А. В.** Социальная педагогика : учеб. для студ. учреждений высш. проф. образования / А. В. Мудрик. – 8-е изд. – М. : Академия, 2013. – С. 7.
15. **Бердяев, Н. А.** Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М., 1989. – С. 310.

References

1. Bim-Bad B. M. *Lektsii Immanuila Kanta o pedagogike: perevod i kommentariy* [Lectures of Immanuel Kant on pedagogy: translation and comments]. Moscow, 1983, p. 8.
2. Amonashvili Sh. A. *Bez serdtsa chto poymem?* [What will we understand without the heart?]. Moscow: Izd. dom Shalvy Amonashvili, 2004, p. 16.
3. Ern V. F. *Bor'ba za logos: G. Skovoroda: Zhizn' i ucheniya* [Struggle for logos: G. Skovoroda: Life and teaching]. Minsk: Kharvest, 2000.
4. *Ol'ga Vasil'eva: «Uchitel' – eto sluzhenie»* [Olga Vasilyeva: “The teacher is devotion”]. Available at: https://www.ucheba.ru/article/3310
5. *Kratkiy kurs po obshchey psikhologii: ucheb. Posobie* [A quick course of general psychology: tutorial]. Moscow: RIPOL klassik: Okey-kniga, 1988, p. 115.
6. P*edagogicheskoe nasledie. Ya. A. Komenskiy, D. Lokk, Zh.-Zh. Russo, I. G. Pestalotstsi* [Pedagogical heritage. Ya. A. Komensky, D. Locke, J.-J. Russo, J. H. Pestalozzi]. Comp. by V. M. Klarin, A. N. Dzhurinskiy. Moscow: Pedagogika, 1988, p. 352.
7. Mukhina V. S. *Lichnost': Mify i Real'nost': al'ternativnyy vzglyad. Sistemnyy podkhod. Innovatsionnye aspekty* [Personality: Myths and Reality: an alternative view. The system approach. Innovation aspects]. 2nd ed., ispr. i dop. Moscow, 2010, p. 49.
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete collection of works: in 30 volumes]. Moscow, 1980, vol. 21, pp. 16.
9. *Russkaya vesna* [Russian spring]. Available at: http://rusvesna.su/news/1481448171
10. Leng R. D. *Raskolotoe «Ya»: per. s angl.* [Fractured “I”: translation from English]. Saint-Petersburg: Belyy Krolik, 1995, pp. 31.
11. *Foma*. Available at: http://foma.ru/olga-vasileva-patriarhu-kirillu-glavnaya-tsel-vospitanie-v-lyudyah-nravstvennosti.html
12. Nikolaeva L. V. *Vospitanie polikul'turnoy lichnosti: problemy, poiski, resheniya: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (14–19 maya 2012 g.)* [Fostering a polycultural personality: problems, searches, solutions: proceedings of an All-Russian scientific and practical conference with international participation (14th–19th May 2012)]. Yakutsk: AGIKI, 2012, pp. 141–154.
13. Sukhomlinskiy V. A. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 3 t.* [Selected pedagogical works: in 3 volumes]. Moscow: Pedagogika, 1979, vol. 1, p. 534.
14. Mudrik A. V. *Sotsial'naya pedagogika: ucheb. dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya* [Social pedagogy: textbook for university students]. 8th ed. Moscow: Akademiya, 2013, p. 7.
15. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The point of creativity]. Moscow, 1989, p. 310.

Бобров Валерий Анатольевич
кандидат экономических наук, доцент, кафедра философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: bobroff@bk.ru

Bobrov Valeriy Anatol'evich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of philosophy and social communications, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Кириллов Герман Михайлович
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gekir10@mail.ru

Kirillov German Mikhaylovich
Candidate of philosophy, associate professor, sub-department of philosophy and social communications, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Парменов Анатолий Александрович
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: aaprmen@rambler.ru

Parmenov Anatoliy Aleksandrovich
Candidate of philosophy, associate professor, sub-department of philosophy and social communications, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 130.3
Бобров, В. А.
Проблема формирования личности в условиях многофакторного воздействия информационной среды / В. А. Бобров, Г. М. Кириллов, А. А. Парменов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 193–203. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-20

УДК 811 378
DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-21

Н. Х. Фролова, О. П. Миханова

ВОЗМОЖНОСТИ ВИКИ-САЙТА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Информатизация общества, переход на цифровую экономику ведет к интеграции информационных технологий в образовательный процесс высшей школы, методику преподавания различных дисциплин, в том числе иностранных языков. Цель работы – проанализировать преимущества и недостатки обучения английскому языку студентов двух географически удаленных российских вузов с использованием единого вики-сайта.

Материалы и методы. Совокупность различных методов исследования предоставила возможность объективного анализа эффективности применения вики-сайтов в процессе изучения английского языка. В частности, такие методы, как компаративный для сравнения вики с иными инновационными средствами обучения и описательный, применяемый для описания функциональных характеристик вики, были использованы авторами в ходе эксперимента. Статистические данные были получены путем количественного и качественного анализа анкетирования студентов.

Результаты. Проанализированы особенности экспериментального проекта обучения английскому языку географически удаленных студентов первого года обучения двух российских вузов, показаны преимущества и недостатки обучения с использованием единого вики-сайта.

Выводы. Ввиду многосредности представления учебной информации, открытого доступа к данному ресурсу, возможности совместного редактирования контента вики-сайтов, его доступности и удобства в использовании данный проект представляется весьма перспективным для различных сфер обучения.

Ключевые слова: вики-сайт, межвузовский проект, инновации в обучении, внеаудиторное общение.

N. Kh. Frolova, O. P. Mikhanova

THE POTENTIAL OF THE WIKI-SITE APPLICATION IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING: COLLABORATION OF THE RUSSIAN UNIVERSITIES

Abstract.

Background. Digital computing technologies and digital economy (Web Economy) has widespread impact both on the whole economy, higher education, and language teaching methodology. The intent of this article is to analyze advantages and disadvantages of blended learning, the wiki-site application in English language teaching of the first-year students from two Russian universities.

Materials and methods. The combination of various research methods provided an opportunity for objective analysis of the effectiveness of the wiki sites use in the process of English learning. In particular, methods such as: comparative for contrasting the wiki with other innovative learning tools and descriptive used to show

the functional characteristics of the wiki were used by the authors during the experiment teaching. Statistics was obtained by quantitative and qualitative analysis of the students' questionnaires.

Results. The findings and the results obtained have proven the efficiency of the given project.

Conclusions. Bearing in mind multimedia presentation of educational information, open access to the resource, the possibility of collaborative content editing of Wiki sites, the project is proven to be user- friendly and promising for application in other subject teaching.

Key words: joint project of Russian universities, educational innovations, extracurricular communication.

Информатизация общества, переход на цифровую экономику несомненно влияют на образовательный процесс, методику преподавания различных дисциплин в высшей школе, в том числе и иностранных языков. Поэтому интеграция информационных технологий в лингвистическое образование, в обучение иностранным языкам сегодня очевидна.

Современное обучение в высшей школе представляет собой процесс овладения студентами стратегиями активного получения и переработки информации с целью ее дальнейшего практического применения [1]. Информатизация языкового образования и дидактические особенности применения информационных технологий в процессе обучения иностранным языкам становятся одним из приоритетных направлений развития системы высшего образования [2–4]. В этой связи целый ряд научных публикаций посвящен инновационным методикам обучения иностранному языку на основе современных информационных и коммуникационных технологий [1, 5–8]. Представляется весьма актуальным сегодня включение электронного или смешанного компонентов в традиционные учебные формы для структурирования и мониторинга активной самостоятельной учебной деятельности студентов. Традиционный университетский курс обучения иностранному языку может быть преобразован за счет сочетания очных аудиторных занятий с автономной работой студентов в интерактивной обучающей среде для повышения эффективности образовательного процесса [6].

В арсенале современного преподавателя иностранного языка имеются инновационные веб-инструменты (Vocgrabber, podcasts, wiki), разнообразные обучающие среды (LMS, Coursera, Moodle и др.), образовательные платформы (MOOCs) для проведения массового обучения, семинаров в режиме реального времени (webinars) или презентаций (slide sharing) [9].

Вопросами, связанными с использованием ИКТ в процессе обучения иностранным языкам, занимались такие исследователи, как В. С. Гусев, А. А. Драгунова, И. Г. Захарова, И. В. Роберт, П. В. Сысоев, С. В. Титова, А. В. Филатова, Е. Н. Соловова, А. Л. Назаренко и др.

Более того, в связи с возникновением и широким применением викитехнологий появилось понятие «викизации» виртуального пространства, которое становится трендом в развитии современных программных средств обучения [10].

В настоящее время одной из форм информатизации традиционного образовательного процесса является смешанное обучение, которое получает сейчас все большее распространение в мировой практике. Но параллельно

существуют и другие варианты обучения на основе ИТ, среди которых так называемое смарт-обучение. Однако его характеристики принципиально схожи с феноменом смешанного обучения: формирование новых знаний и компетенций происходит в высокотехнологичной образовательной среде, находящейся в открытом мобильном доступе в любой точке мира и в любое время; возможности индивидуализировать обучение и одновременно обучение в сотрудничестве, в социальном контексте, где как преподаватель, так и обучающийся является обучающим ресурсом для других [5].

В данной статье авторами рассматривается совместный проект двух российских вузов, направленный на изучении иностранного языка с применением вики-сайта, созданного преподавателями и студентами Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород) и Пензенского государственного университета.

Термин «вики», введенный в 1995 г. У. Каннингемом, означал «быстро-быстро» и был образован от заимствования “wiki” (английский перевод – “fast”). С тех пор многие проекты были созданы с применением вики-технологий, но самый известный проект, на наш взгляд, – это Википедия (Wikipedia), представляющий собой толковый словарь, состоящий из постатейного толкования разных явлений и событий и переведенный на многие языки мира [2, с. 18].

По мнению авторов статьи, на современном этапе определение, данное А. А. Драгуновой, что вики «представляет собой сайт или социальный сервис, позволяющий своим пользователям добавлять, исправлять, удалять его содержимое», имеет более широкий смысл, поскольку вики позволяет размещать реализованные совместные проекты, сделанные презентации и созданные письменные работы.

Учитывая тот факт, что этот материал становится общедоступным, преподаватели и учащиеся более тщательно отбирают учебный материал и более заинтересованы в высоком качестве работ. Следовательно, положительная оценка, полученная от учителя, не настолько значима по сравнению с личным вкладом каждого в новое содержание сайта.

В процессе смешанного обучения с применением вики его использование может быть рекомендовано на одном или нескольких аудиторных занятиях или же заменить модуль обучения полностью, но необходимо помнить, что вики относится к технологиям фрагментированного электронного образования и специфика обучения иностранным языкам требует практики речи. В данном случае вики-сайт служит платформой для активного тематического обсуждения в ходе реального иноязычного общения и создания совместных творческих работ с их последующим рецензированием креативных проектов [3, 4].

Цели применения вики зависят от личных потребностей преподавателей и студентов, начиная от создания и хранения в открытом доступе качественных мультимедийных учебных материалов (текст, фото, видео-, аудиофайлы) до своевременной навигации с использованием гиперссылок, при этом открывается доступ к разнообразным учебным пособиям:

– мультимедийным словарям и справочникам;

– электронным пособиям, книгам; к электронным библиотекам;

– базам контрольно-измерительных материалов и тестовым программам;

– различным депозитариям видеоматериалов, которые могут быть использованы при изучении профессиональных глоссариев;

– текстам на иностранных языках при обучении просмотровому, детальному и профессионально ориентированному чтению;

– межкультурному диалогу посредством теле- и видео-конференц-связи [6, с. 231].

Более того, необходимо добавить, что в вики-средах широкое применение нашли разнообразные подкасты, оцифрованные файлы статей и периодических изданий, а также комментарии специалистов, опубликованные в открытом доступе в сети Интернет с возможностью рассылки всех обновлений, на которые можно «подписаться» при помощи RSS. Это могут быть аудио- или видео-файлы, фото и изображения, текстовые документы и мультимедийные презентации.

Существует общепринятая классификация подкастов на лингвистические (формируют языковые навыки и навыки), социолингвистические (использование языковых инструментов в социальном контексте), социокультурные (содержат информацию о людях, стране, культуре языка) и др. [4, с. 91]. Аутентичные материалы в виде подкастов на иностранных языках способствуют возникновению заинтересованности обучаемых и повышают мотивацию студентов.

Суммируя все вышесказанное, можно выделить преимущества обучения иностранным языкам, дарованные вики-технологиями:

1) применение вики требует формирования навыков, выходящих за рамки учебного предмета, что со временем способствует формированию профессиональных компетенций [3, 4]; умение находить, анализировать, синтезировать и оперативно работать с информацией;

2) моделирование ситуации реального общения на иностранном языке;

3) контроль содержания высказываний, отбор языковых средств и стилистических приемов;

4) наличие синхронной и асинхронной обратной связи, контакт с другими пользователями Интернета, что способствует формированию умений монологической и диалогической речи с аргументацией, корректного употребления клише и правил этикета;

5) транслирование и расширение сфер применения интернет-ресурсов для обогащения знаний студентов посредством гиперссылок на другие сайты, блоги, вики и т.д.;

6) простой интерфейс и доступность бесплатных макетов сайтов в формате вики (Google sites);

7) практика применения устной и письменной речи, формирование различных умений коммуникантов.

Итак, все теоретические положения об эффективности и необходимости использования вики-технологий в учебном процессе вуза на современном этапе развития образования были проверены в ходе экспериментальной работы – совместного проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в Нижегородском кампусе и Пензенского государственного университета (ПГУ) в течение 2016–2017 учебного года.

В проекте принимали участие студенты первого курса экономических специальностей – будущие менеджеры учебных групп 16М3 и 16М4 (НИУ ВШЭ НН) и 16ЭБ1 (ПГУ).

Авторы данной статьи (преподаватели английского языка) применяли вики-технологии, а именно вики-сайт для поддержки дисциплины «Английский язык», которая изучается на первом и втором курсах.

Концепция проекта была определена авторами на первом этапе (сентябрь–декабрь 2016 г.). Его цель состояла в том, чтобы проверить эффективность применения вики-сайта с точки зрения формирования языковой и информационной компетенций студентов, повышения мотивации обучения, создания условий для креативного содружества студентов из разных городов. Другими словами, создать благоприятные условия для студентов, чтобы они самостоятельно овладевали недостающими знаниями и собирали учебную информацию из различных источников; учились решать когнитивные и эмпирические задачи с применением полученных знаний; приобретали умения иноязычного общения и командной или групповой работы; развивали исследовательские умения (постановка проблемы, сбор информации, наблюдение, анализ, синтез, обобщение и оценка); формировали навыки критического мышления. Для создания вики-сайта (https://sites.google.com/site/nnbridgetopenza) были выбраны ресурсы сервиса Google-Sites, которые позволяют создавать сайты для любых целей и проектов, поскольку данная платформа бесплатна и легка в использовании, а также не требует глубоких знаний в области программирования и веб-дизайна.

В ходе проекта изучались две актуальных для студентов темы – «Искусство управления» на основе аутентичных статей из журнала Economist на английском языке (“Are managers born?” и “Managing the Facebookers”) и «Защита окружающей среды» на основе материалов о проекте Эдем (Eden Project).

В центре внимания находились студенты и развитие их творческих способностей. Поэтому сразу же были определены задания и задачи в зависимости от уровня студентов, хотя студенты с более низким уровнем владения английским языком могли выполнять задания повышенной трудности.

На втором этапе (январь–июнь 2017 г.) студенты НИУ ВШЭ должны были посмотреть видео о проекте Эдем, прослушать интервью с создателем проекта Тимом Смитом, выполнить упражнения, направленные на понимание деталей создания проекта, его масштаба и значения.

Студентам ПГУ следовало прочитали актуальную статью об особенностях стиля управления в компании представителями разных поколений. Затем они выполняли упражнения на понимание прочитанного, далее статья и задания обсуждались в аудитории. И конечным результатом работы было написание эссе – их мнение на тему.

К определенному на первом этапе проектной работы сроку студенты должны были выложить свои эссе на сайт для того, чтобы участники проекта из Нижнего Новгорода смогли оценить их работу, выложить свои отзывы, выбрать лучшее на их взгляд эссе.

Кроме того, студенты обоих вузов могли выступать администраторами сайта при условии разрешения авторизации преподавателем.

Образовательный процесс строился не только в логике учебной дисциплины, но и в логике деятельности, имеющей личностный смысл для студентов, что повышало их мотивацию.

Кроме того, в ходе реализации проекта учитывался тот факт, что развитие активности личности в учебном процессе происходит в случае осознанности студентом содержания учебного материала, методов обучения; проявления свободы выбора в образовательном процессе, которая определяется таким качеством, как избирательность; стремления личности к целеполаганию, самостоятельности в реализации намеченных целей, самоконтроле и самоанализе.

Как известно, смысл изучения иностранного языка – в его применении, умении общаться устно или письменно, в конечном итоге. И участие в проекте позволило студентам ощутить это на себе.

В ходе работы над материалами студенты могли обменяться мнениями со сверстниками из другого города. Выступая рецензентами работ друг друга, студенты анализировали свои и чужие ошибки и совместно находили успешные стратегии как в говорении, так и в письме.

Индивидуальный темп работы над проектом обеспечил выход каждого студента на более высокий для него уровень развития. Для освоения материала и выполнения упражнений был определен срок, и каждый студент мог выбрать время и темп выполнения заданий в соответствии со своим уровнем и занятостью. Более «слабые» студенты могли спокойно выполнить задания – прослушать интервью и посмотреть видео несколько раз. Порадовало то, что многие студенты выполняли задания повышенной для них сложности, что, безусловно, подтверждает увеличение мотивации к изучению английского языка.

Общеизвестно, что глубокое, осознанное усвоение базовых знаний обеспечивается за счет их универсального использования в разных ситуациях.

В ходе реализации проекта благодаря возможности вики для постоянного редактирования контента сайта, добавления файлов любого типа, с помощью гиперссылок на аудио- и видео-ресурсы студенты выполняли часть заданий вне аудитории, получали легкий доступ к необходимым видео, текстам, ссылкам и литературе, создавали совместные проекты, а также при сотрудничестве и неформальном общении друг с другом и с преподавателем выступали рецензентами эссе своих сверстников из других городов.

После окончания проекта было проведено анонимное анкетирование, в котором участвовали три группы студентов первого курса (12, 17 и 20 человек). Вопросы рассматривались через призму одного из выведенных для оценки качества/эффективности обучения критериев (Sloan-C Five Pillars quality framework) – «удовлетворенность студентов» (Student Satisfaction) [5]. Поскольку все факторы в образовательном процессе соотносятся с «удовлетворенностью студентов», для обработки результатов опроса применялся метод так называемой симптоматической статистики (оценивание по количественным показателям) [11].

Из 49 респондентов НИУ ВШЭ и ПГУ, большинство из которых составили девушки, около 70 % опрошенных студентов на вопрос о целесообразности применения ИКТ в процессе обучения ответили, что применение вики сде-

лало курс обучения английскому языку в двух разных вузах более удобным и эффективным, а также стало стимулом к дальнейшему изучению языка.

Среди достоинств изучения иностранных языков с применением вики-сайта студенты особо выделяют нижеследующие преимущества вики-сайтов:

– большие возможности наглядного представления материала – текст, звук, мультипликация, видео (98 %);

– возможность совершенствования всех видов речевой деятельности и общего языкового уровня, причем была особенно отмечена возможность выполнять не только задания своего уровня, но и при желании более сложные (61 % всех опрошенных);

– 48 % студентов считают, что за счет работы с вики-сайтом, в результате изучения новых лексических единиц их словарный запас увеличился значительно – примерно на 35–50 %, почти 30 % опрошенных считают, что их словарный запас увеличился на 15–20 %;

– 70 % респондентов отметили улучшение такого вида речевой деятельности, как говорение за счет постоянного общения друг с другом и неформального общения с преподавателями.

Единственный недостаток созданного в ходе исследования вики-сайта, который отметили студенты, – это ограниченность интерфейса Google-Sites. Подавляющее большинство материалов размещалось в качестве ссылок на другие интернет-ресурсы, использование которых не всегда было удобным. В дальнейшем данная проблема может быть решена за счет использования вики-сред с более широким спектром возможностей и более разнообразным интерфейсом (wikispace, wikibooks, Wikimedia Commons, wikiquote и др.).

На основе полученных из объективного источника (анонимный опрос) данных и их интерпретации можно констатировать, что применение вики-сайтов в образовательном процессе вуза является эффективным, поскольку:

1) вики-технологии значительно расширяют возможности предъявления и работы с учебной информацией. За счет использования вики-сайта в качестве медиа-хранилища в открытом доступе как преподавателям, так и студентам удалось сократить время поиска и работы с учебной информацией. Кроме того, разноуровневые тексты и задания обеспечивают дифференцированный подход в обучении;

2) проектная групповая работа и совместное создание, наполнение, редактирование вики-сайтов повышает уровень мотивации к изучению иностранного языка;

3) расширяются варианты применяемых учебных задач, и студенты самостоятельно составляют траекторию обучения, осуществляя автономное управление учебным процессом. Вики-технологии предоставляют студентам возможность как для самостоятельной работы дома в удобное для них время, так и для удаленной групповой работы;

4) анализ и ревьюирование работ друг друга, при котором студенты не только исправляют свои и чужие ошибки, но и анализируют наиболее типичные, что активизирует аналитические способности и развивает критическое мышление.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что совместная работа преподавателей и студентов вне аудитории позволила сформировать более тесные связи и предоставить возможность для сотрудничества и неформального общения,

что создавало положительную атмосферу, тем самым еще больше повышая уровень мотивации в изучении английского языка.

Таким образом, целесообразность применения вики-сайтов в обучении иностранным языкам очевидна, что подтвердилось в ходе сотрудничества нижегородских и пензенских студентов.

В заключение хотелось бы отметить, что выбор форм интеграции вики-сайтов в процесс обучения иностранных языков и унификация образовательной среды зависят от конкретного преподавателя, учебной программы и календарного плана изучения конкретной дисциплины. Применение смешанного обучения на основе вики и сочетания традиционных форм презентации знаний или использование вики-сайта с учебным материалом для самостоятельного изучения иностранного языка представляются одинаково перспективными и продуктивными.

Однако, учитывая опасения ряда исследователей относительно недостаточного внимания к дидактической составляющей процесса информатизации, необходимо понимать, что информатизация обучения эффективна и оправдана, когда ясны дидактические свойства технологических инструментов и способов и дидактическая целесообразность их внедрения в образовательный процесс. А для этого необходимо не только инкорпорировать средства ИКТ в обучение, прогнозируя возможный результат, но и постоянно анализировать и оценивать полученные результаты с целью корректировки процесса, совершенствования используемых методов, выявления более эффективных [5]. Поэтому авторы статьи планируют продолжить работу над совместным проектом с применением информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения английскому языку на третьем этапе (сентябрь 2017 г. – декабрь 2018 г.) и провести телемост с участием преподавателей и студентов вузов-участников проекта.

Библиографический список

1. Теоретико-прагматические основы интегрирования ИКТ в лингводидактику. – URL: http://alnazarenko.wikispaces.com/
2. **Войтович, И. К.** Иностранные языки в контексте непрерывного образования / И. К. Войтович. – Ижевск, 2012. – 32 с.
3. **Драгунова, А. А.** Вики-технология на практических занятиях английского языка / А. А. Драгунова // Дни науки – 2012: Филологические науки : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Прага, 2012. – С. 3.
4. **Драгунова, А. А.** Использование современных интернет-технологий Веб 2.0 в процессе преподавания английского языка, на примере Вики / А. А. Драгунова // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации : материалы третьей Всерос. науч.-практ. интернет-конф. – Ярославль : ЯГПУ, 2011. – С. 91.
5. **Назаренко, А. Л.** Информатизация образования: синтез традиционного и электронного обучения / А. Л. Назаренко // Открытое образование. – 2015. – № 2 (109). – С. 70–74.
6. **Роберт, И. В.** Методология информатизации образования / И. В. Роберт // Проблемы современного образования. – 2011. – № 2. – С. 28–60.
7. **Сысоев, П. В.** Основные направления информатизации языкового образования / П. В. Сысоев // Rhema. Рема. – 2013. – № 4. – С. 83–95.
8. **Сысоев, П. В.** Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании : учеб. пособие для вузов / П. В. Сысоев. – М. : Либроком, 2013. – 264 с.

9. **Цатурова, И. А.** Формирование медиакомпетенции как инновационной составляющей языкового образования в XXI веке / И. А. Цатурова, А. А. Яковлев, М. А. Афанасьев, К. А. Аветисова // Инновационные проекты в языковом образовании / под ред. Ю. Б. Кузьменковой. – М. : Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯР МГУ им. Ломоносова, 2007. – С. 290–294.
10. **Kolesnikov, A.** ITAR–TASS Information Service Ppojects. – URL: http://tasstelecom.ru/news/one/12748#ix2228RiAumDH
11. **Фролова, Н. Х.** Перспективы применения вики-сайтов в процессе непрерывной профессиональной подготовки «школа-вуз-предприятие» / Н. Х. Фролова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 6/2. – С. 173–179.

References

1. *Teoretiko-pragmaticheskie osnovy integrirovaniya IKT v lingvodidaktiku* [Theoretical and pragmatic foundations of integrating information and communication technologies into linguistic didactics]. Available at: http://alnazarenko.wikispaces.com/
2. Voytovich I. K. *Inostrannye yazyki v kontekste nepreryvnogo obrazovaniya* [Foreign languages in the context of life-long learning]. Izhevsk, 2012, 32 p.
3. Dragunova A. A. *Dni nauki – 2012: Filologicheskie nauki: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Days of science – 2012: Philological sciences, proceedings of VIII International scientific and practical conference]. Praga, 2012, p. 3.
4. Dragunova A. A. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyakh modernizatsii: materialy tret'ey Vseros. nauch.-prakt. internet-konf.* [Additional vocational education at modernization: proceedings of III All-Russian scientific and practical online conference]. Yaroslavl: YaGPU, 2011, p. 91.
5. Nazarenko A. L. *Otkrytoe obrazovanie* [Open education]. 2015, no. 2 (109), pp. 70–74.
6. Robert I. V. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education]. 2011, no. 2, pp. 28–60.
7. Sysoev P. V. O *Rhema. Rema*. 2013, no. 4, pp. 83–95.
8. Sysoev P. V. *Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii v lingvisticheskom obrazovanii : ucheb. posobie dlya vuzov* [Information and communication technologies in linguistic education: textbook for universities]. Moscow: Librokom, 2013, 264 p.
9. Tsaturova I. A., Yakovlev A. A., Afanas'ev M. A., Avetisova K. A. *Innovatsionnye proekty v yazykovom obrazovanii* [Innovation projects in linguistic education]. Moscow: Tsentr po izucheniyu vzaimodeystviya kul'tur FIYaR MGU im. Lomonosova, 2007, pp. 290–294.
10. Kolesnikov A. *ITAR–TASS Information Service Ppojects*. Available at: http://tasstelecom.ru/news/one/12748#ix2228RiAumDH
11. Frolova N. Kh. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socioeducational thought]. 2016, vol. 8, no. 6/2, pp. 173–179.

Фролова Наталья Хайдаровна
кандидат педагогических наук, доцент, департамент прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, г. Нижний Новгород, ул. Печерская, 25)

E-mail: frolovanh@rambler.ru

Frolova Natal'ya Khaydarovna
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of applied linguistics and foreign languages, National Research University “Higher School of Economics” (25 Pecherskaya street, Nizhny Novgorod, Russia)

Миханова Ольга Павловна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра английского языка, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Mikhanova Ol'ga Pavlovna
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, sub-department of English language, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: mikhanova@mail.ru

УДК 811 378
Фролова, Н. Х.
Возможности вики-сайта для обучения иностранному языку: опыт сотрудничества российских вузов / Н. Х. Фролова, О. П. Миханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 204–213. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-21

Р Е Ц Е Н З И И

DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-22

В. П. Митрофанов

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О СРЕДНЕВЕКОВОМ ЛОНДОНЕ

V. P. Mitrofanov

A NEW MONOGRAPH ON MEDIEVAL LONDON

Чернова, Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI в. / Л. Н. Чернова. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 366 с.

Отечественная медиевистика пополнилась новой монографией известного в нашей стране саратовского историка Ларисы Николаевны Черновой о деловых кругах средневекового Лондона. Урбанистика всегда занимала важное место как в научных исследованиях российских медиевистов [1; 2 с. 462–466, 484–548, 725–740], так и в учебном процессе на исторических факультетах вузов [3, с. 233–250, 422–424]. Была предметом научного исследования отечественных авторов и история английских городов [4–6]. Однако в их трудах практически не затрагивались вопросы, связанные с различными аспектами торгово-предпринимательской деятельности лондонских олдерменов и их образа жизни в XIV–XVI вв. В англоязычной историографии эти аспекты также недостаточно разработаны, что обстоятельно показано в историографической части монографии (с. 7–28).

Фундаментальной основой исследования Л. Н. Черновой стал широкий круг документальных, законодательных и нарративных источников, а также обширный пласт публикаций архивных материалов и специальных работ англоязычных и отечественных авторов. Оправдана структура монографии и логика изложение материала. В главе первой «Лондон: от римского муниципия к городу раннего Нового времени» следует описание его возникновения и истории в период раннего Средневековья, что позволяет подвести читателя к пониманию сложных социально-экономических процессов XIV–XVI вв., которые рассматриваются в последующих трех главах.

Во второй главе «Деловые люди Лондона в пространстве социума и власти» в четырех параграфах последовательно анализируются социально-политические аспекты. Сюда входят вопросы статуса и должностных критериев олдерменов, их социальное происхождение и способы продвижения представителей различных социальных групп в их среду, рассматривается структура, функции должностных лиц, а также отмечаются принципы и механизмы формирования органов муниципальной власти. Вывод автора о том, что муниципальная власть Лондона была олигархической, так как наблюдается сосредоточение в одних руках нескольких должностей, длительное пребывание во власти, деловые связи между семействами, тесные взаимоотно-

шения с короной, замкнутость состава высших чиновников и их имущественное состояние, подтверждается обширным фактическим и цифровым материалом данных различных источников. Таблицы 1 (с. 86), 2 (с. 114), 3 (с. 116), 4 (с. 125) наглядно иллюстрируют это положение. Перед читателем проходит целая галерея знатных лондонских семейств торговцев и членов различных торговых компаний (Т. Ноллес, Дж. Де Уосок, У. Догет и многие другие), чьи представители занимали высшие городские должности, как правило, на протяжении многих лет. Автор отметила некоторое ужесточение в XVI в. критериев имущественного ценза для олдерменов с целью сделать их элитарную группу более закрытой. Вместе с тем вокруг этой группы формировался, по ее выражению, «около олдерменский» слой фрименов, ставший своеобразным резервом советников олдерменов и низших городских должностей (с. 134, 135). Л. Н. Чернова полагает, что сама олдерменская элита все же не была монолитно единой. Внутри нее даже имелись определенные социально-экономические противоречия, приводившие к конфликтам по вопросам замещения вакансий в городской системе управления. Поэтому она считает необходимым говорить о ее трехступенчатой структуре: низшая группа (советники), элитарный слой (олдермены), внутри которого следует условно выделять «средний» уровень и «высшую» элиту. Критерием такого деления предлагается считать «степень муниципальной активности» или «концентрацию должностей». В принципе с этим можно согласиться (с. 136).

В третьей главе «Занятия и образ жизни деловых людей» последовательно рассматривается экономическая деятельность лондонской деловой элиты – торговля и кредит, кредитные операции и субсидирование короны, торговля и богатство в восприятии деловых людей и их инвестиции в недвижимость – как в самом Лондоне, так и в сельской местности. Прослежены динамика торговой деятельности олдерменов в качестве членов торговых компаний в сфере экспортной торговли шерстью, тканями, продуктами питания, винами, мехами, рыбой, основание своих факторий в заморских странах. Отмечено их подчинение себе ювелирного ремесла, чеканки монет. Показано их проникновение в сельскую местность, где они эксплуатировали десятки деревенских кустарей-сукноделов, что становится особенно заметным к середине XV в. Фактически это были уже рассеянные мануфактуры (с. 149). Деловая активность представителей элиты Лондона иллюстрируется, в частности, на примере семейства Ишем. Этот аспект рассматривается сквозь призму ливрейных и акционерных компаний, приводятся количественные данные олдерменов, ставших членами компаний, широко втянутыми в экспортно-импортную торговлю (с. 156–158). В XVI в. предпринимательской активностью они отметились в горнодобывающей промышленности, вкладывали средства в колониальные предприятия, не брезговали работорговлей и финансированием пиратских компаний (с. 161, 162).

Анализируя кредитные операции лондонских деловых кругов и их субсидирование короны, автор показала развитие товарного и денежного кредита представителям дворянства, духовенства, монастырям, что позволяло им получать немалые земельные ренты и даже приобретать земельные держания рыцарства и титулованной знати (с. 170, 171). Оказывается, их кредитные операции распространялись и на иностранных купцов (с. 172). Автор отметила появление в их среде залогового кредита под высокие проценты, хотя и

сами они порой нуждались в кредитовании, расплачиваясь за это недвижимостью и рентами (с. 177). Анализируя субсидирование короны, автор отмечает их активность в этом направлении, начиная со времени правления Эдуарда III (1327–1377). Приведенные данные свидетельствуют о значительных суммах кредитования монархов в XV–XVI вв., причем в качестве кредиторов выступали как отдельные купцы, так и их объединения. Нельзя не согласиться, что это ставило королевскую власть в определенную финансовую зависимость от них и вынуждало считаться с их предпринимательскими и политическими интересами (с. 180–182).

В монографии анализируется и ментальный аспект лондонских деловых людей, а именно их восприятие торговли и богатства. Для этого автор обращается к эпистолярному материалу, в частности к переписке представителей предпринимательского семейства Сели. По-видимому, такие предприниматели отходили от средневекового аскетизма, хотя в то же время зачастую рассматривали свой коммерческий успех в духе средневекового мировосприятия, не без «помощи Божьей».

Отмечая так называемый «конфликт сознания» лондонских предпринимателей, исследователь полагает, что преодоление его происходило через благотворительность в отношении бедных и немощных (с. 190–192). Анализируя их инвестиции в недвижимость, автор показала, что они практиковались не только в самом городе, но и в сельской местности. Таблица 5 (с. 195) хорошо отражает динамику инвестиций олдерменов по нисходящей линии в пределах Лондона за три столетия. Вслед за В. И. Золотовым [6] автор полагает, что это объясняется второстепенным местом городских земельных держаний и рент в структуре их общего дохода. В тоже время более роскошный образ жизни требовал от лондонского купечества иметь в своей собственности порой несколько роскошных домов для проживания, причем не только в Лондоне, но и в других городах (с. 196–198). Анализ внегородского землевладения лондонских предпринимателей (таблица 7, с. 225) хорошо иллюстрирует динамику их землевладения на протяжении XIV–XVI вв. в 25 графствах, где они могли владеть порой от одного до двух десятков маноров (с. 226, 227). А таблица 8 (с. 231) показывает условия их держаний (феод, аренда, собственность). Причем держания в собственности явно преобладали. Отмечено в главе приобретения ими секуляризованной в результате Реформации земли монастырей, а также методы приобретения земель светских феодалов. Насколько оказалось возможным, Л. Н. Чернова проследила некоторые изменения в их структуре землевладения за три столетия и отчасти их предпринимательскую активность в аграрной сфере в XVI в. Одной из важных причин земельных приобретений она справедливо считает рост ценности земельной собственности в XVI в.

В четвертой главе «Социальные устремления, ценностные ориентиры и частная жизнь деловых людей» исследуются ментальные аспекты лондонского купечества, а также их частная жизнь в гендерном ракурсе. Автор отметила проникновение лондонского купечества в сообщество джентри и порой получение рыцарского звания (таблица 9, с. 259), что выражалось не только в приобретении маноров, но и в одежде, жилище, развлечениях и т.п. Причем численность олдерменов, ставших рыцарями, возрастала с каждым столетием (с. 260–262). В главе показана и матримональная политика лондонского ку-

печества, т.е. заключение смешанных браков с представителями нетитулованного дворянства. Перед читателем проходит целый ряд примеров, подтверждающих эту социальную тенденцию. Подробно рассматриваются и мотивы заключения смешанных браков.

На примере «Жизнеописания Джона Ишема» проанализирован жизненный путь представителей этого купеческого семейства, отмечается их стремление к получению образования, овладению профессией торговца, трудолюбие и т.п.

Отдельно автор остановилась на анализе отношения лондонского купечества к образованию. В частности, приводится пример Джона Пайела, олдермена 1369–1379 гг., чье прекрасное образование позволило ему выполнять даже дипломатические поручения во Франции. Такие персоналии из числа лондонских олдерменов и купечества, полагает она, были не редкостью в английской действительности XIV–XVI вв. Основываясь на данных описания Лондона Томасом Платтером, отмечается факт развития образования в среде купечества, особенно во второй половине XVI в., что связано с Реформацией, распространением идей гуманизма, а также развитием и усложнением самого предпринимательства в королевстве. Совершенно справедливо в главе отмечена и роль Священного Писания в популяризации грамотности. Его роль становится более значительна в XVI в. в идеологическом и политическом аспекте, что отметил еще К. Хилла [7, с. 67–98]. В тексте главы затронуто и содержание образования в многочисленных грамматических школах того времени (с. 283–285). Вполне логичен вывод о том, что лондонское купечество хорошо осознавало связь успеха предпринимательской деятельности с образованностью. Поэтому купцы старались дать хорошее образование своим детям, которые должны будут продолжить их бизнес.

Рассматривая частную жизнь лондонского купечества в гендерном ракурсе, автор приводит множество примеров брачных союзов, свидетельствующих об их стремлении к заключению браков в собственной среде, что способствовало консолидации этой элиты и относительной замкнутости. Используя такой источник, как завещания, она исследовала и внутрисемейные отношения на примере ряда представителей лондонского купечества (Стефен де Абингдон, семейств Сели и Ишем, Мартина Боуза и др.), затронув такие аспекты, как деторождение, взаимоотношения родственников, в том числе завещание движимого и недвижимого имущества, завещание денежных средств женам, детям, отношение к здоровью своих детей, к кончине близких родственников и т.д. В результате автор выделяет три «круга» родственных отношений олдерменов: потомки до второго колена одной супружеской пары, круг родственников до 3–4 колена, включавшего в себя кузенов, кузин, дядей, племянников и т.п. Третий «круг» – более дальние родственники и слуги. Они также могли включаться в завещания в качестве наследников. В главе указана и такая черта внутрисемейных отношений, как уважительное отношение друг к другу, забота об интересах и чести семьи, оказание материальной, юридической, моральной поддержки друг другу (с. 335). Отмеченная тенденция индивидуализации во внутрисемейных отношениях фактически намечает поле для дальнейших исследований историками этой проблемы.

Монография Л. Н. Черновой, безусловно, – значимое событие в современной отечественной медиевистике. Она будет востребована не только спе-

циалистами по средневековой урбанистике, но и широким кругом историков иной специализации. Простой, но в тоже время научный стиль изложения автором сложных экономических и социальных проблем делает книгу доступной и полезной для студентов и аспирантов исторических факультетов университетов. Наличие иллюстраций способствовало бы ее популяризации среди обычных читателей, интересующихся историей западноевропейского Средневековья.

Библиографический список

1. Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. – М. : Наука, 1999–2000.
2. Всемирная история : в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / гл. ред. А. О. Чубарьян ; отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2012.
3. История средних веков : учеб. для академического бакалавриата / И. Н. Осиновский, Г. А. Ртищева, Н. В. Симонова, Е. С. Носова, Т. Н. Лощилова, Л. М. Брагина, В. М. Володарский, А. Н. Галямичев, Ю. Е. Ивонин, В. П. Митрофанов, Г. А. Попова, А. И. Сидоров, Р. В. Фурцев. – М. : Юрайт, 2017.
4. **Яброва, М. М.** Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.) / М. М. Яброва. – Саратов, 1983.
5. **Мосолкина, Т. Л.** Город Бристоль в XIV–XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология / Т. Л. Мосолкина. – Саратов, 1997.
6. **Золотов, В. И.** Операции с недвижимостью и социальные ориентиры английского бюргерства и купцов в первой половине XV века / В. И. Золотов // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. – М., 2000. – Т. 2. – С. 289–293.
7. **Хилл, К.** Английская Библия и революция XVII века / К. Хилл ; пер. с англ. Т. Павловой. – М. : ИВИ РАН, 1998.

References

1. *Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoy Evropy: v 4 t.* [The city in the Middle Age civilization of Western Europe: in 4 volumes]. Moscow: Nauka, 1999–2000.
2. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 2: Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [World history: in 6 volumes. Vol. 2: the Middle Age civilizations of the West and the East]. Chief ed. A. O. Chubar'yan. Moscow: Nauka, 2012.
3. Osinovskiy I. N., Rtishcheva G. A., Simonova N. V., Nosova E. S., Loshchilova T. N., Bragina L. M., Volodarskiy V. M., Galyamichev A. N., Ivonin Yu. E., Mitrofanov V. P., Popova G. A., Sidorov A. I., Furtsev R. V. *Istoriya srednikh vekov: ucheb. dlya akademicheskogo bakalavriata* [The history of Middle Ages: textbook for academic bachelor programs]. Moscow: Yurayt, 2017.
4. Yabrova M. M. *Zarozhdenie rannekapitalisticheskikh otnosheniy v angliyskom gorode (London XIV – nachala XVI vv.)* [The origin of early capitalistic relationships in an English town (London in the XIV – early XVI centuries)]. Saratov, 1983.
5. Mosolkina T. L. *Gorod Bristol' v XIV–XV vekakh. Ekonomika, obshchestvennye otnosheniya, sotsial'naya psikhologiya* [Bristol in the XIV–XV centuries. Economics, social relations, social psychology]. Saratov, 1997.
6. Zolotov V. I. *Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoy Evropy: v 4 t.* [The city in the Middle Age civilization of Western Europe: in 4 volumes]. Moscow, 2000, vol. 2, pp. 289–293.
7. Khill K. *Angliyskaya Bibliya i revolyutsiya XVII veka* [The English Bible and the revolution of the XVII century]. Transl. from English by T. Pavlova. Moscow: IVI RAN, 1998.

Митрофанов Владимир Петрович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Mitrofanov Vladimir Petrovich
Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of general history and
social science, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Митрофанов, В. П.

Новая монография о средневековом Лондоне / В. П. Митрофанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 214–219. – Рец. на кн.: Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI в. / Л. Н. Чернова. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 366 с. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-22

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.